

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

ISCA

No. 2 (1) 2020

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 2 (1) 2020

Nur-Sultan

EDITOR-IN-CHIEF:

Doctor of Historical Sciences, Professor
Shaihutdinov M. Y.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Doctor of Historical Sciences, Professor
Kushkumbayev A. K.

EDITORIAL BOARD:

Qydyráli Darhan	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Muminov A.K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Samashev Z. S.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Abuseitova M. K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Sabitov Zh. M.	PhD in Political Science (Kazakhstan)
Golden Peter B.	Dr., Professor (USA)
Kradin N.N.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Erdélyi István	Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
Uzelac	PhD in History (Serbia)
Aleksandar	
Mirgaleev I. M.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Zaytsev I. V.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Petrov P.N.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Nagamine	PhD in History (Japan)
Hiroyuki	

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia
Owner: International Science Complex Astana
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

FROM THE EDITOR

Dear colleagues!

Every scientific publication is a living, constantly evolving organism. Our journal dedicated to the relevant problems of the Middle Ages is no exception. In particular, a new column – “From the Editor” has appeared in the second issue of our journal, where a review of articles is given.

In the section “Ethnogenesis. Archaeology. Linguistics” you can find the second part of article “Actual problems of Turkic paleohistory: proto-language, proto-ethnos, proto-homeland” about the origin of the Turkic ethnic groups, written by Russian researcher N.I. Egorov. According to the historian, the synthesis of paleobiology data and comparative historical and genetic analysis of botanical vocabulary refers to the origin of the proto-Turkic populations from the South-Western district of the modern provinces of Jilin, Liaoning and South-East district of Circumgobi region of the Central Asia. In the first Millennium BC, exactly from the area mentioned above, the earliest observable migrations of proto-Turks began, northward along the Western foothills of the Greater Khingan up to Eastern Mongolia and Transbaikal, and westward migration to Ordos, the Alashan desert, the Gansu corridor, and possibly to the Tarim basin. These migrations began on the eve of the collapse of the proto-Turkic ethno-linguistic and cultural universe and continued until the ancient Turkic epoch. In our opinion, the polemic article by N. I. Egorov does not claim to be the ultimate truth and can be seen as a calling up to a broad scientific discussion.

The section “History of Juchi Khanate” starts with a joint article “New source on the history of Juchid dynasties” by Halit Eren, Ashirbek Muminov and Selahaddin Uygur, the scientists of the IRCICA research center (*Istanbul, Turkey*). This article considers the analysis of the work “Fadhlakat aqwal al-akhyar” (1641), written by the outstanding Turkish historian and bibliographer *Kâtip Çelebi* (1609-1657). This work has been kept in a single copy and has not yet been published. The special value of *Kâtip Çelebi's* book is that it has a special section with details of the genealogies of the Juchid dynasties. *Kâtip Çelebi* identifies five branches of the Chingisids: 1) the Chingisids in Karakorum (1206-1368); 2) their branch in Turan (1227-1370); 3) their branch in Iran and Khorasan (1256-1353); 4) their branch in Desht-I-Kipchak (1226-1502) and 5) their branch in Mawarannahr (1500-1598). The Appendix to the article contains original texts in Arabic, Persian and Turkish. Indeed, the authors of the article have researched a lot of sources and thus made a significant contribution to the history of the Juchid dynasties.

The article by Zh.M. Sabitov considers the administrative reform of Uzbek Khan. According to the author, Uzbek Khan strengthened the centralization of the Golden Horde through the reform of its political institutions. The reform was successful thanks

to the support of three strata of the population: the settled tax-paying population, commercial Muslim communities, and the tribal counter-elite. Another success factor of the reforms were unexpected reprisals against the Juchids, which began immediately after the election of Uzbek as a Khan of the Golden Horde, when the Juchids who participated in the Kurultai did not have time to leave for their Khanates. As a result, there was a renewal of the elites, and the Juchids were relegated to the background. Following Mansur Olson's concept, Zh.M. Sabitov states that administrative reform of Uzbek Khan meant the transformation of the "Nomad bandit" into a "Settled bandit" with all its consequences (*large economic growth due to the political stability, culture, infrastructure construction, etc.*). In our view, this article may start a discussion on the reformers of the Middle Ages; however, it is important to avoid projecting modern political realities on the distant historical past.

The relevant issues of military history of ancient and medieval Kazakhstan are considered in the article of the Kazakh historian A.K. Kushkumbayev. The author believes that the nomad military business is directly included in the medieval history of the Turkic-Mongol peoples of Eurasia and Kazakhstan, as well as an integral part of the military system, which includes: the structure and composition of the armed forces, military strategy and tactics, a set of weapons, craft technology for making weapons, techniques for using them, etc. At the same time, military affairs are not only an integral part of the country's history, but also an important element of the economy, material and spiritual culture, social and political relations and everyday life of the people. The author believes that the military affairs of Mongol Empire were inherited by the Nogai Horde (XV-XVII centuries), the nomads of the Eastern Desht-I-Kipchak (*the land of Sheibanids*) and Moghulistan (XV-XVI centuries), the Kazakh khanate (XV-XVIII centuries), the Siberian khanate (XV – early XVII centuries), the Bashkirs and other Turkic peoples. The military history of the above-mentioned Turkic lands requires further research on key areas of military development. In our opinion, the study of the military history of the Turks requires the joint efforts of historians of all the Turkic lands, as well as the wider use of interdisciplinary approaches.

In the previous issue of our journal, it was noted that the Kazakh school of medieval studies, which is in the process of formation, should not be limited to the history of Kazakhstan and Central Eurasia, it is important to keep in mind the broader historical context, especially since the Turkic lands have always interacted with other peoples and lands, including Europe and Russia. Therefore, in the second issue of the journal, another new section has appeared – "History of the European and Eurasian middle Ages". Definitely, this will make our view of the history of the Middle Ages more correct and balanced.

This section begins with an article by M.Y. Shaikhutdinov "Marc Bloch and the development of theoretical and methodological foundations of historical science", which identifies the most important stages in the formation of Bloch's views on the

purpose of historical science. The article analyzes such fundamental works of Bloch as "The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England", (1924), "Characteristic features of French agrarian history" (1931), "Feudal society" (1939-1940), "Apologia of history or the craft of a historian" (1941-1942). Special attention is paid to the contribution of Bloch to the formation of the journal "Annals of economic and social history" (1929) and the corresponding scientific school. According to the author of the article, the scientific ideas of Bloch contributed to the maturation of new theoretical and methodological approaches, increasing the attention of historians to socio-economic history, historical comparative studies, historical anthropology, spatial economic geography, collective psychology, the history of mentalities, etc. The very fact of lively discussions about the significance of Bloch's scientific heritage indicates that his works still retain their scientific value and relevance.

The article "Landscape of medieval Europe: researcher about the role of wood in the institution of the Russian culture and state system" by M.V. Shlyupikov and M.M. Shlyupikova is of considerable interest. From the authors' point of view the study of the environment's influence on each nation development, especially at the initial stages of the formation of statehood and the development of cultural patterns of behavior, is very relevant today. The article analyzes the scientific contribution of S.M. Solovyov, N.Y. Danilevsky, V.O. Klyuchevsky, and N.I. Kostomarov to the study of the Russian forest as a factor in the development of Ancient and Medieval Russia, the Moscow state and the Russian Empire. Russian historians' concepts concerning the influence of the nature of the Russian North-East on the formation of the Russian nation, the development of the economy, everyday life, culture, spiritual world, political processes and international relations are described. In our opinion, article by M.V. Shlyupikov and M.M. Shlyupikova could form the basis of a separate monograph.

The second issue of our journal ends up with another new section – "Reviews". The first review is on the work "Medieval Europe" by well-known British historian Chris Wickham. According to the author of the review, Wickham is distinguished due to critical view of established dogmas in historical science. The work "Medieval Europe" was no exception, in which Wickham states that history is devoid of expediency, historical development does not strive for something, but starts from something. Therefore, the turbulent period of the Middle Ages is of distinct interest and it is not necessary to consider it through the prism of subsequent events. The reviewer claims that Wickham thinks too categorically, but it is impossible not to notice his innovative approaches to the turning points of medieval history, as well as a wide and quite appropriate use of the comparative method. Therefore, one can consider the work of Wickham as a valuable contribution to modern medieval studies.

Editor-in-Chief
Shaihutdinov M.Y.

CONTENT

FROM THE EDITOR	3
Н. И. ЕГОРОВ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОЙ ПАЛЕОИСТОРИИ: ПРАЯЗЫК, ПРАЭТНОС, ПРАРОДИНА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ	7
Halit Eren, Ashirbek Muminov, Selahaddin Uygur NEW SOURCE ON THE HISTORY OF JUCHID DYNASTIES	29
Ж. М. Сабитов АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА ХАНА УЗБЕКА	73
Күшкүмбаев А.К. ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО	80
M. Y. Shaikhutdinov MARC BLOCH AND THE DEVELOPMENT OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF HISTORICAL SCIENCE	92
M.V. Shlyupikov, M.M. Shlyupikova LANDSCAPE OF MEDIEVAL EUROPE: RESEARCHER ABOUT THE ROLE OF WOOD IN THE INSTITUTION OF THE RUSSIAN CULTURE AND STATE SYSTEM.....	121
РЕЦЕНЗИИ	149

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОЙ ПАЛЕОИСТОРИИ: ПРАЯЗЫК, ПРАЭТНОС, ПРАРОДИНА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Н. И. Егоров

Чебоксары, Чувашская Республика, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам изучения истории прототюркского этнолингвокультурного универсума накануне его первичного распада, локализации исконной тюркской прародины в пространственно-временном континууме, а также выяснению причин распада прототюркской общности в середине I тысячелетия до н. э. на две филы – огузскую (пратюркскую) и огурскую (прабулгарскую).

По мнению автора, прототюркский этнолингвокультурный универсум на рубеже II–I тысячелетий до н. э. представлял собой совокупность тюркоязычных племен лесных охотников-собирателей, сформировавшуюся в юго-восточном секторе Циркумгобийской историко-культурной провинции в эпоху энеолита-палеометалла. С конца II тысячелетия до н. э. на территорию, занятую прототюркскими популяциями, перманентно докатываются с запада волны индоиранских и восточноиранских пасторальных племён.

Симбиоз автохтонных прототюркских (*ди* китайских источников) и пришлых с северо-запада восточноиранских племён скифо-сакского круга (*жунов* китайских источников) к середине I тысячелетия до н. э. приводит к распаду прототюркской общности на лесных охотников (*линху* китайских источников) и степных кочевых скотоводов (*дунху* китайских источников).

Ключевые слова: прототюркский этнолингвокультурный универсум, Циркумгобийская историко-культурная провинция, жуны и ди, жунди, дунху, праогузы и праогуры, огурский этнолингвокультурный горизонт

Introduction

Вопросы возникновения древних этнолингвокультурных континуумов, а также их контактов друг с другом являются одними из сложнейших в современной социально-гуманитарной сфере наук. Они напрямую связаны с фундаментальными понятиями «праэтнос», «праязык», «прародина», предметно-понятийное содержание которых в тюркологии до сих пор остаётся туманным. Дефиниция этих понятий этнической палеоистории опирается на операциональные и социофункциональные критерии и в принципе должна объединять оба эти подхода. Понятие «тюркский праэтнос» (или «прототюрки») можно определить как общий для всех тюркоязычных народов этнос-предок доисторической (прототюркской) эпохи, из родоплеменных подразделений которого произошла группа родственных тюркоязычных сообществ – носителей соответствующих этнолингвокультурных семиотических систем и идиом. Для проникновения в тайны палеоистории тюркского праэтноса и предыстории

прототюркского этнолингвокультурного универсума современная наука располагает скудными археологическими и антропологическими данными. Лингвистический материал требует глубокого сравнительного историко-генетического и генеалогического анализа с позиций диахронической этнолингвокультурологической компаративистики. То есть, тюркская компаративистика пришла к пониманию необходимости вновь обратиться к незаслуженно забытому, но перспективному с позиций палеоистории лингвистическому направлению «Wörter und Sachen» – «слова и вещи».

Discussion

Этноархеологический аспект. Одной из кардинальных проблем палеоистории является соотношение археологической культуры и этнической общности, а также проблема интеграции археологии, этнологии и диахронической лингвистической компаративистики. Есть множество работ, посвящённых вопросам этногенеза и ранней истории этнолингвокультурных общностей, однако вопрос о соотношении древней материальной культуры и этнической общности методологически разработан весьма слабо.

Ещё недавно было принято делать широкие обобщения на основе скудного материала – керамики, технологии её производства и орнаментации, а также отдельных групп артефактов. При этом специалисты не утруждали себя детальным анализом всей совокупности репрезентативного эмпирического материала культурных комплексов. Многие археологи верили, что археологическая культура – свидетельство существования в эпоху неолита устойчивых объединений родственных племён. На мой взгляд, нет оснований отождествлять ту или иную археологическую культуру с прямыми предками современных народов.

Диахроническая тюркская лингвокомпаративистика способна более или менее объективно реконструировать диахронический срез тюркского праязыка на уровне рубежа II-I тысячелетий до н. э. Что же касается археологических памятников эпохи палеометалла, то их этноязыковая атрибуция весьма проблематична. Отдельные признаки древних археологических культур и их комбинации нередко отождествляются с эмпирическим материалом актуальной этнографической современности. Но могут ли они отражать преемственные этнокультурные связи между археологическими культурами эпохи камня или палеометалла и современными этническими общностями? Вопросы эти остаются открытыми.

Специалисты, изучающие проблемы глоттогенеза, пытаются увязать с «неолитической революцией» и последующим широким распространением по ойкумене новых элементов древней культуры, но затрудняются привести убедительные прямые доказательства такой гипотезы. С высоты современной науки можно констатировать, что в эпоху камня и палеометалла ещё не было

таких этноразличительных факторов, которые могли бы оставить след в археологических комплексах. Предпосылки формирования первых этноопределяющих и этнодифференцирующих признаков в родоплеменных обществах начинают появляться в эпоху завершения сапиентации, то есть во времена перехода от среднего палеолита к верхнему (Аругюнов, 1989, 57-58), но это не значит, что они отложились в археологическом материале эпохи камня. Попытки определения этнокультурной специфики археологических источников, отождествления отдельных комплексов с конкретными этническими сообществами становятся более или менее конструктивными только начиная с эпохи, переходной от палеометалла к раннему бронзовому веку. Примерно с эпохи раннего средневековья можно предполагать большую или меньшую вероятность совпадения археологической культуры с конкретной этнолингвокультурной общностью.

Изучение специальной литературы показывает, что археология пока не обладает методикой объективной привязки конкретной археологической культуры к конкретному этнолингвокультурному сообществу (этносу). Тем не менее, и в наше время археологические культуры и даже крупные культурно-исторические общности (области, провинции) безапелляционно аффилируются с той или иной этнической (этноязыковой) общностью.

Повальная увлечённость этноархеологическими реконструкциями особенно широко развернулась в третьей четверти XX века (см. исследования А. П. Смирнова, Л. А. Голубевой, Е. И. Горюнова, В. В. Пименова, В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова, Е. А. Халиковой, В. Ф. Каховского, Г. И. Матвеевой, Е. П. Казакова, В. В. Седова и др.). В основе такого поветрия лежит слепая вера в то, что археологические памятники содержат надёжный объективный набор культурных артефактов, позволяющих безошибочно аффилировать археологические древности с культурой известных по историческим источникам древних и средневековых этнических общностей.

Этноисторические реконструкции делаются, как правило, на основе опыта изучения современных этносов. Опираясь на внешнее сходство более или менее однотипных археологических объектов (обычно присущих им некоторым характерным особенностям материальной культуры: утвари, керамики, орнамента, деталей погребального обряда, остатков строительных конструкций, некоторых орудий труда, предметов вооружения и т. п.) и соответствующих им «живых» этнографических реалий, некоторые исследователи опрометчиво приписывают археологические культуры тому или иному приглянувшемуся им историческому или современному этносу.

Так, например, именьковская культура Среднего Поволжья (V-VII вв.), благодаря усердию и щедрости археологов, облагодетельствована более чем десятью этническими ярлыками. И примеров такого рода – легион. Между тем, ещё Л. Н. Гумилёв предостерегал: «Мы иногда встречаемся со слепой верой в

могущество археологических раскопок, основанной на действительно удачных раскопках в Египте, Вавилонии, Индии и даже Горном Алтае... Но ведь это исключение, а по большей части археолог должен довольствоваться черепками, поднятыми из сухой пыли раскалённых степей, обломками костей в разграбленных могилах и высотой стен в один отпечаток кирпича» (Гумилёв, 1979, I, 54; цит. по: Гумилёв, 1990, 48). Серьёзные специалисты к теоретическим построениям этноархеологов всегда относились критически, так как осознавали фрагментарность и ограниченность археологических материалов и их недостаточность для воссоздания древних этнолингвокультурных процессов. Археологические источники не являются беспристрастными объективными зеркалами реального мира, поэтому «наша стратегия должна быть стратегией полемики и неудовлетворённости, вызовом ортодоксии, работы с непознаваемым» (Shanks, Tilley, 1989; 1994).

К концу XX века этноархеологи осознали, что попытки выявления в древних археологических комплексах следов современных или исторически известных вымерших этнических общностей призрачны. Надо признать, что в археологических комплексах теоретически этнодиагностирующие маркёры имеются, но беда в том, что все они нерегулярны и на практике выявить их почти невозможно. Поэтому часто разгорается полемика об этноразличительных и этноопределяющих признаках археологических культур: один и тот же признак (артефакт) одними исследователями квалифицируется как яркий этнодиагностирующий признак, в то же время другими категорически отклоняется.

К сожалению, интуитивный подход к изучению и толкованию древних и средневековых процессов в археологии не преодолен до сих пор. Проблема соотношения в палеоисторических исследованиях репрезентативного эмпирического материала, теоретических положений и методических установок археологии, этнологии и диахронической лингвистической компаративистики всё ещё далека от общепринятого решения. Надо признаться, что этническая интерпретация памятника и / или культуры не является конечной целью археологии. Археология должна заниматься функциональным изучением предыстории, например, экологической, хозяйственной, социальной адаптации популяции к условиям внешней среды. А этническими проблемами должны заниматься специалисты, одинаково хорошо разбирающиеся в этнологии, социально-культурной антропологии, диахронической лингвистической компаративистике и т. д.

При попытках археолога выйти за рамки ординарного «вещеведения» неизбежно возникают вопросы этнолингвокультурологического плана. Поселенческие, погребальные и обрядово-церемониальные комплексы демонстрируют эпохальное сходство материальной и духовной культуры, что

затрудняет этнолингвокультурную атрибуцию носителей археологических культур. Проблема усугубляется высокой мобильностью древних этносов, размытостью границ ареала их расселения, возникновением в маргинальных и фронтальных контактных зонах т.н. гибридных образований и т.д.

Археологический аспект изучения палеоистории охватывает ряд направлений: сравнение синхронных или хронологически близких сопредельных культур, установление возможной гентуинности исследуемых древностей, а также преемственности между предшествующими и последующими культурными образованиями, причём не только данного региона, но и других, порой значительно удалённых территорий, связанных историческими миграциями людей и т.д. Такой подход позволяет проследить процесс эволюционного развития данной культуры, определить границы ареала её распространения, установить сходства и различия синхронных и диахронных археологических древностей в рамках интересующей исследователя историко-культурной зоны. Археологи исходят из интуитивного представления, согласно которому выраженная в сходствах определённых артефактов преемственность материальной культуры соответствует этноязыковой преемственности. Однако опыт показывает, что корни археологических культур, как правило, уходят в разные стороны, в недра различных предшествующих этнолингвокультурных континуумов, и с какой из них совпадает языковая преемственность – неясно.

Внезапное появление или исчезновение древностей (*памятников, комплексов, культур, культурно-исторических общностей*) обычно объясняется миграцией, вторжением, колонизацией, ассимиляцией и т. п. Но чаще всего и вовсе оставляется без какого бы то ни было объяснения. Кстати, специалистам хорошо известно, что древние миграции, даже крупные, массовые, практически не оставляют археологических следов. Это явление в специальной литературе даже успело получить специальное название – «монгольский синдром» (подробнее об этом см.: Черных, 2009, 143–145; 2013, I, 283–284). Прослеживаемые по материалам археологических комплексов изменения в элементах материальной культуры при более глубоком изучении зачастую не являются результатом иммиграции инородных племён и / или смены населения (или ассимиляции аборигенов); в их основе могут лежать совершенно другие причины – например, адаптация к изменившимся природно-климатическим условиям и т. п.

Археологи более или менее успешно выделяют ареалы культур, но испытывают затруднения при аффилиации ареалов археологических культур с ареалами древних этноязыковых сообществ, так как «историко-культурные общности» не всегда коррелируют с этноязыковыми, а ареалы археологических культур и этнических общностей, за редкими исключениями, не совпадают. Опираясь исключительно на археологические источники невозможно построить хотя бы весьма приблизительное представление о таком феномене, каковым является этнолингвокультурный континуум доисторической эпохи. Поэтому

проблема корреляции этноса, языка и материальной культуры остаётся далёкой от однозначного решения.

Материалы археологических исследований и результаты диахронической лингвистической компаративистики могут отражать совершенно разные стороны и пространственно-временные стадии этнолингвокультурогенеза. Так, например, археологические источники указывают на проникновение ряда культурных артефактов извне, но на языковом материале этот процесс практически не выявляется либо в силу переноса старых названий на новые реалии, либо из-за образования названий новых объектов и явлений с помощью внутренних ресурсов языка-реципиента, например, посредством номинативных синтагмем. Возможен и противоположный случай: названия экзотических реалий проникают в язык, а соответствующие им реалии в культуру народа не поступают. Поэтому соотношение между археологической культурой доисторической эпохи и этноязыковой общностью – вопрос особый, каждый раз требующий проведения специального комплексного междисциплинарного исследования (подробнее об этом см.: Шнирельман, 1993).

Возможности корректной аффилиации археологических культур с этнолингвокультурным континуумом весьма ограничены (Шнирельман, 1993; Напольских, 2018, 18), поэтому сама методика проведения этнической идентификации археологической культуры вызывает множество вопросов. Как понимать этнические общности эпохи палеолита, мезолита или палеометалла, т. е. субъекты палеоистории? Можно ли по скудным остаткам материальной культуры опознать древние этнолингвокультурные общности? Какими средствами и методами можно опознать этническое в материалах археологических культур? Как, на основе каких фактов и каким образом можно объективно идентифицировать археологическую культуру и этническую общность? Как определить отношение разных гипотез к древней исторической реальности? Над этими вопросами бьётся не одно поколение археологов, этнологов, антропологов, лингвистов-компаративистов, но строгой научной методики для корректной интеграции данных смежных социально-гуманитарных наук пока ещё нет.

Возможности этнолингвокультурной атрибуции археологических культур, увы, весьма ограничены; археологический материал, за редкими исключениями, не даёт чётких релевантных сведений для разграничения автохтонного или миграционного развития памятника, да и культуры в целом. Материальная культура обладает высокой степенью мобильности и легко продвигается на огромные расстояния, проходя через многие этнические границы. Ярким примером тому служит так называемый сейминско-турбинский транскультурный феномен (подробнее о нём см.: Черных, 2009, 268 и след.; 2013, I, 269–283). Зачастую не только отдельные группы артефактов, но даже целые культурные комплексы,

проходя по длинной цепочке популяций, становятся общим достоянием различных этносоциальных групп, отличающихся друг от друга по антропологическому типу, языку, культуре, этническому самосознанию и т. д.

Поэтому при реконструкции ранних этапов истории этнических общностей специалисты должны опираться на археологические этнодиагностирующие критерии предельно осторожно. По одним только археологическим источникам невозможно проследить реальные культурно-исторические процессы древности, так как материальная культура сама по себе мало пригодна для реконструкции ранних этапов истории этнолингвокультурных континуумов. Генетические корни отдельных составных компонентов любого этнолингвокультурного континуума зачастую уходят в разные стороны: у материальной культуры – по одним линиям, у языка – по другим, а у генофонда – по третьим. Если наиболее сильный корень языка идёт, скажем, на восток, то это далеко не гарантия, что наиболее значимый корень материальной культуры не идёт на запад, а корни генофонда – вообще на все четыре стороны. Отсюда разногласия между представителями смежных наук, множество разноречивых концепций происхождения каждого этноса и даже археологической культуры.

По меткому замечанию Л.Н. Гумилёва, «...культуры, созданные этносами, переживают первых и вводят в заблуждение вторых, заставляя их отождествлять творение с творцом и искать аналогии между вещами и людьми» (Гумилёв, 1979, II, 188; цит. по: Гумилёв, 1990, 289). Вопросов много, а ответов нет, так как поведение этнолингвокультурных общностей невозможно вывести из особенностей типологии и стилистики материальной культуры. Не только отдельные предметы, отдельные типы артефактов, но и целые серии культурных инноваций – вещей и идей – могут циркулировать из одной области в другую даже без непосредственного контакта людей. Однако важнейший вопрос – была ли это циркуляция людей, идей или вещей – этноархеологами, как правило, обходится молчанием.

А. К. Шапошников пришёл к неутешительным выводам: «...археология как наука не обладает пока методами научного установления принадлежности конкретного языка к комплексу материализаций других базовых семиотических систем этноса (т. е. языка к археологической культуре)»; «...внутри самой археологической науки совершенно не разработаны методы и методики установления генетического родства двух археологических культур, как оставленных двумя генетически родственными этносами... Это состояние не позволяет археологам выстроить родословное древо археологических культур в их пространственно-временной соотнесённости»... «До тех пор, пока не будут найдены археологические критерии различения дивергентных и конвергентных процессов в археологических культурах, не может быть и речи об установлении генетической преемственности археологических культур и определении первичного центра их происхождения» [1].

Этот вердикт мне кажется слишком суровым, однако при работе с археологическими источниками и знакомстве с этноархеологическими исследованиями о нём необходимо помнить. Несмотря на скептическое отношение к возможностям изучения этнолингвокультурных процессов далёкого прошлого на археологическом материале, следует подчеркнуть, что этничность – реально существующий социокультурный феномен, следовательно, при изучении проблем этногенеза и этнолингвокультурной истории прошлого всегда будет возникать объективная необходимость обращаться к археологическим источникам.

Объективная идентификация археологической культуры с той или иной этносоциальной организацией, как и само выделение археологической культуры, возможно лишь после глубокого изучения взаимосвязей между ними. Изучение проблем этнолингвокультурного генеза и палеоистории требует от ученого использования фактического материала и методологического аппарата самых разных социально-гуманитарных дисциплин. Ш. Джоунс считает, что для адекватного понимания этнолингвокультурных контекстов прошлого анализ этнического в археологических культурах необходим, а исторический подход к этносу и развитию этничности в современной социально-гуманитарной науке является ключевым [2].

Сейчас уже ясно, что социально-гуманитарным дисциплинам необходимо объединить свои усилия для разработки принципиально новых методов, методик, методологии и технологий комплексного изучения насущных проблем палеоистории этнолингвокультурных континуумов на основе интеграции всех релевантных отраслей знаний. Принципиально важная проблема этноархеологического аспекта изучения палеоистории этнолингвокультурного континуума состоит в разработке теоретических обоснований и методологических приёмов разграничения генетической преемственности археологических культур от их исторического взаимодействия и взаимовлияния. Только вооружившись принципиально новой методологией комплексных междисциплинарных исследований, социально-гуманитарная тюркология нового поколения может освободиться от накопившихся субъективных гипотез, противоречий, соблазнительных, но умозрительных домыслов и закрыть зияющий пробел между «этнической общностью» и «археологической культурой».

Этнолингвистический аспект. В рамках изучения предыстории прототюркской этнолингвокультурной общности конечной целью исследования в идеале является воссоздание всего пространственно-временного континуума эволюции каждого отдельно взятого тюркоязычного народа в широком хронологическом диапазоне – с доступного обозрению прототюркского состояния до актуальной этнографической современности, вычлняя при этом узловые этапы пройденного этим народом исторического пути и раскрывая вклад

исторически контактировавших иносистемных этносов в его генезис и эволюцию на каждой диахронической страте.

Язык является одним из важнейших диагностирующих признаков этноса. Поэтому изучение проблемы палеоистории любого народа естественно начать с определения принадлежности его языка к той или иной классификационной группе. Формирование ядра лингвистической семьи И.В. Кормушин представляет следующим образом: «Процесс интеграции групп близких диалектов в языковые семьи происходил с разной степенью консолидированности на разных территориях и в разное время и занял всю “ближнюю доисторическую” эпоху (10–5 тыс. лет до н. э.). Он был вызван экстралингвистическими причинами – необходимостью объединения разрозненных племён в большие социумы. В языковом плане такие объединения проходили с обратным вектором по отношению ко вседиалектной дисперсии, т.е. через определённую унификацию морфемного и лексематического инвентаря» [3].

Язык – важный, но не единственный этноопределяющий компонент, поэтому, когда научная проблема касается прототюркской проблематики, исследователи непременно переходят на этнический аспект, то есть на изучение истории общего предка народов тюркской языковой семьи. Для ранних этапов развития человечества характерны *дивергентные процессы*: в условиях доминирования присваивающего хозяйства племя, достигнув критического демографического предела, распадалось, и отдельные группы расселялись по ойкумене в поисках экологической ниши. *Конвергентные процессы* начинают развиваться только в связи с развитием производящего хозяйства. Образование этнолингвокультурных общностей с общим языком следует понимать как весьма продолжительный интегративный процесс, конвергенция родоплеменных популяций в крупные социумы продолжалась веками, вовлекая в конфедерацию всё новые и новые племена.

Интеграция близких родоплеменных идиомов в определённую языковую общность были вызваны экстралингвистическими причинами – необходимостью объединения разрозненных племён в союзы племён, политики и протогосударства. Такая необходимость возникает в эпоху энеолита-палеометалла в связи с развитием производящего хозяйства. В процессе формирования крупных социумов «какой-то диалект, обычно в силу социально-политических причин, занимает в объединившейся группе диалектов главенствующее положение. Он не только выполняет роль средства междиалектного общения, но и становится образцом для подражания. Поскольку ситуация сохраняется длительное время (иначе образование семьи могло прекратиться, едва начавшись), главенствующий диалект, как правило, абсорбирует некоторую часть языковых особенностей других диалектов и переходит на положение общесемейного койне» [4]. Процесс интеграции идиомов разной степени материальной и структурной близости приистекал в течение длительного времени, и в случае с каждым конкретным

родоплеменным наречием неодинаковый временной диапазон. Взаимодействие между разными прототюркскими диалектами имели разную степень интенсивности и продолжительности: одни контактирующие идиомы ассимилировались быстро и практически не оставили следа, другие держались относительно долго и вносили в формирование языка значительные инновации. И.В. Кормушин полагает, что «во многих языковых семьях часть диалектов была объединена не с самыми близкими идиомами, а кроме того, к процессу интеграции, который занимал длительное и в случае каждой семьи неодинаковое время, подключались и в дальнейшем. Возможно, именно этим обстоятельством объясняются различного рода нестыковки в сравнительно-исторических построениях» [5]. Эти положения как нельзя лучше объясняют исторические судьбы отдельных родоплеменных идиомов внутри формирующейся прототюркской языковой общности.

К сожалению, археологи, этнологи и историки слабо представляют себе законы так называемых регулярных соответствий, а потому к данным диахронической лингвистической компаративистики относятся свысока, если не сказать пренебрежительно. Совпадения словарного фонда с археологическими реалиями коллеги из исторических цехов считают бедными и слабыми, подвластными случайностям: произвольному выпадению слов из лексикона языка, смене значения, необязательности соответствия слов реалиям и т. д. Между тем, в процедуре исследования этногенетических и этноисторических явлений, в частности, при этнолингвокультурной атрибуции археологических комплексов данные сравнительного историко-генетического и компаративно-контрастивно-контактологического исследования лексики приобретают особую значимость. Но результаты диахронической лингвистической компаративистики из-за своей сложности труднодоступны археологам и этнологам, поэтому лингвистический материал в этноархеологических исследованиях только в редких случаях используются квалифицированно.

Некоторые специалисты полагают, что археология даже в купе с этнологией вряд ли может объективно решать вопросы этнической идентификации древних памятников, и ей лучше отказаться от этногенетической проблематики, за исключением тех хронотопов, для освещения которых имеется достаточное количество нарративных письменных и лингвистических источников [6]. Объективность и корректность подборки этноопределяющих маркёров археологической культуры во многом определяется сопряженностью выбранных критериев с языком предполагаемых носителей изучаемой культуры, вернее, с реконструированным с помощью испытанного временем сравнительного историко-генетического метода словарём этого языка. Важнейшими и гораздо более информативными источниками для изучения палеоистории тюркского этнолингвокультурного универсума, помимо археологических и

палеоантропологических материалов, являются данные диахронической лингвистической компаративистики, полученные в результате масштабного сравнительного историко-генетического изучения общей лексики родственных языков.

В последней четверти XX – начале XXI веков тюркология и тюркское сравнительно-историческое языкознание сделали мощный рывок вперёд [7]. Материалы диахронической лингвистической компаративистики всё чаще привлекаются при изучении древнейших этапов этногенеза и палеоистории этнолингвокультурных универсумов. Чтобы понять, какими были природно-климатические и экологические характеристики ареала обитания прототюркских популяций, лингвисты-компаративисты восстанавливают состояние исконного словарного фонда прототюркского языка накануне первичного распада этнолингвокультурного универсума. Реконструируя обширные пласты лексики праязыков разных диахронических уровней, лингвисты-компаративисты получают реальную возможность изучать особенности этнокультуры, социальной организации и образа жизни праэтноса на разных хронотопологических стратах его эволюции. Экспансия традиционного сравнительно-исторического языкознания в сферу этнокультурологии и палеоистории ставит на повестку дня вопрос о кооперации, взаимодействии и сотрудничестве лингвистов-компаративистов с представителями ряда смежных социально-гуманитарных дисциплин, разрабатывающими проблематику этногенеза и палеоистории этнолингвокультурных универсумов. Но пока среди далёких от проблем диахронической лингвистической компаративистики гуманитариев устойчиво держится порочная «тенденция прямо и безоговорочно отождествлять древние археологические комплексы с теми или иными лингвистическими общностями. Итогом служат лингвоархеологические отождествления, не только кардинально расходящиеся между собой, но и почти не поддающиеся более строгой проверке, так как их авторы фактически не предлагают никаких более или менее развёрнутых обоснований для выдвигаемых гипотез» [8]. Существующие на данный момент сравнительные историко-генетические исследования в области диахронической тюркской лингвистической компаративистики [9] носят сугубо лингвистический характер. Поэтому они мало привлекают представителей смежных дисциплин – археологов, социально-культурных и физических антропологов, этнокультурологов и т. д.

Важно обратить внимание на качество сравнительно-исторических штудий. Ошибочные реконструкции специалистов в области сравнительно-исторического тюркского языкознания, возникающие из-за теоретико-методологических недоработок, осложняют интеграцию обработанного компаративистами лингвистического материала с данными смежных дисциплин, например, этногенетикой, этноархеологией, историософией и т. д., а иногда могут направить исследователей по ложному пути.

В тюркологии давно назрела необходимость развивать историческую этнолингвокультурологию, разработать комплексные контрастивно-компаративно-контактологические, историко-генетические и этимологические исследования лексики с широким привлечением соответствующего экстралингвистического материала (в духе известного направления «слова и вещи»), и уделять при этом самое пристальное внимание внешним этнолингвокультурным связям пра- и прототюркской эпох. Исключительно информативными и объективными источниками для исследования тюркской палеоистории являются древнейшие лексические интерференции из индоиранских (восточноиранских), палеоазиатских, сино-тибетских, енисейских, уральских (самодийских) и ряда других языков. Перед тюркской лингвистической компаративистикой остро стоит необходимость разобраться в природе тюркско-монгольских этнолингвокультурных взаимоотношений и освободить пра- и прототюркские реконструкции от далеко зашедших алтаистических абберраций [10].

При любом отношении к алтайской гипотезе, в академических «Сравнительно-исторических грамматиках тюркских языков» уместны лишь пра- и прототюркские реконструкции; а алтайские, урало-алтайские, ностратические, борейские и прочие дальние и сверхдальние реконструкции, при избытке непреодолимо сильного желания блеснуть эрудицией, можно привести лишь с оговорками (так сказать, «в скобках»). Реконструированный в полном соответствии с методологическими требованиями современной сравнительной историко-генетической лингвистики прототюркский лексический фонд становится первостатейным, наиболее информативным и объективным источником для палеоисторических исследований. Однако восстановленный лингвистами-компаративистами праязыковой материал, прежде чем лечь в основу этноисторических исследований, непременно должен пройти строгую экспертизу. При этом следует иметь в виду, что сама разработка методики источниковедческого анализа лингвистического материала требует понимания сути происходивших в доисторические времена непростых этнолингвокультурных процессов [11]. Когда тюркская лингвистическая компаративистика окончательно разберётся в сложностях генезиса базовой лексики прототюркского языка, перед археологами и этнокультурологами откроются врата тюркской палеоистории. Увы, этот заветный ключ всё ещё находится за семью замками потайного ларца самой строгой лингвистической науки – диахронической этнолингвокультурологической компаративистики.

Определяющее значение в процессе изучения палеоистории прототюркского этнолингвокультурного универсума в целом, а также его состояния накануне первичного распада и выделения от прототюркского ствола самостоятельных огузской и огурской ветвей, имеют комплексные

междисциплинарные исследования на основе синтеза данных всех релевантных социально-гуманитарных дисциплин, а в их числе, прежде всего, филологии с обязательной критикой разноязычных нарративных исторических источников, археологии, диахронической лингвистической компаративистики, этнологии, социально-культурной и физической антропологии и т. д. К сожалению, в тюркологии до сих пор не предпринимались сколько-нибудь серьёзные попытки сопоставления результатов палеолингвистических, археологических, этнологических, антропологических и прочих исторических исследований, но именно междисциплинарная интеграция позволяет корректно локализовать прототюркскую прародину в пространственно-временном континууме. Интеграция эмпирической базы смежных дисциплин и тесное взаимодействие специалистов самого разного профиля гуманитарной отрасли знаний обуславливает всё большее углубление нижних хронологических стратов прототюркской истории. Однако следует признать, что всестороннее изучение палеоисторических этнолингвокультурогонических процессов в рамках комплексных интердисциплинарных исследований сильно ограничено невозможностью использования на современном уровне развития тюркской социально-гуманитарной науки всей совокупности проливающих свет на прототюркскую древность этнокультурных, археологических, лингвистических, исторических, антропологических, и прочих релевантных источников. При этом важно помнить об информационной ограниченности так называемых «вспомогательных исторических дисциплин» – археологии, этнологии, диахронической лингвистической компаративистики, социально-культурной и физической антропологии, геногеографии и т. д. Применительно к доисторическим временам они демонстрируют весьма слабую информативность. Причина этого кроется, главным образом, в недостаточной изученности многих аспектов культуры прототюркских популяций. Поэтому мы сегодня имеем только косвенные сведения о гуманитарной, духовной и соционормативной культуре, системе ценностей, мировоззрении и ментальности прототюрков.

Хронотопологический аспект. Истоки тюркской цивилизации теряются в глубине тысячелетий. Тюркская палеоистория покрыта туманом веков. Однако благодаря масштабным археологическим исследованиям, проведённым в Срединной Азии в прошлом столетии мы можем по крайней мере изобразить хронологическую линию доисторической культурной деятельности и нововведений популяций восточного и южного секторов Циркумгобийской исторической провинции, из которых в конечном счёте возникает узнаваемая прототюркская цивилизация степной Евразии. Поиск и установление пространственных и временных параметров первоначального расселения любой этнолингвокультурной общности является увлекательной, но вместе с тем архисложной задачей, решение которой возможно только путём интеграции социально-гуманитарных и естественных наук.

В изучении тюркской палеоистории круг нерешённых и спорных вопросов необычайно широк. Одно противоречие лежит на поверхности: *тюрки* под таким именем (вернее, под китайским названием *туцзюэ*) появляются на горизонте истории Центральной Азии лишь в VI веке н. э., и потому велик соблазн считать их молодым этносом. Однако сравнительное историко-генеалогическое изучение двух основных ветвей тюркских языков – *Şaz*-языков стандартного (огузского) типа и *Lir*-языков огузского (булгаро-чувашского) типа – однозначно показывает, что истоки прототюркского этнолингвокультурного универсума уходят далеко вглубь тысячелетий.

Проблема хронотопологической локализации тюркской прародины обсуждается в социально-гуманитарной ориенталистике без малого полтора столетия, но специалисты так и не пришли к компромиссному решению этого краеугольного вопроса тюркской палеоистории. Лингвисты-компаративисты, этнологи, историки, антропологи всех мастей предлагают разные концепции и гипотезы, но пока в основном каждый остаётся при своём мнении и тянет одеяло на себя. На страницах специальных исследований «тюрки» со своей прародиной, видимо, будут дрейфовать по Евразийскому континенту от Передней Азии и Южного Приуралья до берегов Ляодунского залива и предгорий Большого Хингана с запада на восток и обратно до тех пор, пока не обретут истинной прародины.

В арсенале современной тюркологии я насчитал более 10 претендующих на научность самых различных, подчас взаимно противоречащих, версий географической локализации тюркской прародины. Естественно, при столь значительных расхождениях представлений об изначальных пространственно-временных параметрах прототюркского этнолингвокультурного универсума исследователи тюркской палеоистории будут ориентироваться на самые разные археологические культуры и древние кочевые племена аридного пояса Евразии и сопредельных северных и южных регионов.

Приступая к изучению дописьменных этапов истории тюркских народов, следует обрисовать широкую хронотопологическую картину взаимодействия различных этнолингвокультурных континуумов и их составных компонентов, разбросанных по самым разным регионам – от бескрайних степных просторов Евразии от Большого Хингана на Востоке до Карпатского бассейна на Западе и сопредельным северным и южным регионам. По существу, вся степная и лесостепная зона Евразии была основным доменом тюркоязычных номадов на протяжении всей истории.

Важным источником для пространственно-временной локализации тюркской прародины являются древнейшие внешние межязыковые связи праязыковой эпохи. Материальные и структурные инфлюации из исторически контактировавших иносистемных (индоиранских, сино-тибетских, палеоазиатских

и др.) языков довольно хорошо выделяются при сравнительном историко-генетическом анализе материала известных живых и вымерших тюркских языков. Так, с одной стороны, в общем лексическом фонде тюркских языков лингвистам-компаративистам удалось выявить значительное количество древнейших индоиранских (восточноиранских) лексических интерференций праязыковой эпохи. Они служат неопровержимым свидетельством интенсивных контактов прототюрков с продвинувшимися на восток ираноязычными пасторальными племенами скифо-сакского круга (*жунами* древнекитайских источников); взаимосвязи эти сложились где-то на рубеже II–I тысячелетий до н. э., а скорее даже гораздо раньше. С другой стороны, в тюркских языках выявлен значительный пласт столь же древних китайских лексических заимствований [12]. Результаты сравнительного историко-генетического изучения лексики тюркских языков указывают, что наиболее вероятное местоположение тюркской прародины находится примерно в юго-восточном секторе Циркумгобийской историко-культурной провинции.

Диахроническая лингвистическая компаративистика разработала достаточно объективные и точные «лоты», позволяющие измерить глубины исторических потоков – генетические датировки межъязыковых контактов. Так, сравнительный историко-генетический анализ общетюркских названий металлов, имеющих индоевропейские этимологии [13], позволяет уточнить время начала контактов между прототюркскими и индоиранскими племенами – это середина – вторая половина II тысячелетия до н. э., то есть начало эпохи палеометалла во Внутренней Азии [14]. Венгерский алтаист А. Рона-Таш ещё в 1980-х гг. разработал детальную периодизацию истории тюркских и чувашского языков, охватывающую хронологический диапазон с времён гипотетической алтайской общности до наших дней [15]. К сожалению, тюркские историки не обратили должного внимания на это актуальное исследование. Проблема генетической и хронотопологической стратификации истории огульского тюркского (булгаро-чувашского) этнолингвокультурного континуума аридного пояса Евразии достаточно подробно проработана Н. И. Егоровым [16].

С высоты современной исторической науки просматривается следующая панорамная картина прототюркской прародины. Начиная с эпохи раннего металла и до эпохи раннего средневековья на просторах Великой Евразийской степи, от Ганьсуйского коридора на востоке до Северного Причерноморья на западе, безраздельно господствовали индоиранские, и восточноиранские племена скифо-сакского круга. Следовательно, прародину прототюрков следует искать на восточной периферии Великой Евразийской степи, в регионе между Ганьсуйским коридором и западными отрогами Большого Хингана. Для удобства эту территорию в дальнейшем будем называть *Циркумгобийской историко-культурной провинцией*. Лесные территории, расположенные к северу от евразийского степного коридора, были заняты в основном тунгусскими, палеоазиатскими и

уральскими племенами бродячих таёжных охотников, а южные – сино-тибетскими племенами.

Следует отметить слабую изученность этнолингвистического ландшафта Циркумгобийской историко-культурной провинции вообще и в тюркологическом ракурсе, в частности. Ситуация усугубляется сложившейся в последние десятилетия порочной практикой, когда ангажированные историки, археологи и лингвисты-компаративисты в погоне за сиюминутными политическими и национальными дивидендами с необыкновенной лёгкостью и совершенно безосновательно аффилируют древние этнонимические термины китайских источников и археологические комплексы Циркумгобийского региона эпохи бронзы и раннего железного века с древними монголами. Между тем, историкам известно, что монгольские племена вплоть до конца I тысячелетия н.э. обитали восточнее Большого Хингана в бассейне Сунгари и других правых притоков Амура. В связи с постоянно муссируемой в исторической литературе навязчивой априорной идеей монгольской атрибуции ряда зафиксированных китайскими историографами в I тысячелетии нашей эры в пределах Циркумгобийской историко-культурной провинции кочевых племён (в первую очередь группы *дунху*), имеет смысл ещё раз напомнить, что монгольские племена в степях к западу от Большого Хингана появляются не ранее XI–XII вв. н. э. [17]. Знакомство с литературой по этому вопросу показывает, что высказывания о присутствии монголов в Циркумгобийском регионе ранее XI в. н. э. следует квалифицировать как недостоверные.

В методологическом плане особенно актуальным является реконструкция по данным языка так называемой вмещающей экологической ниши прототюркского этнолингвокультурного универсума. Эта задача решается *лингвистической палеонтологией* путём сравнительного историко-генетического анализа наиболее релевантных и репрезентативных для реконструкции экологического ареала прототюркского универсума тематических разрядов лексики. Методами сравнительного историко-генетического анализа словарного фонда всех известных тюркских языков сначала выявляется исчерпывающий состав исконной «экологической» лексики прототюркского языка, а затем по совокупности природно-климатической, ландшафтно-географической и биологической номенклатуры реконструируется соответствующий экологический ареал расселения прототюркского этнолингвокультурного универсума.

Уже с пионерных работ в области диахронической лингвистической компаративистики специалисты для установления пространственно-временной локализации прародины начали прибегать к методам лингвистической палеонтологии. Эти методы ещё в XX веке хорошо обкатаны на индоевропейском и уральском лингвистическом материале, но в тюркологии к ним стали обращаться лишь недавно [18].

Так, Ю. В. Норманская рассмотрела «исторические и археологические данные, подтверждающие традиционную точку зрения о жизни этноса-носителя пратюркского языка к моменту его распада в предгорьях Саяно-Алтая и о возможных миграциях пратюрков из Ордоса в Саяно-Алтайский регион» [19]. Следует отметить, что Ю. В. Норманская пишет о «пратюркском» состоянии, хотя реплика «к моменту его распада» указывает, что процитированное суждение следует отнести к гораздо более ранней прототюркской эпохе. Но китайские источники свидетельствуют, что собственно тюрки (вернее *туцзюэ* китайских источников) в Саяно-Алтайском регионе появляются только в VI в. н. э. [20]. Тем не менее, она пришла к заключению, что «во время распада пратюркского языка этнос-носитель, согласно общепринятой теории, очевидно, находился в предгорьях Саяно-Алтая. Возможно, что в какой-то более ранний период тюрки кочевали между Ордосом и Саяно-Алтаем. Эта гипотеза нуждается как в археологических, так и лингвистических доказательствах» [21]. Нетрудно заметить, что Ю.В. Норманская слишком трепетно отнеслась к «традиционной точке зрения» на историю «пратюрков» и стремилась втиснуть результаты сравнительно-исторического анализа ботанической лексики тюркских языков методами лингвистической палеонтологии в прокрустово ложе устоявшихся в тюркской историографии традиционных представлений [22].

Суть метода лингвистической палеонтологии состоит «в соотнесении присутствовавшего в реконструированном праязыковом лексиконе комплекса понятий, позволяющих представить природную среду, в которой обитал пранарод, с имеющимися выводами палеобиогеографии относительно эпохи, к которой относится время существования праязыка. Эта методика позволяет определить район, в котором мог сформироваться данный комплекс понятий в данную эпоху. Такой район предложено именовать *праязыковым экологическим ареалом*, который так или иначе должен соотноситься с районом бывшего расселения носителей праязыка перед его распадом, с прародиной» [23].

Принцип лингвистической палеонтологии состоит в следующем. Сначала методами сравнительного историко-генетического анализа лексики реконструируется словарный фонд праязыка. Из этого фонда выбираются репрезентативные для воссоздания природно-климатической и экологической среды тематические группы лексики, отражающие географический ландшафт, растительный и животный мир периода функционирования праэтноса. Так, если в большинстве тюркских языков выявляется ряд этимологически тождественных и генуинных названий сельскохозяйственных культур и домашних животных, специалисты приходят к заключению, что прототюркам были знакомы земледелие и животноводство и что у них было развито производящее хозяйство.

Методика лингвистической палеонтологии чаще всего применяется при определении природно-географической среды и «вмещающей экологической ниши» обитания носителей праязыка. По набору сохранившихся в словарном

составе большинства гомогенных языков, а поэтому проецируемых на праязыковую диахроническую страту общих наименований ландшафта и климатической среды обитания, флоры и фауны, специалисты определяют примерный ареал обитания доисторических популяций. При наложении на физическую палеогеографическую карту восстанавливаемой для праязыковой диахронической страты природно-географической, ландшафтной, флористической и фаунистической номенклатуры обычно удаётся очертить соответствующий ландшафтно-экологический ареал – компактный регион совместного распространения всех данных природных явлений и фактов, который так или иначе должен соотноситься с реальным районом обитания носителей праязыка накануне его распада.

Для решения вопроса о соотношении праязыкового ландшафтно-экологического ареала и прародины нужно состыковать данные лингвистической палеонтологии с данными диахронической лингвистической компаративистики, полученными в результате историко-генетического, этимологического и компаративно-контрастивно-контактологического анализа исконной лексики, древнейших иноязычных заимствований в самом исследуемом языке, а также проникших из этого языка лексических инфлюаций в контактировавших иносистемных языках [24]. Данные о взаимосвязях между гетерогенными иносистемными (например, между прототюркскими и восточноиранскими) и генуинными (например, между огузскими и огузскими тюркскими) идиомами надо соотнести с данными физической антропологии, этногеономики и геногеографии современных тюрков. Затем все эти сведения следует наложить на воссозданную по археологическим данным карту культурных традиций соответствующей эпохи.

Conclusion

Таким образом, из всей совокупности лингвистических, археологических, историко-культурологических, палеогеографических, антропометрических и прочих репрезентативных эмпирических данных складывается достаточно объективное представление о хронотопологических параметрах прародины и социально-культурном облике самого прототюркского глоттофора. Синтез данных палеобиологии и результатов сравнительного историко-генетического анализа ботанической лексики тюркских языков указывает на происхождение прототюркских популяций с территории юго-западных районов современных провинций Гирич, Ляонин и юго-восточного сектора Циркумгобийского региона Центральной Азии. Именно отсюда начинаются наиболее ранние из доступных обозрению миграции прототюрков в I тысячелетии до н. э. на север – вдоль западных предгорий Большого Хингана вплоть до Восточной Монголии и Забайкалья, и на запад – до Ордоса, пустыни Алашань, Ганьсуйского коридора и, возможно, до Таримского бассейна. Эти миграции начались уже накануне распада

прототюркского этнолингвокультурного универсума и продолжались вплоть до древнетюркской эпохи.

Использованная литература

1. Шапошников А. К. Праязык, праэтнос, прародина // Мова культура. Кив: Видавничий дом Дмитра Бураго, 2006. Вип. 9. Т. 1. С. 129-136
2. Jones S. The Archaeology of Ethnicity. Constructing identities in the past and present. London; New York, 1997. – 180 p.; 2nd ed.: London; New York: Routledge, 2003. P.126
3. Кормушин И. В. К реконструкции грамматических категорий глагола // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 265
4. Кормушин И. В. К реконструкции грамматических категорий глагола // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 265
5. Кормушин И. В. К реконструкции грамматических категорий глагола // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 266
6. Подробнее об этом см.: Trigger B. G. Ethnicity: An appropriate concept for archaeology? // *Fennoscandia Archaeologica*. Helsinki, 1994. Vol. XI. P. 100–103; Этимологический словарь тюркских языков (далее ЭСТЯ): Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Авт.-сост. Э. В. Севортян. М.: Наука, 1974. – 767 с.; Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Авт.-сост. Э. В. Севортян. М.: Наука, 1978. – 349 с.; Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Г», «Д» / Авт.-сост. Э. В. Севортян. М.: Наука, 1980. – 389 с.; Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. – 293 с.; Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: «Языки русской культуры», 1997. – 368 с.; Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Индрик, 2000. – 265 с.; Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. М.: Вост. лит., 2003. – 446 с.; Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Т», «Ч» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. *Рукопись*.; Eyüboğlu I. Z. Türk Dilinin Etimoloji Sözlüğü. Istanbul: Sosyal Yayınları, 1988 (1991. – 782 s.; 1995; 1998. – 866 s.; 2004; 2017; 2018. – 912 s.); Eren H. Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü. Ankara: Bizim Büro Basım Evi, 1999. – 512 s.; Gülensoy T. Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi

Sözlüğü. Ankara: TDK Yayınları, 2007. I c. – 608 s.; II c. – 595 s.; 2-nci basım. 2018. – 1024 s., Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. Лит., 2007. – 223 с.; Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 616 с.; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика (далее СИГТЯ). М.: Наука, 1984. – 284 с.; Синтаксис. М.: Наука, 1986. – 284 с.; Морфология. М.: Наука, 1988. – 560 с.; Лексика. М.: Наука, 1997. – 800 с.; Лексика. М.: Наука, 2001. – 822 с.; Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. – 767 с.; Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса. М.: Наука, 2006. – 908 с.; Т Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I: (А Б). 341 с.; 2002. Т. II: (Д, Е, И, Й). – 388 с.; 2004. Т. III: (К – Л). – 440 с.; 2008. Т. IV: (М, Н, О, П). – 442 с.; Nişanyan S. Sözlereın Soyagacı: Çağdaş Turkçenin Etimolojik Sözlüğü. İstanbul: Everest Yayınları, 2002 (2007; 2009). – 773 s.; Nişanyan S. Nisanyan Sözlük: Çağdaş Turkçenin Etimolojisi. İstanbul: Liber, 2018 – 1035 s.; Róna-Tas A., Berta Á. West Old Turkic: Turkic loanwords in Hungarian. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011: Part I: Introduction, Lexicon «A–K». – 918 p.; Part II: Lexicon «L–Z», Conclusions, Apparatus. – 919–1194 p.; Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. Ике томда. Казан: Мәгариф–Вакыт, 2015. I том (А–Л). – 543 б.; II том (М – Я). – 567 б.; Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages (далее EDAL). Leiden; Boston: Brill, 2003. Vol. I: (A – K). – 858 p.; Vol II: (L – Z). – 859–1556 p.; Vol. III: (Indices). – 1557–2096 p. и др.

7. Шнирельман В. А. Междисциплинарный подход и этногенез // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 258–284 ЭСТЯ; СИГТЯ; EDAL и др.

8. Революционные в этом отношении работы: Туймебаев Ж. К. Казахско-монгольские лексические параллели: Материалы к Этимологическому словарю казахского языка. М.: Русский раритет, 2005. – 560 с.; Туймебаев Ж. К. Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках (ревизия фонетического закона Рамстедта-Пеллио). Монография. М., 2004. – 182 с.; Туймебаев Ж. К. Становление и развитие алтайской теории и алтаистики. Туркестан: МКТУ им. Х. А. Ясави, 2006. – 272 с.; Туймебаев Ж.К., Егоров Н. И., Чеченов А. А. Актуальные проблемы исследования языков Центральной Азии: Туранский языковой союз. Астана; Кокшетау: Изд. КГУ, 2009. – 108 с.; Туймебаев Ж., Сағидолда Г. Алтайстиканың тарихи-лингвистикалык негізі. Алматы: Қазығұрт, 2015. – 408 б. и др.

9. Шнирельман В. А. Междисциплинарный подход и этногенез // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 258–284

10. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. Лит., 2007. – 223 с.

11. Егоров Н. И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн.1. – С.288

12. Егоров Н. И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн.1. – С. 284–295

13. Рона-Таш А. Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка: Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1980. С. 3–13; Róna-Tas A. The periodization and sources of Chuvash linguistic history // Chuvash Studies/ Budapest; Wiesbaden: Akademiai kiado, 1982. P. 113–169. Bibliotheca Orientalis Hungarica, 28; Asiaticshe Forcshungen, 79. – PP. 113–169

PROSPECTS OF KAZAKHSTAN'S MEDIEVAL STUDIES TO THE PROBLEM STATEMENT исторической истории чувашского народа. Чебоксары. Новое время, 2017. Кн.1. – 420 с.; Егоров Н. И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн. 2. – 440 с.

15. Иностранцев К. А. Хунну и гунны: (Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и взаимных отношениях этих двух народов). Л., 1926; 2-е изд. М.: Директ-Медиа, 2014. – С.93–94; Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929. – XII. – С.19; Таскин В. С. Материалы по древней истории кочевых народов группы дунху. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1984. С. 34–49; Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. – С.147–149; Егоров Н. И. Избранные труды: Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология. Астана; Чебоксары: Новое время, 2009. Т. I. – С.157–159; Yegorov N. I. Ogur-Bulgar-Çuvaş etnoglottogenezinin ana problemleri: (Eski dönem) // VI. Uluslararası türk dili kurultayı bildirileri. 20–25 Ekim, 2008. Ankara: TDK, 2013. IV cilt. – S. 4649–4651; Егоров Н. И. Огур-палхар-чаваш этноглоттогенезён теп проблемисем (авалхи тапхяр) // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2010. №5. С.93, 102; Егоров Н. И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн.1., С. 130–135; Григорьев Е. М. Гуннская проблема и вопрос об этнокультурных параллелях сюнну, гуннов и предков чувашей: историографический аспект. Ч. 1 // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. Вып. 5. С. 33, 55; Григорьев Е. М. Гуннская проблема и вопрос о культурных параллелях сюнну, гуннов и предков чувашей: историографический аспект. Ч. 2 // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. Вып. 3. С. 5–27 и т. д.

16. Норманская Ю. В. Географическая локализация пратюрков по данным флористической лексики. I // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э. Р. Тенишева. М., 2005. С. 300–325; Норманская Ю. В. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным

флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 384–434; Норманская Ю. В. Географическая локализация прародин тюрков по данным флористической лексики. II // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М.: Вост. лит. РАН, 2008. С. 11–154; Норманская Ю.В. Верификация локализации тюркских прародин на основании сопоставления лингвистических и археологических данных о комплексе вооружения тюрков // Урало-алтайские исследования. М., 2011. № 01 (04). С. 34–56.

17. Норманская Ю. В. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародин тюрков по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 389

18. Новые представления о перипетиях этнополитической истории древних тюрков см.: Егоров Н. И. Мифологическая основа древнетюркских генеалогических преданий // Материалы Международной научно-теоретической конференции «Наследие Серикбола Кондыбая: новые взгляды на развитие мировой мифологии» (К 50-летию учёного-мифолога Серикбола Кондыбая). Актау, 6–8 июня 2018 г. Караганда: «Экожан», 2018. С.43–80

19. Норманская Ю. В. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародин тюрков по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 397

20. Критический обзор отдельных положений Ю. В. Норманской см.: Гумбатов Г. Н. Историческая прародина тюрков: От Арана до Алтая. Баку: Elm i takhsil, 2012. – 447 с.

21. Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань: АН РТ, 2012. – 644 с.

22. Туймебаев Ж.К., Егоров Н. И., Чеченов А. А. Актуальные проблемы исследования языков Центральной Азии: Туранский языковой союз. Астана; Кокшетау: Изд. КГУ, 2009. – 108 с

IRSTI 94.456.1

NEW SOURCE ON THE HISTORY OF JUCHID DYNASTIES

Halit Eren, Ashirbek Muminov, Selahaddin Uygur

Research Centre for Islamic History, Art and Culture (IRCICA), Istanbul, Organization of Islamic Cooperation

Abstract. The article aims to introduce into scholarly circles the new source entitled “Fadhlakat aqwal al-akhyar” by the Ottoman historian and bibliographer Katib Çelebi (1609–1657). His book on the world history had been preserved in a single, unique copy and was not been published until now. Among others, it contains a special section entitled “Branches of Chingizids,” which outlines the history and provides genealogies of the Juchid dynasties.

The significance of “Fadhlakat aqwal al-akhyar” for the study of the history of the Golden Horde, its sources, and the methods of Katib Çelebi in interpreting data from various sources are determined. The annex presents the original typed texts in Arabic, Persian, and Turkish, genealogical schemes of the Juchid rulers, and photo illustrations from a unique manuscript.

Keywords. Ottoman historiography, Juchids, history of ruling, genealogy, Ottoman view on the history of Juchid rulers.

Introduction. In order to broaden the research on the history and culture of the Golden Horde, further findings of new sources has great importance. One of these little-known written works is the book “Fadhlakat aqwal al-akhyar fi ‘ilm at-ta’rikh wa-l-akhbar” by the medieval Ottoman encyclopedic scholar and historian Mustafa ibn ‘Abdallah al-Qunstantini, known as Katib Çelebi (1609–1657). His unique book on the world history has been preserved in a single autograph manuscript [1] and has not yet been fully published [2]. This publication aims to contribute to the scientific research with a section on the history of the Juchid rulers from this historical work [1, f. 185ᵒ-187a]. The above mentioned section provides a brief historical background on the Juchid rulers and their genealogy. Two subsections (shu’ba) are highlighted in it: 1) “Great Steppe” (ad-Dasht); 2) “Shaybekids” (Shaybekiya). Inside the Great Steppe there are three sections: a) Blue Horde (Kök Orda); b) White Horde (Aq Orda); c) “Rulers of Khorezm” (Salatin Khwarazm).

Life and Achievements of the Author

Mustafa ibn ‘Abdallah al-Qunstantini was born in Istanbul in 1017/1609. His father ‘Abdallah Efendi, a graduate of the palace school of officials (Enderun), served in the Topkapı Palace (Divan-i Humayun) in the account department for Anatolia (Anadolu Divan Muhasebeciliği Kalemi) as a “palace squire” (silahdar). When Mustafa was 14 years old in 1623, he began to serve the sultan as an assistant to his father

(şagird). However, in 1628, he lost his father and after that at the very same year his uncle passed away. In 1629, Mustafa received a commission in the Topkapı Palace, Department of Cavalry Affairs (Süvari Mukabelesi Kalemî). In 1645, he had to resign after a 20-year of service due to a conflict with his boss (Mukabele başhalifesi) related to the problems in promoting his career.

After leaving the public service, he completely devoted his life to science. He pursued his studies in science, became interested in reading books, and expanded his private library. Due to his social position and scientific activity, he became famous in society under two pseudonyms: among the 'ulama' as "Katib Çelebi", and among officials of the Sultan's Palace – "Hajji Khalifa" [3, p. 36-40].

Literary Achievements

Katib Çelebi is the author of more than 20 works. He composed works on various branches of science such as geography, literature, jurisprudence, theology, bibliography and history [4, p. 96]. These works have not yet been studied and published adequately.

The geographical views and scientific interests of Katib Çelebi are evidenced by his geographical and astronomical writings: "Cihan-numa," "Lavami' al-nur fi zulumat-i Atlas Minur," "Ilham al-muqaddas min fayd al-Aqdas" and others. His works on the history of non-Muslim peoples of Europe, compiled on the basis of translated works (from Latin and Greek): "Tarjuma-yi ta'rih-i Frengin", "Ta'rih-i Qunstantiniya wa-qayasira", "Irshad al-khiyara ila ta'rih al-Yunan wa-r-Rum wa-n-nasara." Experts think that Katib Çelebi's interest in Western sources is related to an awareness of the military strength and technical supremacy of the West. Educated Ottoman Turks were well aware of the reasons behind the success of Europeans in gradually establishing control on the seas and land – which had to do with a sound knowledge of geography and the availability of technology for the production of advanced weapons [5].

Katib Çelebi was a patriot and very loyal towards his country. He believed that the condition of longevity and prosperity of the state relies on the implementation of balanced politics (siyasa). He distinguishes two types of policies: rational (siyasa 'aqliya), which is based on reason, and Shari'a (siyasa shar'iya), which is based on the laws derived from the Qur'an and Muslim tradition (Sunna). All affairs in the Islamic state are decided in line with Shari'a policy, because, as Katib Çelebi writes, it is better than a policy based only on reason, and the rulers of Islamic states that implementing Shari'a law, will be happy with the happiness of two worlds – this world and the other world. He outlines his stance regarding the Islamic sciences in his following writings: "Dustur al-'amal li-islah al-halal", "Rajm ar-rajim bi-s-sin wa-l-jim", "Sharh tafsir al-Baydawi", "Husn al-hidaya fi sharh al-risala al-muhammadiyya", "Jami' al-mutun min jall al-funun."

His caliber as an encyclopedic scholar is clearly manifested in such works as the encyclopedic dictionary "Tuhfat al-akhyar fi-l-hikam wa-l-amthal wa-l-ash'ar", "Durar-i muntashira wa ghurara-i muntashira", etc. In his encyclopedic dictionary, he collected

philosophical and literary stories, useful and entertaining information of various kinds, verses, wise words, proverbs, sayings and etc. from essays in Arabic, Persian, and Turkish. The German scholar Gustav Flügel considered Katib Çelebi as one of those who influenced the formation of the ideas of the Islamic encyclopedia [6, Volume 1, p. 44].

In the Western scholarship, Katib Çelebi became famous primarily for his biographical and bibliographic work “Kashf az-zunun ‘an asami al-kutub wa-l-funun”. The German orientalist Franz Babinger (1891–1967) called him the “Greatest scholar of the Ottomans” (der größte Polyhistor der Osmanen) [7, p. 196]. Some scholars called him as “as-Suyuti of the Ottoman Turks”, offering, therefore, a comparison between his talent and the unusual versatility of the Egyptian Muslim scholar Jalal ad-din as-Suyuti (1445-1505) [4, p. 96].

Katib Çelebi as a Historian

His first and voluminous work on history was “Fadhlakat aqwal al-akhyar fi ‘ilm at-ta’rikh wa-l-akhbar” (other names: “Fadhlakat at-tawarikh”, “Ta’rikh-i kabir”, Arabic “Fadhlaka”) composed in 1641 in Arabic. A year after the completion of its draft (musawwada), the author resumes his work, as the colophon of the manuscript indicates the date of Rabi’ II 1052/July-August 1642 [1, folio 313a]. This work by Katib Çelebi was written in the genre of “world histories” (Universal History) and covers the period from the creation of the world to the events unfolded in the year mentioned above. It encompasses the history of 150 states and 1,500 rulers [7, p. 196].

His second historical work “Taqwim at-tawarikh” corresponds to “Fadhlakat aqwal al-akhyar” in content. It is a kind of chronological table of the author’s first historical work, and resembles a re-arrangement of it. It was completed in 1648 in two months [9, volume 3, p. 86; 7, p. 196].

His next work on the history of the Ottomans from 1591 to 1655 (1000–1065 hijri) was “Ta’rikh-i Fadhlaka” (Other name: “Turkish Fadhlaka”, “Ta’rikh-i saghir”) written in Turkish [7, p. 196; 12, p. 541-542]. The fourth work of Katib Çelebi on the history of the Ottomans’ sea battles “Tuhfat al-kibar fi asfar al-bihar” was completed in 1656.

The main goal of Katib Çelebi as a historian was to outline a general history in order to derive a lesson for modernity. In addition to his excellent proficiency in Arabic and Persian, he also mastered ancient Greek and Latin.

Katib Çelebi was engaged in a systematic historical research and conducted analyses of the reasons behind the development of human civilization and the states. He took the position of the great Arab-Muslim historian Ibn Khaldun (1332–1406) on the need to follow a critical method in the field of the science of history. Katib Çelebi believed that the goal of historical science is to discover the universal laws of the development of society and the state. Unlike Ibn Khaldun, he believed that even if the government is in the state of decline, it can be saved from destruction with the help of energetic efforts of wise rulers.

Katib Çelebi's views on history were influenced by the humoral theories of Hippocrates and Galenos – ancient medical scientists, by the socio-political concept of the medieval Muslim philosopher Abu Nasr al-Farabi and especially by the social teaching of Ibn Khaldun, who is considered to be the founder of the philosophy of history [4, c. 97].

Katib Çelebi also develops the doctrine of human society as an organic whole and provides methods for saving the Ottoman state from decline and death. Katib Çelebi's ideas on the nature of power, state and civilization aimed at developing ways to recover the Ottoman Empire from the state of decline. In this regard, modern scholars place him among the reformers of the middle Ages [5].

Manuscript of "Fadhlakat aqwal al-akhyar"

As is known, two years after the author's death, all his books were sold out. As a result, his private library was shattered [8, p. 6]. A significant part of it, along with autographs of the works by Katib Çelebi, fell into the hands of 'Izzeti Mehmed Efendi [3, p. 36-37].

The work has been preserved in a single manuscript, which entered into the Beyazit Devlet Kütüphanesi library and received the number 10318. The manuscript is an autograph. It consists of seven flyleaf sheets with some notices [1, f. 0I, I–VI] and the text of the composition [1, f. 1b–313a]. In several places of the manuscript there are inserted pages without any pagination. In the text of the composition on Folios 2–25 there is a gap where the author was going to mention the titles of 1300 historical works.

Indeed, on the forehand of the manuscript there are marks of several owners and readers:

- Caption (Inscription): "Tarikh-i Fadhlaka", in Arabic, a composition by Katib Çelebi [written] in his handwriting [1, f. 1a];

- "from among the books of the insignificant servant of God, Mustafa ibn Ahmad Mansuri-zada" [1, f. 1a];

- This insignificant translator of "Qamus-i 'Asim", took part in the joint reading (mutala'a) of this book (mudawwan) by the late Katib Çelebi "Fadhlaka-yi tamm ta'rih" on the date 1225/1810-1811 [1, f. 1a];

- From the books of Badr's property (tarika), left after his death [1, f. 0Ia];

- Print of the owner's seal – Ahmad Diya' ad-din al-Husayni, dated 1265/1848-1849 [1, f. 1a].

Work's Structure

In the introduction, the author states that the composition would consist of an introduction (muqaddima), three chapters (asl) and a conclusion (khatima) [1, f. 2b–3a]. As conceived by the compiler, each chapter was to be divided into two parts (qism). In turn, each part had to be divided into three sections (fasl).

However, the composition itself has a slightly different structure. In fact, the composition consists of introduction, first chapter and conclusion. The redesigned book

structure is set forth in the table of contents (Fihrist), compiled by the author himself and placed on the flyleaf sheets of the manuscript [1, p. Ib–IVa].

The existing introduction has four sections (fasl). The first section sets out the table of contents of the subdivisions and subsections (Fihrist al-fusul wa-l-abwab); the second section is about the meaning of history and its subject; the third section contains listing of works compiled in the field of science of history; the fourth section is about the foundations and principles of science that a historian should bear in mind.

The main chapter (al-asl) consists of three sections (fasl):

- 1) On the prophets and pre-Islamic rulers (muluk qabl al-Islam);
- 2) On the Islamic rulers. The section consists of ten subsections covering the period from the first century of the Hijra (Muslim era) to the tenth century. In the subsection “The Seventh Century of the Hijra” (al-Qarn as-sabi’), the Chingizid dynasties were described [1, a. 178a].

A significant part of the seventh century of the Hijra was the era of the Ottoman state from its foundation until 1051/1641 [1, f. 197a–250b]. This part was published in 2009 in Ankara by “Türk Tarih Kurumu”, prepared by Sayyid Muhammad al-Sayyid [2].

- 3) On the unrighteous rulers of the Islamic era comprising false prophets, invaders and rebels.

The book ends with the sub-section “Tatimma fi alqab al-muluk wa-d-duwal ‘ala-l-huruf” (Final subsection in the names of possessions and states is in alphabetical order). It is the final part of the composition.

The word “Fadhlaka” in the title of the composition plays a key role in understanding the contents of the composition. As the author himself states in the book, this term is taken from the lexicon of accountants (muhasibun) and means “generalization,” “deriving a general rule” (jumla) of everything that follows from the completion of accounting work with numbers [1, f. IVb, VIb].

The main source of Katib Çelebi was Abu Muhammad Mustafa Efendi ibn Hasan ibn Sinan al-Hashimi al-Jannabi’s (died in 1590-1591) “al-‘Aylam az-zahir fi ahwal al-awa’il wa-l-awakhir”. Al-Jannabi’s text was rewritten in the middle of the page in rectangular frames, word for word or in an abbreviated form. Katib Çelebi increased the number of dynasties from 82 (that were indicated by al-Jannabi) to 150 [7, p. 196]. This increase was mainly due to the excerpts from other sources, which were written down in wide glosses in the margins of the main text.

Katib Çelebi kept the languages of his sources unchanged (in Arabic, Persian and Turkish). The essence of his interventions in the texts of the sources was as follows: 1) he summarizes the information provided by preserving the informative part; 2) the Persian word “hala” (“at the present moment”) is replaced by the compiler on the exact date; 3) he replaces ideological expressions from his Shiite sources, such as “ghazi” – “fighter for faith”, with neutral words and phrases.

Based on its nature, this work can be classified as *ta'lif* (composition) [10, p. 410–443]. The original character is the classification by the author of materials on dynasties, the giving of serial numbers to biographies of rulers. At the beginning of his work, Katib Çelebi, as it can be seen from the “introduction” (*muqaddima*), had the intention to compose a completed new book (*tasnif*). However, he was only able to complete the purely historical part. In it, all world history is presented in the form of the accession of various dynasties, their development, decline and change. Katib Çelebi decided to confine himself to the introduction, the main part in three sections and a brief conclusion (*tatimma*). The work remained unfortunately in the draft version (*musawwada*).

What prevented Katib Çelebi from writing the analytical parts (Chapter 2 – “*Asl Thani*” and Chapter 3 – “*Asl Thalith*”) and realizing his idea completely? Firstly, it's known that Katib Çelebi responded without enthusiasm to the proposal of Shaykh al-Islam of the Ottoman Empire Zakariya-zada Yahya Efendi (1622–1623; 1625–1632; 1634–1644) to rewrite the draft of the composition (*musawwada*) into a clean copy (*bayad*) to present his book to the attention of Sultan Mehmed IV (1648–1687) [13, p. 543]. Secondly, according to some experts, Katib Çelebi decided to implement the idea of “*Fadhlaka*” in another independent work – “*Taqwim al-tawarikh*”, completed six years after the completion of the draft of “*Fadhlaka*” [14, p. 93-100]. It is known that “*Taqwim at-tawarikh*”, after its completion, was presented to the attention of Sadrazam Koca Mehmed Pasha (1648–1649) through the mediation of Shaykh al-Islam ‘Abd ar-Rahim Efendi (1647–1649). As a result, both of these people played a positive role in Katib Çelebi's return in 1648 to his previous department (*Süvarî Mukabelesi*) as an official (*ikinci khalifelik*) at the Sultan's service [7, p. 195; 8, p. 2-3].

History of Chingizids

The main source of Katib Çelebi on the part of the history of Chingizids was “*al-'Aylam al-zahir fi ahwal al-awa'il wa-l-awakhir*” by Abu Muhammad Mustafa Efendi ibn Hasan ibn Sinan al-Hashimi al-Jannabi. Our studies show that these data were supplemented with the information from “*Ta'rikh-i Jahan-ara*” by Qadi Ahmad Ghaffari Qazwini (died in 1567–1568) and “*Habib as-siyar fi afraad ahbar-i-bashar*” by Ghiyath ad-din Khwandemir (1475–1536) in Arabic. For us, the Arabic translator of “*Habib as-siyar*” remains unknown.

In the introduction of the book, the author announces his plan to present the history of the Chingizid dynasties “Collection [of information] on the branches of Chingizids” (“*Majmu' shu'ab min al-Jingiziya*”), dividing them into five branches: 1) Chingizids in Qaraqorum (Ulugh Yurt); 1206–1368; 2) a branch of them in Turan; 1227–1370; 3) a branch of them in Iran (al-'Iraq) and Khorasan, 1256–1353; 4) a branch of them in Dasht-i Qipchaq, 1226–1502; 5) a branch of them, which is called Uzbakiya (Shaybekiya), in Mavarannahr, 1500–1598 [1, f. 2a]. Further, in the text of the book on the insert, which gives an extensive and detailed genealogical diagram of the Chingizid

rulers, the number of rulers for each of the branches is indicated: 1) Qaraqorum or Ulugh Yurt – six rulers; 2) Turan – from the 7th number to the 34th number; 3) Iran (Iraq) and Khorasan – from the 35th to the 50th number; 4) Dasht-i Qipchaq – from the 51st to the 94th number; 5) Mawarannahr – from the 95th to the 104th number [1, insert folio between folios 178-179]. When presenting the history of the rulers of each dynasty in the text of the composition, they are assigned autonomous numbering, starting with one. For example, 46 Dasht-i Qipchaq rulers were given serial numbers. Here it is noteworthy to indicate that the Crimean khans (1428–1792) are represented as successors of the main line of the Juchids, rulers of the Golden Horde (1227–1502). For the rulers of the Shaybekid (Uzbek) dynasty, 15 numbers are given.

In the section “Dasht-i Qipchaq”, when setting out the three branches “Kök Orda”, “Aq Orda” and “Sultans of Khorezm”, the internal numbering of the rulers is not affixed. It is completely absent. In the index of the book (Fihrist) compiled after its completion, of these three branches, only one branch, “Salatin Khwarazm” is indicated [1, f. IIIa].

Principles for Preparing the Original Text for Publication

The following text was typed from the manuscript and all the special characters of the author were taken into account. Genealogical tables of rulers are of independent importance. Therefore, we decided to give their photo illustrations along with the typed text. The immediate ancestors of some Juchids remained obscure to the author [Urus Khan, 1361–1375; Tuqtamish Khan, 1376–1395]. To approximate the origin of such branches, Katib Çelebi organized special subsections: “Kök Horde”, “Ak Orda” and “Sultans of Khorezm”.

When typing, quotes from other sources were compared with the existing editions and manuscripts [16; 17; 18].

The annex to this publication contains original typed texts in Arabic, Persian, and Turkish, genealogical schemes of the Juchid rulers, as well as several photo illustrations that were taken from the unique manuscript.

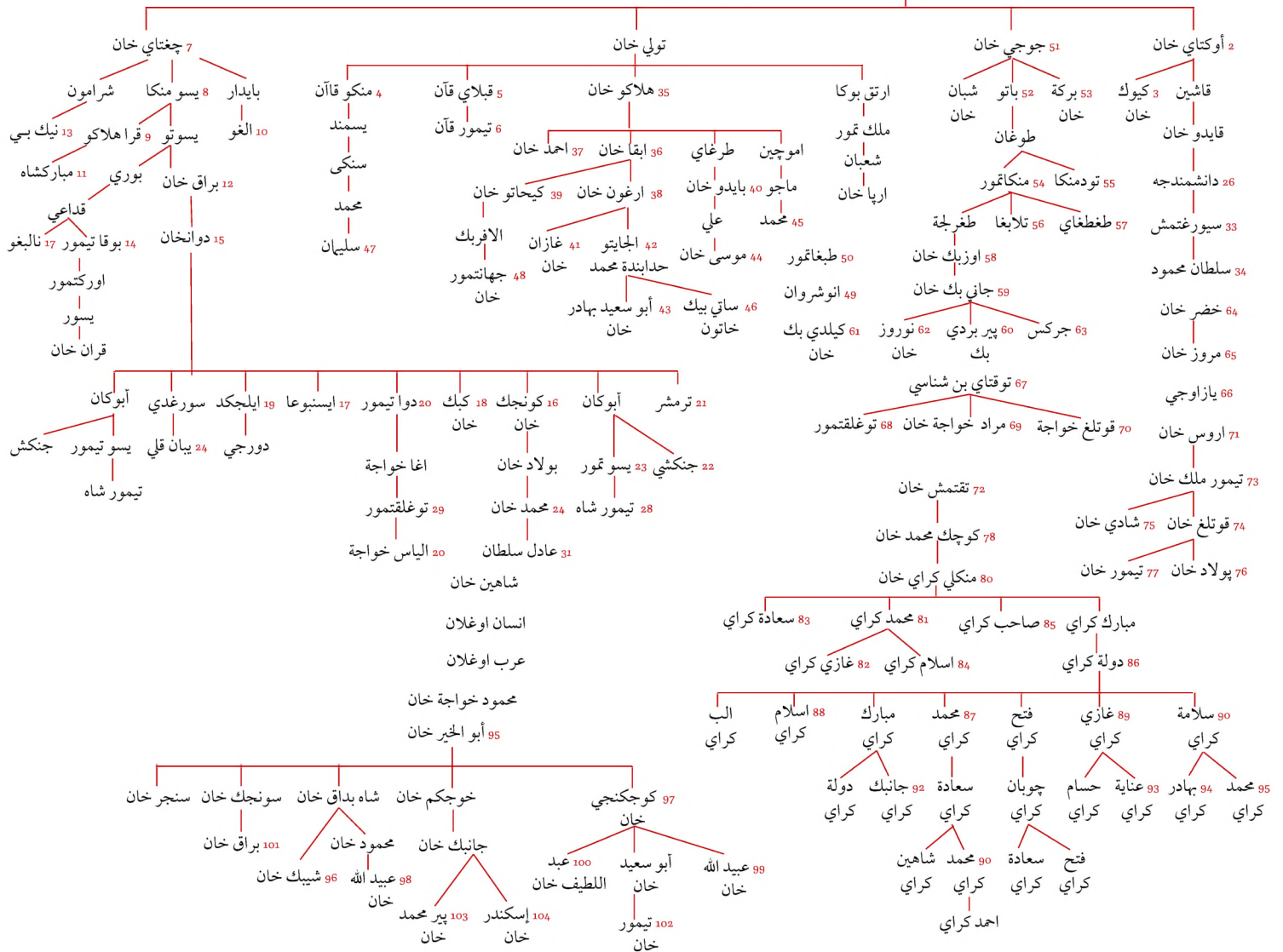
Cited Sources and Literature:

1. Kâtib Çelebi. Fezleketü akvâli'l-ahyâr, Bayezid Umumi Ktp., nr. 10318. – 315 f. خليفة حاجي، القسطنطيني الله عبد بن مصطفى، چلبی کاتب والأخبار التاريخ علم في الأخير أقوال فذلکة
2. Kâtib Çelebi. Fezleketü Akvâli'l-Ahyâr fî 'İlmi't-Târih ve'l-Ahbâr (Fezleketü't-Tevârîh). Târîhu mülûki Âl-i 'Osman / Edited by Sayyid Muhammad al-Sayyid. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2009. – 563 p.
3. Gökyay, Orhan Şaik. Kâtib Çelebi, Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi, Cilt 25, p. 36–40 (in Turkish).
4. Nasyrov, Il'shat R. Vzgliady Katiba Chelebi (Khadzhi Khalifa) na obshchestvo i gosudarstvo [The views of Katib Çelebi (Haji Khalifa) on society and the state], in: Islam v sovremennom mire, tom 14, No. 2 (2018), p. 95–110 (in Russian).

5. Karlıga, Bekir. The Horizon of Katip Çelebi's Thought [Electronic resource] // URL: http://muslimheritage.com/article/horizon-katip-celebi%E2%80%99s-thought#sec_6 (date of the application: 11.04.2020).
6. Lexicon bibliographicum et encyclopædicum a Mustafa Ben Abdallah Katib Jebebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum... Gustavus Fluegel, Leipzig, 1835, volume I, p. 31–48.
7. Babinger, Franz. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1927. – 477 p.
8. Müjgân Cumbur. Kâtip Çelebi Hayatı ve Eserleri // Türk kütüphaneciler derneği bülteni, Cilt VII, Sayı 1-2, 1958, p. 1–6 (in Turkish).
9. Bursalı Mehmed Tâhir Bey. Osmanlı müellifleri. 3. Cild. Hazırlayan İsmail Özen. İstanbul Yaylacık Matbaası 1975. – 320 p. (in Turkish)
10. Khismatulin A.A. Vidy musul'manskoi nauchnoi literatury v X-XV vv.: sochineniia (tasnif) i kompiliatsii (talif) [Types of Muslim scholarly literature in the 10th-15th centuries: compositions (tasnif) and compilation (ta'lif)], in: Sbornik statei v chest' 70-letii R.R. Rakhimova – "Rakhmat-name". Ed. by M.E. Rezvan. Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i ètnologii Rossiiskoi akademii nauk, 2008, p. 410-443 (in Russian).
11. Aycibin Zeynep. Katip Çelebi. Fezleke: Tahlil ve Metin [The Text and Analysis of Katip Çelebi's History]. PhD Diss. İstanbul: Mimar Sinan Fine Arts University, 2007. – 1115 p. (in Turkish)
12. Kütükoğlu, Bekir. Fezleke, Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi, XII, İstanbul 1995, p. 541-542 (in Turkish).
13. Özcan, Abdülkadir. "Fezleketü't-tevârîh", Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi, XII, İstanbul 1995, p. 542-544.
14. Mükrimin Halil Yinanç, "Fezleket Ekvâl el-Ahyâr Hakkında", Katip Çelebi: Hayatı ve Eserleri Hakkında incelemeler, Ankara 1985, p. 93-100.
15. Kâtip Çelebi, Takvimü't-tevârîh: in 2 volumes. İstanbul 1146.
16. قاضي أحمد غفاري قزويني تاريخ جهان آرا
تهران
17. غياث الدين بن همام الدين حسيني خواندمير حبيب السير في أخبار أفراد بشر
18. الدرر الكامنة في أعيان المائة الثامنة
أبو الفضل أحمد بن علي بن محمد بن أحمد بن حجر العسقلاني (المتوفى: 852هـ)
مراقبة / محمد عبد المعيد ضان
مجلس دائرة المعارف العثمانية - صيدر اباد/ الهند
الطبعة: الثانية، 1392هـ/ 1972م
عدد الأجزاء: 6

Appendix

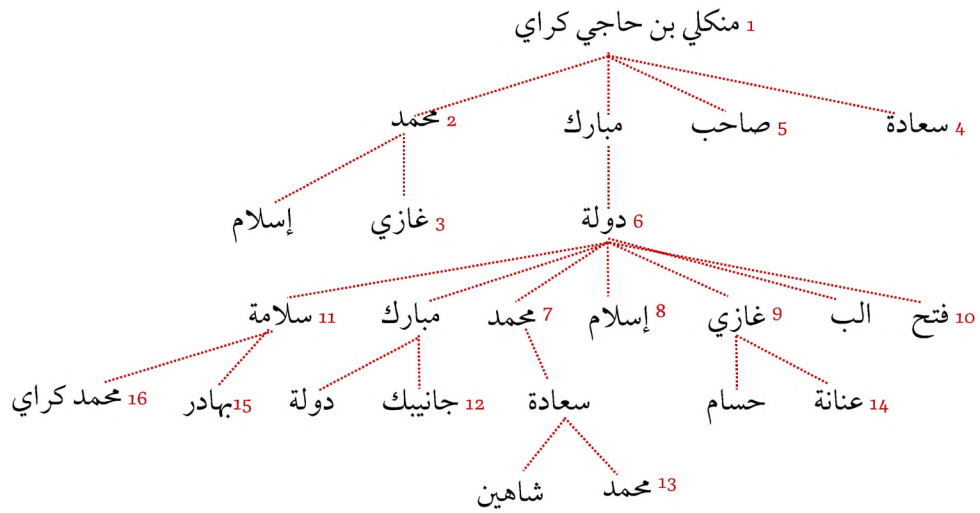
مجموع شعب الجكنزية
من الأولى إلى 6 بألغ يورت ومنه إلى 34 بتوران ومنه إلى 50 بالعراق وخراسان ومنه إلى 94 بدشت
قفجاق ومنه إلى 104 بماوراء النهر

[106b]

شعبة من الجنكزية

في الدشت - والدشت باللغة الفارسية اسم البرية ووجه الإضافة إلى قفجاق فقد سبق ذكره في ملوك الترك - وخوازم - لهم «تاريخ» لطاشكندي - وما وراء النهر

1- أولاد «جوجي» خان بن جنكز خان، قال صاحب «حبيب السير» وهو أكبر أولاد جنكز، مدرش بوريه قوچين دختر پادشاه قنقرات^(١)، ولما قسم الممالك بين أولاده عين له ولاية خوارزم والدشت وآلان وآس والروس وبلغار^(٢)، وكان بينه وبين أخويه چغتاي وأوگتاي وحشة لأنهما طعنا في سبه ومات جوجي في ربيع الأول سنة ٦٢٤ قبل أبيه بستة أشهر.

(١) «جهان آرا» (٢٠٣).

(٢) «حبيب السير» (٧٥ / ٣).

فذلکة أقوال الأخیار فی علم التاریخ والأخبار

وفیه إن قوم مرکیت لما أغار أخیبة جنکز اخذوا امرأته وهی حامل ثم أرسلها أونک خان إلی جنکز فوضعت حملها حین دخلت فسمی جنکز جوجی یعنی مهمان نو رسیده^(۱).

وفی «حیب السیر»: إن الدشت بقیت فی أیدی أبناء جوجی إلی زماننا هذا وهم اثنی وثلاثون علی روایة «ظفرنامه» وتسعة وثلاثون علی ما فی «ألوس أربعة». 2- وتولی مکانه ابنه «باتو» لقبش صاین خان، ولما تولى عمه أو گتای وكان یحبه فأرسل ابنه گیوک وولد أخیه منگو فی جیش کثیف إلیه لیغزوا معه فسار واستنقذ کثیراً من بلاد روس وچرکس منها بلدة مگس حاصر شهراً ثم أخذها عنوة وقتل أهلها ثم سار إلی باشقرد وانتصر بها علی الکفار وهزمهم وغنم ثم رجع إلی الدشت، وهی بلدة متصلة ببلاد الإفرنج من بلاد النصارى، وأذن لهم بالانصراف فانصرفوا فتمکن باتو وبنى مدينة سراي فجعلها کرسی مملکته واستمر إلی أن توفي سنة ۶۵۴ خند.

استرخاء اعضا پیدا کرده درکنار آب آتل فوت شد ولادتش سنه 602^(۲). باتو بحکم اوکتای بجای پدر نشست با آنکه او را ده برادر بزرگتر بود و نام او در احکام مقدم می نوشتند و در باب خانی با برادر مضایقه نکرده^(۳). «سرتاق» بن باتو در خدمت منکو قآن بود او را اعزاز تمام کرده بجای پدر نصب فرموده به یورت اصلی روان داشت و او در راه ازهم گذشت^(۴).

(۱) «جهان آرا» (۲۰۳) و «حیب السیر» (۷۴/۳).

(۲) «جهان آرا» (۲۰۳).

(۳) «جهان آرا» (۲۰۳).

(۴) «جهان آرا» (۲۰۳).

وهو على طريقة آباءه لا يتدين بدين.

3- ثم تولى مكانه أخوه «بركة» خان بن جوجي انتهى. قال الجنابي: كان السلطان بركة مسلماً لما أسلم بنى مدينة «سراي» واتخذها دار الملك وحمل أمم الدشت على الدخول في الإسلام ولذلك كانت محل خير وبركة وأضيفت بعد إضافتها قفجاق إلى بركة، انشد عصام الدين حفيد «صاحب الهداية» في مرجعه من الحجاز وقد قاسى في الدشت:

قد كنت اسمع أن الخير يوجد في صحراء تعزي إلى سلطانها بركة

بركت ناقة ترحالي بجانبها فما رأيت بها في واحد بركة^(١)

وأقام فيها الدين الحنفي واستدعى العلماء فاجتمع عنده زمرة الفضلاء كالزاهدي وغيره من الشافعية والحنفية من الأطراف وعظم شعائر الله وفي سنة ٦٦٠ وقع الخلف بين هلاكو وبركة وأرسل إليه بركة يطلب منه نصيباً مما فتحه من البلاد وعلى ما جرت به عادتهم فقتل رسله فاشتد غضبه وكاتب الظاهر صاحب مصر ليتفقا على هلاكو وفي سنة ٦٦١ التقى بركة مع هلاكو فأفشلا فانهم هلاكو وقتل أكثر أصحابه وغرق أكثر من بقي وهرب هو في شردمة ثم أغار بركة على بلاد القسطنطينية وصانعه صاحبها وأرسل صاحب مصر إليه هدايا وتحفاً وفي سنة ٦٦٣ لما هلك هلاكو وتولى أبقا سار عليه تركه وكسره ومزق عسكره وفي سنة ٦٦٥ خسه توفي السلطان بركة.

بركه خان قره بغداده كلوب غالب اولمشيدى اندن كچوب تونه ياليسى أق
كرمان وكيلی حواليسى اجنادينه مقر ومقام اولوب تارقان يازيسى يالي كولى قوتلو

(١) «عجائب المقدور» (١١٦/١).

فذلکة أقوال الأخیار فی علم التاریخ والأخبار

بغا قنلی صویبی اول یرلرده انلر آثارندندر که مزبورک عسکرنندن اول یرلرده ساکن اولمشلر ایدی تونه نك برو یقاسندن أوغوز عسکری صاری صالتق ایله اوته یقاسندن تاتار یوریوب أنکروس دیارنی غارت ایدرلردی برکه خان عسکرنندن بر فوج مهاج صحرا سنده أنکروس عسکری ایله جنک ایدوب بوزلدیلر «کمال پاشا زاده»

«اولاغیجی»^(۱) بن باتو بجای پدر منصوب گشته هم در آن آیام فرورفت^(۲).
 «برکه خان»^(۳) بن چوچی سلطنت نشسته بشرف اسلام رسید و میانه او وابقا نزاعی شده با سیصد هزار سوار بر کنار کور رود خانه^(۴) شیروان^(۵) آمده و چون کذار نیافت رفت تا از تفلیس بگذرد در راه بمرض قولنج در سنة ۶۶۴ در گذشت بعد از وی سلطنت بفرزندان او^(۶) رسیده متفرق بدو فرقه شدند^(۷).
 4- ثم قام من أهل بیته «منکو» تمر بن طغان بن باتو وکان علی طریقته ثم التقی مع أبقا فکسره أبقا وغنم منه وفي سنة ۶۶۷ وقع الخلف بین التتار من أصحابهما فوقع بینهم عدة حروب وفي سنة ۶۷۱ أرسل الظاهر إلى منکو تمر بهدايا جلیلة وفي سنة ۶۸۱ خفا مات منکو تمر.

5- وملك بعده أخوه «تود منکا»^(۸) بن طغان إلى سنة ۶۸۶.

(۱) ورد فی الأصل علی شکل «برکه خان».

(۲) «جهان آرا» (۲۰۴).

(۳) ورد فی الأصل علی شکل «اولاغیجی».

(۴) ورد فی الأصل علی شکل «روخان».

(۵) ورد فی «جهان آرا» (۲۰۴) علی شکل «کر شیروان».

(۶) ورد فی «جهان آرا» (۲۰۴) علی شکل «اورده».

(۷) «جهان آرا» (۲۰۳).

(۸) «حیب السیر» (۷۶/۳) ورد علی شکل «تود منکا بن طوغان».

- 6- ثم نزل عن الملك وتزهد لابن أخيه «**تلابغا**» بن منكو تمر وفي سنة ٦٩٠ قتل تلابغا، ولم يذكر خواندامير باسم تلابغا أحداً.
- 7- وأقيم بعده أخوه «**طغغاي**» بن منكو تمر وطال مدته وكان على دين التتار في عبادة الأصنام والكواكب ويعظم الحكماء والأطباء ويكرم المسلمين أكثر من غيرهم وكان جيشه هائلاً لا يجسر أحد على قتاله لقوة عدده مات سنة ٧١٣ **زيب**.
- 8- وتولى بعده ابن أخيه «**اوزبك**» خان بن طغرلجه بن منكو تمر، وفي «حبيب السير»: إن الوس ازيك كلهم منسوبون إليه، وكان مسلماً فأظهر دين الإسلام ببلاده وقتل خلقاً كثيراً من الكفار انتهى. نقل الجنابي من «المختصر» ثم قال وغلب بعده ايشان اوغلان على الدشت.
- 9- ثم انتقل منه إلى جانبيك لكن قال خواندامير: وملك بعده ابنه وكذا في «جهان آرا». «**جانبيك**» خان بن أوزبك خان انتهى. وكان عادلاً عالماً يحب العلم والعلماء كقطب الدين الرازي وسعد الدين التفتازاني وقد ألف «شرح المختصر» له سنة ٧٥٧ وحافظ الدين الرازي وأحمد الخجندي وغيرهم، فقصدوه أرباب المعارف فامتلاً بسببه مدينة سراي وهو الذي سار إلى آذربيجان سنة ٧٥٨، كذا في «حبيب السير» وقال الجنابي: في حدود سنة ٧٦٥ والله أعلم. حين بلغه تمادي الأشرف ابن چوبان في الظلم فقام بتحضيض القاضي محيي الدين البردعي فخار من طرف الدربند حتى وصل إلى تبريز فقاتل الأشرف فانتصر عليه وقتله ثم ترك بتبريز ابنه بردي بك خان وعاد إلى بلاده ثم مات بعد سنة تقديراً وكثر الهرج بعده حتى استقل أروس خان انتهى كلام الجنابي.

- 10- وفي «حبيب السير» أن «بردي» بك خان لما سمع وفات أبيه وهو بتبريز سار إلى الدشت فتملك. وفي «الدرر الكامنة»^(١) بردي بك خان صاحب الدشت مات سنة ٧٦٢ اثنتين وستين وسبعمئة.
- 11- ثم تولى «كيلدي» بيك خان مدة.
- 12- ثم ملك من أولاد جانبيك خان «نوروز» خان.
- 13- ثم أقاموا [185b] «جر كس» خان بعده ونسبوه إلى جاني بك لأمر اقتضى ذلك.
- 14- ثم بعده «خضر» خان.
- 15- ثم ابنه «مرود» بن خضر خان.
- 16- ثم بعده «بازاوجي» خان.
- 17- ثم «توقتاي» بن سياشي^(٢) خان.
- 18- ثم «توغلقتمور» خان ابن أخ توقتاي.
- 19- ثم أخاه «مراد» خواجه.
- 20- ثم «قتلق» خواجه أخ توقتاي.
- 21- ثم «اروس» خان. قال الجنابي: وفي سنة ٧٧٧ غلب تمورلنك على قمر الدين خان بتركستان وفوض الخانية ببلاد صبران وسغناق لتوقتمش خان الذي انحاز من أورس والتجأ إليه وفيها أرسل أورس عسكرياً مع ولده فبلغ إلى قتال توقتمش فاتفق أن أصاب قتلق بوغا بهم فهلك ثم انهزم توقتمش فنهبت عسكر اروس بلاده ثم أمده تيمور فأعاده إلى بلاده ثم أرسل أورس ولده الكبير قيا إليه فوقع بينهما قتال

(١) «الدرر الكامنة» (٢/٥).

(٢) ورد في «حبيب السير» (٧٥/٣) على شكل «توقتا بن قوشيلاي».

انهزم توقتمش ورمى نفسه إلى نهر سيحون فنجى وعاد إلى تيمور بسمرقند ثم طلبه أروس من تيمور فلم ير تيمور تسليمه من المروة فاتفقا على القتال فاقتتلا في صحرا أترار قتالاً شديداً انتصر تيمور واطمحل أروس خان، وفي «حبيب السير»^(١) تولى بعد أروس ابنه توقتاقيا ثم تيمور ملك ولم يذكره الجنابي.

22- وتوغل تيمور في بلاد الدشت فحرب وقتل رسمي وفوض الدشت إلى «توقتمش» خان في سنة ٧٧٨ وعاد إلى سمرقند.

23- ثم إن أصحاب أروس اجتمعوا على «تيمور ملك» خان بن أروس خان فسلطنوه وساروا به على توقتمش فلما علم أنه لم يقاومه هرب إلى سمرقند واستقل تيمور ملك ثم استغل بالملاذ واللهو فاستخبر عن ذلك توقتمش أمر سغناق فاستنجد من تيمور فأمدته بعسكر عظيم فنهذ ولم يشعر تيمور ملك إلا بحضوره فقابله بمن حضر عنده فانتصر عليه توقتمش وتمكن بسراي ولم يبق بعده لتيمور ملك فآتمه كذا في «تاريخ شرف الدين اليزدي» وفي «تاريخ ابن عربشاه»: أن توقتمش لما بلغه كسر تيمور السلطان حسين حفيد الأمير فزعره وفيض عليه في سنة ٧٩١ توجه إلى مصاف تيمور من جهة سغناق فخرج إليهم تيمور من سمرقند وتلاقياً قريباً من نهر خجند انهزم جيش تيمور أولاً ثم انتصر وانكسر توقتمش وفي سنة ٧٩٢ استشعر الأمير ايدكو وهو أحد الرؤساء في الدولة التتقتمشية فهرب من عنده إلى تيمور وحرضه على المسير إلى بلاده فخرج من طاش كند بعسكر كثير في صفر سنة ٧٩٣ وصحبته قتلغ اوغلان بن تيمور ملك وكرنجه أوغلان فتوغل في الدشت شهراً حتى التقى مع توقتمش في أقصى بلاد الشمال وهي مملكة بلغار فوقع بين الفريقين

(١) «حبيب السير» (٧٦/٣).

قتال لم يعهد بمثله واستمر ذلك بينهم نحواً من ثلاثة أيام ثم انهزم توقتمش ورجع طائفة من عسكره إلى تيمور فاختل لذلك نظامه ثم إن تيمور لما عاد من الروم إلى سمرقند.

وكان تيمور قد أرسل أولاً إلى زعماء جيش توقتمش بالانخزال عن صاحبهم ووعدهم فاتخذوا يوم التقى الجمعان. وهذه القبيلة أق تاء ثم سار هؤلاء مع تيمور إلى الروم فوصلوا إلى نواحي أدرنه واستوطنوا.

24- فوض أمر الدشت إلى كرنجة اوغلان من أولاد جوجي خان وإلى الأمير ايدكو في التفتيش عن أمور توقتمش ونصب «قوتلغ» بن تيمور ملك خاناً وشيده في دار الملك وأما توقتمش فبعد أن تراجع جمع عساكره ولا يزال الحرب بينه وبين ايدكو إلى أن بلغ مصافهم خمس عشرة مرة فأخذ قبائل الدشت في التناقص والشتات وهو في أمره محصور في حصن ناسور فانحازت منهم طائفة كثيرة إلى الروم والروس فصاروا بين مشركين ونصارى واسم هذه الطائفة قره بغدان ثم إن قتلغ شتت جمعه وغرق هو ونحو من خمسمائة رجل في بحر الرمل فلم يشعر به أحد واستبد توقتمش انتهى.

وفي «تاريخ اليزدي»: ثم إن تيمور لما بلغه استقرار توقتمش سار بجموحه في جمادى الأولى سنة ٧٩٧ فالتقى معه وقاتله قتالاً شديداً انهزم عسكر توقتمش افتح هزيمة ثم فوض الدشت إلى فريد اوغلان خان بن أرش خان ثم سار إلى حاجي ترخان وسراي فنهب وقتل أهلها ثم وضعوا فيهما النار وفي «تاريخ ابن عربشاه» ولما عاد توقتمش إلى سراي وجلس على سرير الغفلة وكان ايدكو يتربص في النصر فلما تيقن أنه في متنزه منفرد عن العسكر فكبسه فقام وقاتلهم حتى قتل

وهذه الواقعة السادسة عشر وذلك سنة ٧٩٨ **وصح** واستقر امر الدشت على متولي ايدكو وتعرفت أولاد توقتمش في الآفاق جلال الدين وكريم بردي في الروس [186a] وباقي إخوته في سغناق واستمر أمر الناس على مراسيم ايدكو يولي السلطنة من شاء ويعزله فممن ولاء قتلغ تيمور خان.

25- ثم أخوه «شادي» خان.

26- ثم «فولاد» بن قوتلغ تيمور خان.

27- ثم أخوه «تيمور» خان، وذكر خواندامير^(١) بعد تيمور خان هذا الترتيب جلال الدين، كريم بردي، كيك خان أبناء توقتمش ثم جكرة ثم جبار بردي بن توقتمش ثم سيدي أحمد ثم درويش ثم محمد خان ثم دولت بردي بن تاشتيمور^(٢) ثم براق بن قرجق^(٣) الذي حارب مع ألوغ بك ثم غياث الدين بن شادي^(٤) ثم محمد بن تيمور خان ثم أبو الخير خان وبه يتم الأربعون على رواية «ألوس أربعة».

وفي أيامه تخبطت الأمور وجرت بينهما فتن فظهر جلال الدين بن توقتمش في سنة ٨١٤ وضعف حال ايدكو وقتله تيمور خان وكان ممن يحمده سيرته وله حكاية في إصابة الرأي والتدبير متشرعاً بحب العلماء وخلف نحواً من عشرين ولد انتهى. وفي «تاريخ الطاشكندي» أن واحداً من أولاد توقتمش قادر بردي خان سار على ايدكو فلما التقى أصابه بهم فقتله.

(١) «حبيب السير» (٧٦/٣).

(٢) ورد في «حبيب السير» (٧٦/٣) على شكل «قاشي تيمور».

(٣) ورد في «حبيب السير» (٧٦/٣) على شكل «براق بن قرجق».

(٤) ورد في «حبيب السير» (٧٦/٣) على شكل «غياث الدين شادي بيك».

فذلكة أقوال الأخبار في علم التاريخ والأخبار

28- وأقام أهل الدولة واحداً من أولاد توقتمش مكانه وهو المدعو بكوچك «محمد»

هذا أبو الخواقين بأرض قريم ولكن أهل الدشت لم يقولوا بذلك بل يقولون ملك بعد توقتمش الكبير توقتمش الصغير ثم ملك أولو محمد خان ثم ملك كوچك محمد خان وهو الذي يعنيه التاشكندي بأنه كان خاناً في وقعة ايدكو وكان أيداً شجيعاً غزا بلاد الروس وأخذ بلداً من بلاد مسقو.

29- ثم ملك «حاجي» كراي خان وكان جميل السيرة وفي حدود سنة ٨٨٠ توفي حاجي

كراي وتخبطت الدولة بعده بسبب أنه خلف من الأولاد اثني عشر ذكراً وعدة رجال ممن يصلح الملك فصار يملك كل واحد منهم ساعة ولما بلغ ذلك صاحب الروم السلطان محمد خان أرسل وزيره كدك أحمد باشا فصار حاصر قلعة كفة وأخذها وكانت بيد الإفرنج ثم سار إلى قلعة منكوب وكان من احصن القلاع وكانت بيد أمراء نصارى الروم فافتتحها وقبض على عدة ملوك من النصارى وأرسلهم إليه وصادف في القلعة واحداً من أولاد حاجي كراي، منكلي كراي خان وكان قد تولى بعض الأيام بمعاوضة الأمير أيبك ثم غلب عليه بعض إخوته فهرب إلى قلعة منكوب فقبض عليه أحمد باشا وأرسله إلى الباب فحبسهم مدة ثم إن السلطان أخرجه ودعي جانبه وأعطاه منزلاً بقرب من داره ثم إن الأمير أيبك بعث إلى الباب يقول سمعنا أن سلطاننا قد حصل عندكم فالمأمول إرساله إلينا وقد تعطلت أمور المملكة بسبب فقدته فيكون البلاد كلها للسلطان ويكون منكلي خان كالنائب عنده فأجاب السلطان إلى مستوله.

30- وقلد «منكلي» كراي خان مملكة الدشت وأعطاه الطبل والعلم وأرسله إلى بلاده

صحبة جماعة من العسكر فاستقبله أيبك بك بعسكر الدشت ففرحوا به وأجلسوه

على سرير الملك بقریم فقابل الناس بالجميل واللفظ وأحسن السيرة وفي سنة ٩٠٠ أرسل منكلي زوجته إلى الحج فعظمها صاحب مصر ومعها جماعة وفي حدود سنة ٩٣٠ ظل توفي منكلي كراي.

31- وملك بعده ولده «محمد» كراي وسلك مسلك أبيه ثم إنه بلغه سوء السيرة يغمرجي خان من نسل تیمور قتلوا صاحب ازدهان وكان ضعيف الرأي غلب عليه أخوه أوق كيك خان وكان ظلوماً ثم غلب كل أمير على ناحية فصاروا يقبضون على التجار ويأخذون أموالهم فأرسل أهل ازدهان إلى محمد كراي يستغيثون به فنهض في سورة الشتاء سنة ٩٣١ قاصداً مدينة ازدهان فتهياً يغمرجي خان وأمر عسكره فقطعوا الجمد من النهر الكبير فبنوا بها سوراً عظيماً حوالي المدينة فلما قدم محمد كراي أمر عسكره فهدموا بسور الجمد حتى دخلوا منها وتمكنوا من المدينة وهرب يغمرجي إلى جركس وامتدت أيدي العسكر في أموال المسلمين وذرايهم فشكوا إليه فأمر محمد بالنداء بأن من أخذ شيئاً فليرده وإلا فدية هدر فردوا وألغوا من ذلك نوغاي فيرصدوا له بالشر فبينا هو مخيم خارج البلد وقد أذن بالرحيل [186b] هجم عليه نوغاي فقتلوه سنة.

32- ثم اتفقوا لتولية ولده الصغير «غازي» كراي وهو صبي وكان مع ابنه في السفر فلما عادوا إلى قريم ومضى من تلك ستة أشهر خلعوه واختلفوا فيمن يولونه.

33- ثم اتفق رأيهم على طلب «سعادة» كراي خان من الروم وكان قدم إليها صحبة السلطان سليم حين قدم من كفة فأجاب السلطان فجهزه إليهم فأجلسوه وأرسل سعادة كراي أخاه صاحب كراي إلى الباب ليكون كالرهين، قيل: إن السلطان سليم عين له كل يوم ألف درهم فصار تعيين الوظيفة لهم عادة بعد ذلك.

34- ثم إنه لم يصف له العيش مع شهامته ومكارم أخلاقه الأمددة قليلة حتى خرج عليه **«إسلام»** كراي بن محمد كراي وكان غيباً بليداً جسيماً فافترق التتار فرقتين ولم يزل يتفاحم أمره حتى اتفقا على القتال فاقتتلا سنة ٩٢٣، كذا ذكر الجنابي: والأصح أن خروج إسلام كراي خان على أخيه سعادة كراي في سنة ٩٣٩ في زمن السلطان سليمان خان وعين السلطان إلى سعادة كراي إقطاعاً تحصل منها خمسين ألف درهم مسانحة ومن الجزية ثلاثمائة ألف درهم أيضاً، عند نهر ازق فانتظر إسلام كراي وقتل أمير كفة بالي بك وكان مع سعادة كراي ثم عجز سعادة كراي عن المقاومة فعاد إلى السلطان سليمان فأمره السلطان بالعود فأبى وكان عازماً على سفر العراق فذهب معه وعاد وتوفي بقسطنطينية ودفن ببلدة أبي أيوب في ١٠ ربيع الآخر سنة ٩٣٩.

35- ولما رأى السلطان امتناعه أعطى الطبل والعلم لأخيه **«صاحب»** كراي وأرسله صحبة العسكر إلى قريم وكان جميل الصورة بديع الجمال حازماً شجاعاً فاستقر على الملك ودارا مع إسلام كراي ثم أهلكه بعد سنة كبسة باقي بك من جانب الصاحب وهو مع جماعته في شط نهر كبير وقيل غالبهم وأصاب إسلام كراي سهم في جبينه فقتله وذلك سنة فأحسن إليه صاحب كراي وانفرد بالملك وكان عنده سياسة عظيمة وكبر وجبروت فبعد صيته حتى هابه أمراء التتار والروس والجركس وغزا عدة غزوات فانتصر في جميع حروبه ثم إنه تغير على باقي بك وأمر به فترك في زير الماء -فوجي- عرباناً في شدة البرد حتى أنجمد، وبذلك جرت العادة أن كل من أقام دولة أحد لأبدان يهلكه، ثم إن أخا باقي علي بك جمع قومه واستأصل أهل قريم على حين غفله وكان صاحب كراي تزوج بابنة أخي علي بك

فأرسل أبو البنت بخبره قصد أخيه فتهياً وخرج من فم الدشت فالتقاهم محمد كراي بن صاحب كراي فقاتلهم وهزمهم ونجى علي بك بمائتي نفر ثم أمر فبقيت من رؤوسهم منارات ولم يزل صاحب كراي في عز وشوكة حتى وقع بينه وبين رستم باشا وزير السلطان سليمان وحشة فأقصى ذلك إلى ذهاب الملك عن يده وفي سنة ٩٣١ استولى كفار الروس على قازان وأخذوها عن يد صاحبها «شغلة» كراي وكان ظالماً سفاكاً فأسر الكفار جماعة المسلمين ونهب أموالهم وكان صاحبها القديم «صفا» كراي من أعظم الخواقين ملك سبعاً وعشرين سنة فلما توفي قام ولده «رئيس» كراي ثلاث سنوات وكان طفلاً وفي أيامه جمع الكفار في قازان ولم يزل يتقاربوا حتى أخذوها في زمن شغلة الذي تولى بعد رئيس كراي ثم إن صاحب كراي أرسل إلى الباب بخبر استيلاء الكفار ويستمد بإرسال عمه دولة كراي ليرسله إلى قازان فيستخلصه منهم فنصبه خاناً فيها وكان دولة كراي كالرهين على عادتهم وكان صاحب يستشعر توليته مكانه فرام بهذه الحيلة تحصيله وقتله فلم يكن ثم أرسل رستم باشا مرسوماً يأمره بالمسير إلى جركس فنهض وترك ابنه محمد كراي في الدر بند للرصد خوفاً من دولة كراي.

36- ولما توهل الصاحب في بلاد العدو سار «دولة» كراي بن مبارك كراي بالحزم من البحر من أكرمان إلى كفة وهجم منها على التخت على حين غفلة من محمد كراي فإنه كان يرصد جانب البر من الدشت واستولى عليه ثم أرضى القوم وكان في الحبس جماعة من أبناء الخواقين حبسهم صاحب كراي فأطلقهم وأحسن إليهم وأمرهم بالمسير إلى لقاء العدو فساروا.

فذلكة أقوال الأخبار في علم التاريخ والأخبار

وفي سنة ٩٧٠ رتب دولة كراي جيشاً عليهم محمد كراي سلطان وأرسله إلى كورل وجيشاً آخر عليهم عادل كراي قد أرسله إلى جركس فسار أسيراً التتار فضربوا على الدار والديار إلى أن ثم لهما الظفر والغنيمة فعادا سالمين.

وفي سنة ٩٧٩ غزا دولة كراي نحو بلاد روس وعبر النهر الكبير الفاصل بينه وبين العدو أثل فغاث في بلادهم من النهب والقتل والتخريب حتى عاد إلى قاعده كرسي مملكة روس وهي ماصقو فنهب ما فيها ثم أطلق النار أياماً وهرب ملك النصرارى إلى منتهى بلاده ثم عاد دولة كراي سالماً غانماً وهذه الواقعة من أعظم الوقائع بينهم.

ثم إن صاحب كراي بلغه قصد دولة كراي بعد عوده من الجركس غانماً فتخير ثم ضم العزم إلى الباب وتفرق من كان عنده فبقي ببعض أصحابه... يتهيأ لركوب البحر [187a] في قلعة تمنّ هجوم المحبوسون عليه وهو في دار فتقدم منهم مبارك كراي قطعنه بالسيف في بطنه فقتله في سنة واستقل دولة كراي في الدشت إلى أن توفي شهر ربيع الآخر سنة ٩٨٥. وكان ذا حلم وكرم وإقدام بليغ.

37- وتملك بعده ولده الكبير «محمد» كراي خان. وكان قد عهد بالملك إليه في حياته واستوزر أخاه عادل كراي خان وكان من البسالة على طرف عظيم انتهى. كلام الجنابي: وقال بعض من له خبرة في أمرهم أن السلطان مراد بن سليم أرسل إليه يأمره بالمسير إلى شروان واللحوق بعثمان باشا فامتنع وتكلم بما لا يليق في شأنه فأمر السلطان أن يسير إليه عثمان باشا ابن أوزدمر وقهره فسار ابن أوزدمر باب الأبواب إلى كفة ولحق به عسكر «دونما» فقاتل معه وانتصر عليه ثم أخذ محمد كراي وقتل في سنة ٩٩٢.

39- واستقر مكانه أخوه «إسلام» كراي بن دولة كراي، فجاء من الباب واستولى إلى أن مات في ١١ جمادى الأولى سنة ٩٩٥ وقع له مع الأعداء هناك عدة حروب جرح في معصيتها من صدره وتوفي على هذا القول سنة ٩٩٩^(١).

40- ثم تولى أخوه «غازي» كراي خان بن دولة كراي بأمر السلطان مراد وكان شجاعاً عارفاً له يد في الموسيقى وضرب العود شاعراً بليغاً له شعر كثير تركي بمخلص «الغزالي» وقد أسر بشروان لما سار إليها لتخليص أهلها من حصار قوچ قپان فمكث عنده مدة ثم أطلق وتمكن في الحاجة، ولما افتتح قلعة يانق وكان فيه مع العسكر عرض الوزير سنان باشا شد منه إلى الباب فانضم إلى وظيفة القديمة كل يوم ألف درهم فصارت ألفين وفي سنة ١٠٠٧ سار عوناً لصاطرجي محمد باشا ولا يزال يسعى في الأسفار العثمانية إلى أن توفي سنة ١٠١٦.

وذكر صاحب «النخبة» تولية «فتح» كراي بن دولة كراي بعد غازي كراي ثم لسلامة كراي، والله أعلم.

وقيل: إن غازي كراي انتزع الخانية عن فتح كراي ثم قتله والله أعلم.
فتح كراي أكرى اوشنده خان اولب صكره تاتار غازي كرايه اطاعت ايدنلر وفتح كراي قلت اولنوب كيرو غازي كراي فرار اتدى.

41- ونصب مكانه «سلامة» كراي بن دولة كراي، وكان محمد وشاهين ابني سعادة كراي، قد خرجا عن الإطاعة ولحقا بطائفة الجلالية في بلاد أناطولي فشفع سلامة كراي عنهما واتخذ محمدا قالغاي وجعل شاهين نور الدين ثم إنهما اتفقا على قتله فلما استشعر سلامة كراي منهما بإشعار جانبيك كراي هربا إلى الجركس فاجتمع

(١) عبارة «على هذا القول سنة ٩٩٩» مشطوبة.

فذلكة أقوال الأخيار في علم التاريخ والأخبار

عندهما جمع عظيم وقصدا على قريم ثم إنه أرسل إلى الباب يعلمه ذلك ويستنجد من السلطان فأرسل الوزير مراد باشا وهو متوجه إلى سفر تبريز رجلا يقال له رضوان باشا لإصلاح أمر الدشت وأعطى له إمارة بلاد كفة فسار وأصلح بينهما سنة ١٠١٩ واستقر محمد كراي وشاهين كراي على ما كان قتله ورجع سلامة كراي إلى قريم ثم توفي في الطريق.

وكان ذلك سبب عداوة بين محمد وجانبك وكان جانبك في قرية من قرى قريم فأخذه محمد خان وهو صغير فجعله سلطاناً.

42- فسار «محمد» كراي وجلس مكانه بلا إذن من طرف السلطان أحمد وصار أخوه شاهين كراي قالغاي وكان سلامة كراي قد اتخذ جانبك كراي ودولة كراي مكانهما لما هربا إلى الجركس فلما تغلب محمد كراي على الأمر هربا إلى عند رضوان أمير كفة فقام محمد كراي لطلبهما وسار إلى كفة فأرسل إليه يطلبهما منه ويتهدد ثم إن الأمير أرسل إلى الباب يخبر عن أمر محمد كراي وهجومه ويطلب العسكر لإجلاس دولة كراي فسار دولة كراي من البحر.

وكان قبل ذلك قد اعطى الخانية لمحمد كراي وأخذ رسوله جبار محمد الطبل والعلم فلم يجد من البحر سبيلاً فتوقف.

وكان دولت كراي رشيداً لكنه أصغر من أخيه جانبك وكان عادتهم أن لا يتولى الصغير عند وجود الكبير.

43- فلما وقف السلطان على القضية أعطى الخانية لأخيه «جانبك» كراي وامر بتيسير عشرة سفارين على أن يكون فأيدهم رضوان باشا فسار وذلك سنة ١٠١٩.

وهو الذي قيل في الوقعة العثمانية وهو حينئذ رأس جاشنكير فأعطى عند وصوله بخبر الفتح إمارة قبرس.

ولما وصل السفين إلى كفة قام محمد كراي مع دلاور باشا ورحل إلى سراي ثم سار رضوان باشا بعد تسوية الأمور ونزل بقرب سراي فخرج محمد كراي وشاهين كراي مع قومهما وقد رجع أكثر التتار عنهما فتصافا وانهما إلى قلعة اورفي أقصى بلاد قريم وجلس جانبك كراي على التخت ثم اجتمع عند محمد كراي جمع كثير من التتار فقصد الكبس على سراي واتفق إن الأمير رضوان تهباً للمسير فهجم عسكر محمد كراي فاقتتلا إلى الصباح وانتصر جانبك كراي وانجدل محمد كراي وشاهين كراي فرجعا آيسين سار محمد كراي ولحق بكفار الروس وهرب شاهين كراي إلى قزلباش.

ثم إن محمد كراي التجأ إلى الوزير بنصوح باشا وهو مع السلطان بأدرنة فعفى عنه سنة ١٠٢٠ ولما كان متردداً في أمره حبسوه في خلال السبع ثم تخلص في وقعة السلطان عثمان وهرب وتغفلوا عليه وأخذوه في موضع يقال له بلقان جنكه فقتل اتباعه وأرسل هو معتقلاً إلى قلعة ردوس فبقي هناك إلى أن ولي ثانياً. واستقر جانبك كراي في الملك وكان سيء الخلق مغلوب الكيف ولما سار مراد باشا إلى الشرق أمر السلطان أن تسير جانبك كراي صحبة برضوان باشا إلى باب الأبواب ويلحق بعسكره فسار ثم عاد منها لفوت مراد باشا ثم لما صار مأموراً بالمسير إلى روان سنة ١٠٢٤ اعتذر وسار في القابل من البحر إلى [187b] أردبيل وانهم هناك ثم إن أخاه دولة كراي سار صحبة إسكندر باشا أمير أوزي سنة ١٠٢٩ واقتتل مع كفار له وغنم وفي سنة ١٠٣٠ سار جانبك كراي صحبة السلطان عثمان

فذلكة أقوال الأخبار في علم التاريخ والأخبار

إلى حوتين وصار لقانتمور هناك رتبة أمير الأمراء ولما رجع جانبك كراي إلى سراي وقد أساء خلقه وسيرته.

تاتار ولايتنده روز خضره زياده تعظيم ايدرلر و خان قپوسنده عيد كبي نوبت وكوس چالنبوب باعچه لره سيره كيدرلر وجمله أصناف عيش و عشرت ايدرلر.

وكان دولة كراي متهياً للمسير إلى حوتين على وفق أمير السلطان ثم استدعى جانبك كراي أن يسير بنفسه وأصيب فسار مع رضوان باشا أمير كفة وتنازع حينئذ مع تيمور.

وكان اسمه دولة كراي ولما قتل غازي كراي أباه فتح كراي وهو صبي أراد قتله أيضاً فأخذ بعض أهله وسلمه إلى جوبان فنشأ وعنده إلى دخوله عشرين وغلب عليه اسم جوبان.

وله ولدان فتح كراي وسعادة كراي وهما حيان الآن.

قال الكسبي: جان بك جيقوب خان بنام اولدى محمد كراي

له أيضاً: أيلدى جان بك كراي اقبال و دولت له جلوس

وكان **محمد كراي** قد التجأ إلى الباب ولما هرب من قلال السبع اعتقل في قلعة ردوس ثم لما تبين تغير حال جانبك أخرجه الوزير حسين باشا المعروف بمّر وأعطى له الطبل والعلم وأرسله إلى سراي وصار جوبان كراي قالغاي له وكان عند السلطان منذ ثلاثين سنة فلما وصل محمد كراي استقر على قريم وسار جانبك ودولة إلى الباب ثم إن شاهين كراي لما سمع تولية أخيه استأذن من شاه عباس وسار إليه وتمكن عنده مكان قالغاي وصار دولة كراي نور الدين ثم سار شاهين

كراي واقتتل مع قانتمر عند بابا طاغي فانهزم ثم اقتتل بقرب كفة واختل أمراً لبلاد فرجع محمد كراي أيضاً وأعيد جانبك كراي ثانياً وأرسل مع قبودان رجب باشا ثم إن محمد كراي جمع كفار الأزاق وقاتل معه وقتل چوبان كراي في المعركة ولم يمكن له الجلوس ثم أرسل حسن باشا في العام القابل وقاتل محمد كراي أيضاً فانهزم عسكر الكفار وقتل أكثرهم وتمكن جانبك كراي مع دولة كراي ثم وجد جسد محمد كراي مقتولاً في جبل من جبال كفة ولم يعلم قاتله وهرب شاهين كراي إلى الكفار فأرادوا قتله فسار إلى جركس وشمحائل إلى أن التجأ إلى الباب سنة ١٠٤٣ فعفى عنه ونفي إلى ردوس ثم مات هناك، دولة كراي في سنة ١٠٤١ وتعطل أكثر الأمور ولما سافر السلطان مراد إلى روان أمره بالمسير فلم يقدر تنفيذ كلامه بين التتار لكونه مغلوباً للكيف فعزل وبقي إلى جزيرة ردوس سنة ١٠٤٤. وتوفي هناك بعد سنتين في جمادى الآخرة سنة ١٠٤٦.

44- ثم نصب مكانه «عناية» كراي وصار أخوه الصغير حسام كراي قالغايًا وأمر باللحوق إليه عند روان فسار ولم يصل إليه قبل الفتح فعاد ثم صار مأموراً بالشعر في العام القابل عوناً لمحاصرة روان فلم يجب بل يخبر وأرسل أخاه إلى كفة فقتل أميرها إبراهيم باشا وقاضيتها وجماعة من أعيان البلاد ثم عبر النهر وهجم على قانتمر فاجلاه عن وطنه وكان أوراق إيمرزة معه فقتله وسار عنایت كراي معزولاً إلى الباب سنة ١٠٤٦ فقتل.

45- ونصب «بهادر» كراي بن سلامة كراي، في المحرم سنة ١٠٤٧، فسار وأخذ جماعة من أمراء التتار فقتلهم لخروجهم على حسام كراي وتوفي بهادر بعد عوده من حصار أزاق بكفة سنة ١٠٥١.

فذلكة أقوال الأخبار في علم التاريخ والأخبار

46- وصار الخانية من الباب العالي مقررا لأخيه الصغير «محمد كراي» بن جانبك كراي
سميا الإخوان لأم في شعبان واستقر فتح كراي بن چوبان كراي في خدمة وزارته
إلى أن عزل وحبس في قلعة ردوس.

[186b]

وأمرء هذه الدولة متعدد كأمر هارون وأمرء ايچكي وأمير قبچاق وأمير
مانقت وأمير أمرء شرين وغير ذلك.

[185a]

أول سلاطين كوك آورده^(۱)

وولایت دست راست چون ارسن و لیتقا و اولک و ماجر و بلغار و قران بدو تعلق گرفت:

«توقنا»^(۲) خان بن قوبوقوی بن آورده بن چوچی بسلطنت نشسته و در سنه 702 میانه او و نوقای که الوس مذکور الحال بدو منسوبست در حوالی سقسین و بلغار جنک شده وی غالب آمد. ایلچیان نزد غازان خان فرستاده از روی ستیزه طلب آذربایجان نموده.

«طغرل» بن توقنا بعد از پدر منسوب هفتده سال حکومت کرده در سنه ۷۲۷ در گذشت^(۳).

«اوزبک» خان بن طغرل که آلوس اوزبک بدو منسوبست پس از پدر وارث ملک شد در سنه ست بکنار کر رسید و اریپا خان گذارها فرو گرفته او را مجال گذشتن نداد آخر بعد از سی سال سلطنت فرمان یافت^(۴).

«جانی بیک» با پنجاه هزار سوار پسر خود را آذربایجان گذاشته بدشت باز گذشت در آن اثنا مریض گشت طغلو نای^(۵) امیر لشکرش کس باستقبال از پی بردی بک

(۱) ورد في «جهان آرا» (۲۰۴) علی شکل «حرف أول در سلاطين كوك آورده».

(۲) كذا «جهان آرا» (۲۰۴) وورد في «حبيب السير» (۷۳/۳) علی شکل «توقنا».

(۳) «جهان آرا» (۲۰۴).

(۴) «جهان آرا» (۲۰۴).

(۵) ورد في «جهان آرا» (۲۰۴-۲۰۵) علی شکل «طغلو کای».

فذلکة أقوال الأخیار فی علم التاریخ والأخبار

فرستاده او چون بدانجا رسید پدر بهتر شده بود و از آمدن پسر بسی در هم شد
بردی بك باتفاق طغلوئی او را در پنجشنبه سوم شعبان سنة ۷۵۸ هلاك كردند.
«بردی» بك در حكومت اكثر اقوام را بر انداخت خود نیز بعد از سه سال نمانده و آن
شعبه بدو انقراض یافت^(۱).

(۱) «جهان آرا» (۲۰۵).

[185b]

خواقین آق آورده^(۱)

که ولایات دست چپ از حدود الاطاغ / الق تاق^(۲) تاقر طال و سرحد

لوس / روس^(۳) بدیشان متعلق بود.

«ساسی بوقا»^(۴) بن بوقای بن لولی بن آورده تسلطن کرد مدتها در آن امر متمکن بود^(۵).

«ایدزن» بن بوقا بعد از برادر حکومت یافته در سنه ۷۲۰ فوت شد^(۶).

«مبارک»^(۷) بن ساسین^(۸) بوقا بعد از پدر صاحب افسر گردید در سنه ۷۴۵ در گذشت

و در سغناق مدفون گشت.

«مبارک» خواجه بن ایرزن هفتمده سال حکومت نموده امرای کوك آورده او را بسلطنت

ترغیب کردند او قبول نمود.

«جیهای» بن جیهای خواست تا هر دو الوس را ضبط کند قوم او حاکم میان قشلاق

با او متفق نبود حسب الامر وی کشته شد بسرش تقتمش بامیر تیمور پناه برده.

و «ارس» نه سال سلطنت با استقلال کرده و در سنه ۷۷۸ وفات یافت. ارس بن ارس

دو ماه حاکم بود پس از آن وفات یافت.

(۱) ورد في «جهان آرا» (۲۰۵) على شكل «حرف ثاني در خواقین آق آورده».

(۲) عبارة «الاطاغ» لم يرد في «جهان آرا» ومكتوبة على العبارة المسبوقة من قبل المؤلف.

(۳) عبارة «روس» لم يرد في «جهان آرا» ومكتوبة على العبارة المسبوقة من قبل المؤلف.

(۴) ورد في «جهان آرا» (۲۰۵) على شكل «تودامنكا».

(۵) ورد في «جهان آرا» على شكل «شد».

(۶) «جهان آرا» (۲۰۵).

(۷) ورد في «جهان آرا» (۲۰۵) على شكل «ایرزن».

(۸) ورد في «جهان آرا» (۲۰۵) على شكل «ساسی».

«توقتا قیا» بن ارس بسلطنت رسید در شراب افتاده آخر در قراطال در سنة 780 بر دست تقتمش خان کشته شد.

«تیمور ملک» مادرش کوی کنحک فنقرات بیمن تقویت میر تیمور پادشاه شد بعد از تیمور استقلال تمام یافت ومدت هفتده سال حکم رانده ودو نوبت از امیر تیمور شکست یافته آخر مستأصل شده در بیابانها سرگردان میگشت آخر در سنه 807 در حدود الوس فوت شد.

«توقتمش» بن ارس خان در یورش ثانی دشت قبچاق همراه تیمور بود بعد از شکست توقتمش برخصت تیمور الوس خود رفته ودر سنه 802 وفات یافت.

«قوزی» خان بحکومت نشسته در سنة 811 وفات یافت.

«تیمور قتلغ» بن شادی بسلطنت رسیده در سنة 813 فوت شد.

«شادی بک» خان بن تیمور قتلغ پادشاه شد در سنة 814 جلال الدین بن توقتمش خروج کرده تیمور از وی منهزم بخوارزم آمد وبر دست غازان از امرای ازبک بود وبمحاصره خوارزم اشتغال داشت کشته شد.

«جلال الدین» سلطان وارث ملک گردید او وچند برادر او چون.

«کریم» بردی

و «بک».

و «جبار» بردی اولاد توقتمش.

و «محمد» خان بن شادی بک در اندک وقت حکومت کردند.

القرن السابع: خواقين أقي آورده

«غياث الدين» بن قوزي خان بن ارس خان در سنه 828 ومحمد غالب آمده پادشاه شد وپيش از اين در سنه 823^(۱) نزد الغ بك ميرزا رسيد از او ترتيب يافت بود و چون تمام يافت كفران نعمت كرده در سنه 830 در حوالی سغناق با ميرزا مصاف داد ظفر يافت ماوراء النهر را تاخت كرده چون بدشت قبچاق رسيد امرا اتفاق كرده او را در سنه ۸۳۱ بقتل آوردند.

«محمد» سلطان بن قتلغ تيمور خان بعد از قتل براق باتفاق امرا پيادشاهی نشسته در سنه ۸۳۸ لشكر از دشت بخوارزم فرستاده خرابی بسيار كردند و او قوم را پای تخت ساخت.

«قاسم خان» بن سيدك خان بن جانی بك خان بن براق خان پادشاه شد میان او و شيبك كدورت واقع شده در اواخر سنه ۹۱۵ لشكر برسر او برده مغلوب شد و او در شهر ثلاثين وتسعمائة وفات يافت.

«حق نظر» خان بن قاسم خان بعد از پدر بسطنت نشسته در سنه 972^(۲) فرمان فرمای دشت.

(۱) ورد في الأصل على شكل «۸۳۳».

(۲) ورد في «جهان آرا» (۲۰۵) على شكل «حالا».

[186a]

سلاطین خوارزم^(۱)

از نسل شبان بن جوجی

«ایل پارس» خان بن بوز^(۲) آقرین یادگار بن تیمور شیخ اغلان بن حاجی تولی اغلان بن عرب اغلان بن بولاد اغلان شیبک خان بعد از تسخیر خراسان بر خوارزم نیز دست یافته کبک بن قوشچی^(۳) را بداروغگی آن جا مقرر داشت و در محلی که شاه اسمعیل شیبک خان را قهر کرده امارت آنجا به اتندی^(۴) بیک تفویض کرد در آن اثنا شریف صوفی میر خضر ایلی الوس آنجا خوارزم را از او تنزاع نموده ایل پارس از دشت بر سر او ایلغار آورده در سنه ۹۱۰ آن ولایت را بگرفت آخر در سنه ۹۱۳ وفات یافت.

«حسن قلی» خان بن ایلیک بن یادگار پس از و حکومت یافته در سنه ۹۳۰ فوت شد.
«بوجقه» خان بن محمد امین بن یادگار پنجسال حکومت آن دیار کرده در سنه ۹۳۵ در گذشت.

«صوفیان» خان بن محمد امین بحکومت نشسته در سنه ۹۴۱ عزلت یافت.
«اونش خان» بن محمد امین حکومت از صوفیان گرفته ند بامداد خوارزمیان بحکومت رسید و تا سه سال پادشاه بود و در سنه ۹۴۴ عبید خان بر سر او و آمده

(۱) ورد فی «جهان آرا» (۲۰۹) تحت عنوان «حرف ثانی در سلاطین خوارزم».

(۲) ورد فی «جهان آرا» علی شکل «بور».

(۳) ورد فی «جهان آرا» (۲۰۹) علی شکل «قونچی».

(۴) ورد فی «جهان آرا» (۲۰۹) علی شکل «اتلندی».

وی بگریخت و در آن اثنا در جنک عمر غازی بن سلطان غازی کشته شد و عبید ایالت آن جا به پسر خود عبد العزیز را داد.

«یوسف» خان بن صوفیان در جنوق حکومت داشت تا آنکه در سنه 945 باتفاق دین محمد و او یماق صاین خان که به بچه ترکمان مشهور اند با عبید در حدود هزاراسب مصاف داد و امرای عبید چون لطیف میرک و شیخ نظر بیک و تاجی دست کیر شده چون ابو یوسف بن محمد در دست عبید اسیر بود امر را بدو باز داد وی را باز گرفتند.

«ابو یوسف» مشهور بقهالی والی گشته یوسف خان نیز تابع او شده تا ده سال خان بود و در سنه 956 وفات یافت.

«اغطای» خان بن محمد امین خان شده و پنج سال میان او و یونس خان بن صوفیان تنازع بود تا آنکه یونس در سنه 961 بر اغطای دست یافته وی را بقتل آورد. «یونس» خان بجای او نشست.

«دوست» خان بن بوجقه بن محمد امین بر یونس خان غالب آمده بحکومت نشست و یونس و برادران بتخصیص پهلوان قلی سلطان پناه باسمعیل بن حیدر آورده^(۱) در روز شنبه پانزدهم رجب سنه 964 در قزوین اتفاقا آمدن خوارزمیه موافق تاریخ است و از بیلاق خرقان بجهت توهمی کرده فرار نموده.

«جاجم» خان در سنه 964 بعد از پدر قایم مقام شد در سنه 972^(۲) خان خوارزم بود.

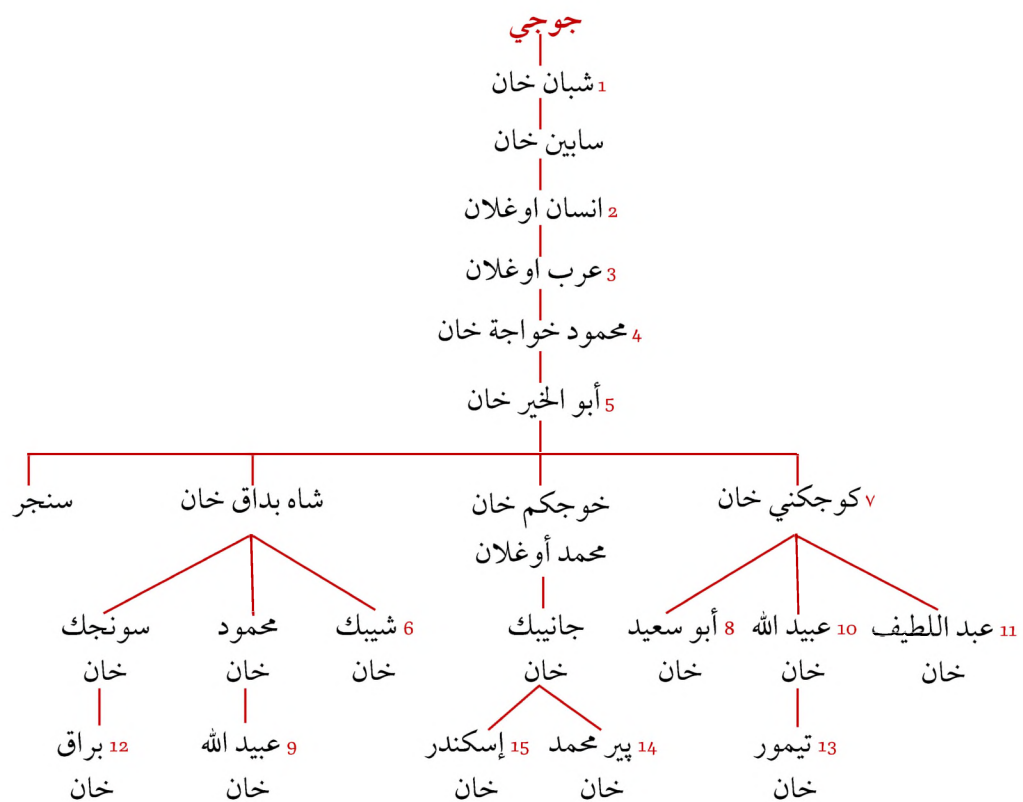
(۱) «پهلوان قلی سلطان پناه باسمعیل بن حیدر» ورد فی «جهان آرا» (۲۱۰) علی شکل «پهلوان قلی بدرگاه سلطان عالم پناه».

(۲) ورد فی «جهان آرا» (۲۱۰) علی شکل «حالا».

[187b]

شعبة من الجنكزية

يقال لهم الأوزبكية و«الشيبكية» بما وراء النهر في بلدة طاشكند وسمرقند من ذرية جوجي بن جنكز، نقل الجنابي من تاريخ الحافظ محمد الطاشكندي في الخواقين الأوزبكية.

- 1- إن أول من ملك «شبان» خان من أسباط جوجي خان فبقي مدة متطاولة ثم توفي وقام في ملكه أولاده فلم ينتظم أحوالهم حتى غلب عليهم أولاد سابين خان بن جوجي وانتزع الملك من أيديهم.
- 2- وأول من ملك منهم «إنسان» أوغلان، فامتدت أيامهم إلى أن توفي جانبيك خان من أسباط سابين خان ثم كثر الهرج والمرج وتفرقت الكلمة بالدشت فصاروا بائعين لروس خان وتوقتمش خان.
- 3- و«عرب» أوغلان ثم غلب تيمور على الأولين فقهرهما.
- 4- ثم تقرر في الخانية رجل من أولاد جنكز يقال له «محمود» خواجه خان.
- 5- ثم إن «أبو الخير» خان من أولاد جنكز غدر به فرماه في الصيد بسهم فقتله وتملك بعده وتزوج بزوجته [188a] وظهر منه شجاعة وأقدام حتى أطاعه أقوام مختلفة وفي سنة ٨٥٤ استنجد الملك أبو سعيد المعزول عن ملك سمرقند منه فأنجده بنفسه فسار وقاتل لوالي سمرقند عبد الله ميرزا فانتصر عليه وقتله وتزوج بامرأته ابنه ألغ بيك ميرزا وسلم ملك سمرقند إلى أبو سعيد خان وعاد إلى بلاده ثم ولدت له زوجته بنت ألغ بيك ولدين يقال لأحدهما كوجكنجي خان وللآخر سونجك خان وكان له أولاد آخر من غيرها وهم شاه بداق وخوجكم وسنجر وكان لشاه بداق ولدين محمد خان شيباني المعروف بشيبك والآخر محمود سلطان فلما توفي أبو الخير خان تحول الملك إلى غيره وبقي أولاده لأعلى شيء.

فذلکة أقوال الأخیار فی علم التاریخ والأخبار

شیبان بن جوجی

یلغان

توقتا

اییه خواجه

پولاد آغلان

أمینی آغلان

دولت شیخ آغلان

أبو الخیر

«أبو الخیر»^(۱) در سنه ۸۳۹ از دشت بخوارزم ایلغار کرده میرزا ابراهیم بن امیر شاه ملک را که از قبل شاه رخ میرزا والی آنجا بود اخراج نموده بسلطنت نشست ومدتها قآن دشت بوده سلطان أبو سعید بامداد او بر میرزا عبد الله غالب آمده پادشاه سمرقند شد آخر در سنه ۸۷۳ بمرض افلاج وفات یافت^(۲).

«شیخ حیدر» خان بن أبو الخیر بعد از پدر بسلطنت رسیده تا آنکه میان حاجی خان بن محمد خان با او بکدر شد بکرات بینهما بقتال انجامیده وی غالب می آمد تاتار آخر بامداد احمد خان با او جنگ کرده زخمی چند خورده کاری ومنهزم از معرکه بدر رفت آخر بدان زخمها در گذشت^(۳).

(۱) ورد فی «جهان آرا» (۲۰۷) تحت عنوان «حرف أول در سلاطین ما وراء النهر».

(۲) «جهان آرا» (۲۰۷).

(۳) «جهان آرا» (۲۰۷).

«محمد» خان بن بوداق سلطان بن أبو الخير خان که بشيک اشتهار یافته در سنه ۸۰۵^(۱) متولد شده هنوز طفل بود که پدرش فوت شده قراچين بك از امراء از بك كفيل او و برادرش محمد شده از ابتدای نشو و نما شيك در سلطنتش از بسی مخاطرات نجات یافت دوسه كرت ببخارا آمده و أمير عبد العلي ترخان حاكم آنجا اورا رعایتها کرده بخدمت سلطان احمد ميرزا پادشاه سمرقند برد او از آنجا بدشت رفت جمعی با خود متفق ساخته بر بعضی قلاع چون صبران و سغناق و اترار دست یافت تا آنکه میان اولاد سلطان محمود ميرزا خلاف دست داد وی در زمان سلطان علي ميرزا لشكري گران در كان كل نزول نموده بتدبير سلطان علي ميرزا بجنك آورده بکشت و در سنه ۹۰۶ بر خراسان استيلا یافته تمامی ضبط کرده و بيان او و شاه اسمعيل مكدرد شد در جمعه بيست و ششم شعبان در سنه ۹۱۶ در حوالی مرو بدست واقفيان^(۲) كشته شد^(۳).

6- ولما تسلطن أحمد بن أبو سعيد بسمرقند ظهر **«شبيك»** خان بن شاه بداق و خرج من الدشت و اتصل إلى خدمة السلطان أحمد ثم عاد إلى بلاده ولما تابعت الفتن بما وراء النهر في حدود سنة ۹۰۶ عاد شبيك خان إليها فاستولى على بعض بلاد هناك مثل أترار ثم لم يزل يرتقي أمره حتى ملك جميع بلاد ما وراء سيحون من بلاد تركستان ثم لما توفي السلطان أحمد في أواخر سنة ۹۱۰ ووقع الاختلاف بين أولاده عبر شبيك خان من نهر سيحون إلى ما وراء النهر في سنة ۹۱۱ فنازل سمرقند وبها صاحبها أوستة علي بن محمود بن أحمد المذكور واستنزله بالأمان ثم عاد صاحب

(۱) ورد في «جهان آرا» (۲۰۷) على شكل «۸۵۵».

(۲) ورد في «جهان آرا» (۲۰۷) على شكل «غازيان».

(۳) «جهان آرا» (۲۰۷).

كابل بابر بن عمر شيخ فاستردها من يده وبقي متملكاً ثلاثة أعوام ثم عاد شيبك خان واستولى على بخارا واقتتل معه وهزمه وكان له نحو ستين ألف مقاتل وعند شيبك نحو ثلاثة آلاف نفر وهرب بابر إلى كابل واستقر بها إلى أن قتل شيبك خان ثم اجتاز شيبك من جيحون إلى خراسان فملك غالبها وفي سنة ٩١٦ كبس اسمعيل بن حيدر وهو في متنزه في بعض نواحي مرو على غرة منه فقتله واستولى على خراسان وعاد بابر واستولى على سمرقند وبخارا وكان شيبك شجاعاً ذا همة عالية وصولاً شديدة.

7- وفي سنة ٩١٧ عاد عمه «**كوجكنجي**» خان بن أبو الخير خان بعسكر كثير من طرف تركستان فغلب على بلاد ما وراء النهر وانتزعها من يد بابر فعاد بابر إلى كابل واستقر بها ولم يعد بعده ثم عبر كوجكنجي إلى خراسان فاسترد ما كان غلب عليه شيبك ثم وقع له مع شاه اسمعيل وولده طهماسب عدة حروب وتوفي كوجكنجي خان في حدود سنة ٩٤٠.

او وبرادرش سونجك دخترزاده ميرزا ألغ بك اند پادشاه شد در محرم سنه ٩٣٥ در جام او وجميع سلاطين أوزبك پادشاه مصاف داده منهزم بما وراء النهر رفته واو در سنه ٩٣٦ فرمان يافت^(١).

8- وقام في الملك بعده ولده «**أبو سعيد**» خان وتوفي في سنة ٩٤٦، در سنه ٣٩ در گذشت.

9- ثم ملك بعده «**عبيد الله**» خان بن محمود بن شاه بداق وكان ذا طبع سليم وذهن مستقيم يحفظ شيئاً من العلوم ويجيد معرفة الفقه والتفسير والمعاني وله نظم في

(١) ورد في «جهان آرا» (٢٠٨) على شكل «كوجونجي».

اللسان التركي وكان يحب العلماء ويقربهم إليه وكان مسعوداً في حروبه وغالباً حروبه مع الطائفة الأردبيلية فقتل منهم عالماً كبيراً يقال إن حصاد سيوفه منهم بلغ نحو أربعين ألف نفر وتوفي في حدود سنة ٩٥٠، بعد از عمو زاده پادشاه شد در أوایل ذي القعدة سنه ٩٤٦ فوت شد^(١).

10- ثم تسلطن بعده «عبد الله»^(٢) خان بن كوجكنجي خان فمكث في الملك نحو ستة أشهر ثم توفي.

مزبور عبد اللهك ايكي اوغلي، برى إمام قولى خان كه بخارى خانى اولب قرق ييل حكومت ايتدى بعده مدت قالوب اعمى اولدى وفات ايتدى وبرادري ندير محمد خان بلخده خان ايدى قرق ييل قدر حكومت ايدوب بو دخي مدينه ده فوت اولدى انك اوغلي عبد العزيز خان بيك التمش برده باباسى يرينه كچوب جلوس ايتدى حالاً باقيدر بيك التمش حدودنده يوز بيك قدر هنديلر اون بن قدر فيل ايله هند پادشاهى اوغلي شجاع خان كلوب بلخي آلمش ايدى صكره عبد العزيز خان بخارادن يوز بيك قدر بر اوردو ايله كلوب بوزدى وافر هندي قيردى باقيسى فرار اتديلر.

11- وتولى بعده أخوه «عبد اللطيف» خان بن كوجكنجي فأحسن السيرة وامتد زمانه إلى أن توفي في شهر سنة ٩٦٥، بعد از عبد اللطيف، خان قائم مقام شد در سنه ٩٥٩ رحلت کرد براق خان قائم مقام شد^(٣).

(١) «جهان آرا» (٢٠٨).

(٢) ورد في الأصل «عبيد الله».

(٣) «جهان آرا» (٢٠٨).

فذلکة أقوال الأخیار فی علم التاریخ والأخبار

12- ثم قام بالأمر «براق» خان بن سونجک خان بن أبو الخیر خان اسم اصلی وی نوروز احمد است صاحب تاشکند وتوابع پس از عبد اللطیف خان شد بر سمرقند وبخارا استیلا یافت در سنه ۹۶۳ در سن پنجاه وشش سالگی وفات یافت ودر شب سیزدهم ذی الحجة اولادش درویش سلطان وبابا سلطان صاحب جلکه الکای پدر شدند، وله سیره حسنة وكان عالماً بالفقه على مذهب أبي حنيفة توفي سنة ۹۶۷.

13- ثم تولى رجل يقال له «تیمور» خان واستمر إلى آخر السنة ثم توفي.

14- وقام بالأمر بعده «پیر محمد» خان بن جانبک بن خوجکم سلطان وكانت مدة ملكه نحو خمسة أعوام ثم توفي [في] حدود سنة ۹۷۸.

15- وتولى مكانه أخوه «اسکندر» خان بن جانبک بن خوجکم، بعد از برادر سکه وخطبه باسم پیر محمد خان کردند پس از اندک وقتی پسران اسکندر عبد الله سلطان وعباد الله سلطان رشد تمام کرده پدر خود را از گوشه انزوا بیرون آورده بخانی نشانند والحال او والی آن جاست^(۱). انتهى ما في «تاریخ الجنایي» ثم قال: وهو اليوم سلطان تلك البلاد ومنهم صاحب ختن عبد الکریم خان بن رشید من ورثة آلنجة خان، وكان حنفي المذهب يعتبر بالعلماء والصلحاء انتهى.

(۱) «جهان آرا» (۲۰۹).

Information about the authors:

Halit Eren, Research Centre for Islamic History, Art and Culture (IRSI), Istanbul, Organization of Islamic Cooperation International Organization, Director General, Professor, PhD; e-mail: ircica@ircica.org

Adres: İSLAM İŞBİRLİĞİ TEŞKİLATI (IRCICA) İslam Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi Hocapaşa Mah., Alemdar Cad., No: 15

Cağaloğlu Bâbiâli Giriş Kapısı (Vilayet Bahçesi)

34110 Fatih - İSTANBUL, Turkey

Muminov, Ashirbek Kurbanovich, IRCICA, Head of Research and Publications, Doctor of Historical Sciences, Professor, e-mail: ircica@ircica.org

Selahaddin Uygur, IRCICA, researcher, e-mail: ircica@ircica.org

IRSTI 03.81.99

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА ХАНА УЗБЕКА

Ж.М. Сабитов

*Евразийский Национальный Университет
Нур-Султан, Казахстан*

Административная реформа хана Узбека с одной стороны была уникальна. С другой стороны, ее механизм прослеживается во многих обществах, как Азии, так и Европы. Всего мы имеем только одно известие об этой административной реформе хана Узбека:

«Иджан-хан и Саин-хан известны. Они родились от дочери Турали-хана, его [Иочи-хана] жены. [У него было] еще семнадцать сыновей, которые были от других его жен... Когда воссел хазрат хан на троне и народ обрел покой, призвал он огланов Йочи-хана от [других его] семнадцати сыновей, родившихся от других матерей, и сказал: “я отдам вас в кошун простолюдину!”, — и в гневе пожаловал [их и] нукеров и всех людей их Кыяат Исатаю... Когда [Узбек-]хан в гневе на этих огланов отдал [их] в кошун Исатаю, то и Исатай воздал огланам Шайбан-хана уважение за отца их, передал [им] буйрак и карлык, кои суть двусоставный эль, и предоставил их самим себе. Рассказывают, что пребывали они в юртах, назначенных им Саин-ханом. И Алатаю он также выделил эль, состоявший из племени минг, которое знаменито. Говорят среди узбеков: Выделил он Исатаю [кошун], а Алатаю отдал [племя] минг»¹. Но данное прямое свидетельство косвенно подтверждается рядом признаков, что позволяет нам думать, что данная реформа имела место быть.

Если полностью доверять Утемыш-хаджи, то окажется, что Узбек-хан отнял улусы у всех Джучидов за Ордуидов. Шибаниды, видимо, то же изначально были лишены всех улусов, но потом Исатай кият выделил два племени для Шибанидов в управление.

Почекаев Р.Ю. считает, что при Узбек-хане «Золотая Орда была поделена на 70 тюменов, во главе которых стали назначенные ханом эмиры-темники, выше которых были 4 улус-бека. Царевичи Чингизиды вынуждены были подчиняться менее знатным эмирам»².

Ранее мы уже высказывали точку зрения, что известный список 92 узбекских родов и племен связан именно с административной реформой Узбек-хана. При

¹ *Утемыш-хаджи*. Чингиз-наме Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследования В.П. Юдина. Подготовила к изданию Ю.Г. Баранова, Комментарии, указатели М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата. Гылым. 1992. С. 92, 105.

² *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. Евразия 2010. С. 91.

хане Бату было всего около 17 улусов, отданных детям Джучи (помимо улусов Орды и Бату, вместе с которыми было 19 улусов). Данное число косвенно подтверждается как данными Утемыш-хаджи, так и данными о «18 братьях Батота» (плюс улус самого Бату). Позже по нашему мнению были выделены еще 4 улуса, которые образовывались по принципу войск тама (один из таких улусов улус Тама-Токты), выделением определенных контингентов от каждого улуса. В каждом улусе по традиции выделялось 4 военачальника (карачи-беки) возглавлявших рода или «сборные тысячи». В итоге, когда произошла административная реформа Узбек-хана, все племена, которые раньше подчинялись главам улусов, стали напрямую подчиняться Узбек-хану. Исходя из того, что улусов было 23, и в каждом улусе было по 4 племени, то этим можно объяснить такое число ($23 \cdot 4 = 92$) «узбекских родов». По нашему мнению названия родов носили атрибутивную форму, то есть рода Узбека, а позже Узбек превратился в среднеазиатский экзоэтноним³.

Для того чтобы понять механизм успешной реализации административной реформы Узбек-хана, стоит обратиться к теории⁴ классика неoinституционализма Мансура Олсона о «кочевом и оседлом бандитах»⁵.

Таким образом, административную реформу Узбек-хана можно назвать тем актом, которое положило начало Классическому периоду в Золотой Орде. Нейтрализация «кочевых бандитов» (изъятие улусов у Джучидов) привела к росту экономики Золотой Орды и установлению порядка на всей ее территории.

В рамках политической системы улуса Джучи существовали 23 улуса, из которых улус Бату был по материальным ресурсам одним из 23 улусов, но при этом наследники Бату обладали нематериальным ресурсом, таким как легитимность. В период правления Тохты большая часть улусов была

³ *Сабитов Ж.М.* Политическая система Золотой Орды: генезис основных политических институтов // Золотоордынская Цивилизация. Выпуск 5. (в печати)

⁴ М. Олсон выделял два типа правителей в обществе, где отсутствует централизация и существует примерно равные материальные ресурсы у разных клановых группировок: 1. «Кочевые бандиты». 2. «Оседлые бандиты». Население заинтересовано в существовании одного бандита а не нескольких. Так как один грабит один раз, а несколько по несколько раз. Тут также стоит отметить логику эволюции (при оседлом населении). Как писал Олсон: «с монополизацией воровства (когда «кочевой бандит» становится «оседлым» и начинает противостоять другим «кочевым бандитам»), жертвы воровства могут ожидать, что они сохраняют какой-либо накопленный из посленалогового дохода капитал, увеличивая свои будущие доходы и налоговые поступления своему оседлому бандиту». «Преодоление анархии кочующих бандитов возникает подобно рыночному порядку, из эгоистических стремлений тех же бандитов к максимизации взимаемой с общества дани. Необходимые условия этой максимизации образуют новый принципиально новый порядок, власть оседлого бандита становящегося автократом. Самоограничение в налогообложении и предоставление общественных (в том числе защита населения от других кочующих бандитов) приводят к гигантскому скачку в росте выпуска и как результат доходов самого автократа. Этот переход к качественно новому порядку можно называть государственной революцией, обеспечившей расширение производственных мощностей общества». *Olson M.* Dictatorship, democracy, and development *American Political Science Review*, Vol. 87, No. 3 (Sep., 1993), pp. 567-576.

⁵ Здесь стоит отметить, что в данном случае бандит выступает метафорой, и не несет негативного оттенка, более того такая метафора справедлива для всех средневековых обществ, где наблюдалась борьба за централизацию государства, где непокорные феодалы боролись против центральной власти.

интегрирована к улусу Бату, путем назначения на посты глав улуса близких родственников Тохты. Но сама политическая система не менялась, новые институты не были созданы. Таким образом, власть Тохты структурно была похожа на власть Бату: Бату и Тохта правили не на основе политических институтов, которые зависели от центральной власти институционально, а на основе личной харизмы, когда силой авторитета и войсками близких родственников он мог влиять на всех владельцев улусов. Кроме того, видна разница между походами ханов Золотой Орды в эпоху до Узбека и при нем. До Узбека, например, в эпоху Ногая, походы носили грабительский характер, цель которого была приобретение материальных благ, нередко случались ссоры из-за добычи, как например между Ногаем и Теле-Бугой. В эпоху же Узбека походы были уже государственными предприятиями, и зависели целиком от воли хана.

С точки зрения неоинституционализма Золотая орда было особенным государством, в нем присутствовали кочевой и оседлый элементы, что приводило к тому, что победа «оседлого бандита» не была предопределена, как это было в чисто оседлых государствах.

В то же время Узбек-хан изменил полностью политическую систему, создав и реформировав политические институты в Золотой Орде.

Помимо поддержки податного населения и традиционной легитимности, у Узбек-хана был еще один потенциальный ресурс, который он использовал в полной мере

К высшему слою политической элиты Золотой Орды относились Джучиды, правители улусов, в то время как родоплеменная знать не играла важной роли. Можно предположить, что некоторые представители родоплеменной знати были недовольны своим местом в политической элите, но не имели никаких рычагов для изменения ситуации. Верхние страты политической элиты Золотой Орды были заняты Джучидами. Когда Узбек-хан пришел к власти, он решил использовать родоплеменную знать как противовес власти джучидов. Ибн Батута сообщает нам о 17 эмирах-темниках, которых он видел на пиру у Узбек-хана. Мы предполагаем, что эти представители родоплеменной знати были теми людьми, которых Узбек-хан выдвинул на место правителей улусов вместо Джучидов. С учетом того, что кроме улуса Бату и 17 улусов темников оставалось 5 улусов, можно предположить, что именно эти 5 улусов остались в управлении у некоторых Джучидских кланов Ордуидов и Шибанидов.

По нашему мнению процесс административной реформы Узбек-хана выглядел следующим образом:

1. Избрание ханом:

- 1.1. Изначально Узбек-хан прибыл на курултай, где Тук-Буга, сын Тохты оспорил права сына Ильбасара на трон.

- 1.2. Во время курултая Узбек и его сподвижники физически уничтожили Тук-Бугу и его сторонников.

1.3. С помощью подкупов Байалун Узбек-хан был избран на курултае ханом и обрел легитимность как наследник Бату⁶.

2. Административная реформа.

2.1. Мусульманство здесь выступала альтернативной идеологией податного населения, в котором Узбек-хан видел, безусловно, союзников в борьбе против «кочевых бандитов». Поэтому, не порывая с монгольской идеологией (она выступала источником легитимности династии Батуидов), Узбек-хан начал движение в сторону ислама.

2.2. Не дожидаясь отъезда всех Джучидов, бывших на курултае, Узбек-хан посадил их под арест и передал Исатаю кияту. Данное действие было наиболее эффективным, так как все оппоненты будущей реформы находились в одном месте и не имели под рукой военных ресурсов своего улуса, так как никто не ожидал репрессий со стороны Узбек-хана.

2.3. Наиболее выдающихся Джучидов Узбек ликвидировал физически. В источниках упоминаются от 20 до 120 убитых царевичей. Если верить первой цифре, то, видимо, были уничтожены все главы улусов (Джучиды), бывшие на курултае.

2.4. Узбек-хан назначил на место репрессированных Джучидов (руководителями улуса - темниками) представителей родоплеменной знати. Скорее всего, им обычно мог являться один из представителей четырех кланов из этого улуса.

2.5. Все Джучиды из подвластных улусов были собраны и отданы под начало Исатая кията.

2.6. Некоторые Джучиды смогли спастись и выступить против Узбек-хана. Например, мятеж Баба-огула. Есть версия, согласно которой Баба-огул являлся шибанидом, упомянутым в Муизз ал Ансаб⁷. С этой точкой зрения трудно согласится, так как по генеалогиям данный Баба являлся и должен был жить в эпоху гораздо позже Узбек-хана. В Муизз ал Ансаб он отмечен как родной брат Хаджи-Мухаммеда⁸, который был ханом в Золотой Орде век спустя (1421-1423).

По нашему мнению, данным Баба-огулом являлся известный Шибанид Бадагул, отец Менгу-Тимура (сын Джучи-Буки, сына Бахадура, сына Шибана). Как известно Баба-огул и его сын были казнены в Иране. Здесь прослеживается косвенное подтверждение контактов с Ираном данными о жене Менгу-Тимура, сына Бадагула. Согласно Таварихи Гузидаи Нусрат-наме она была дочерью некоего Джанди-бека, который происходил из династии Саманидов⁹. Очень трудно

⁶ Подробнее: *Сабитов Ж.М.* Узбек-хан: проблема прихода к власти// Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А.Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 111-115.

⁷ *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. Евразия 2010. С. 296

⁸ История Казахстана в персидских источниках. Т. 3 (Муизз ал Ансаб). Алматы. Дайк-Пресс. 2006. С. 42.

⁹ История Казахстана в персидских источниках. Т. 4. Алматы. Дайк-Пресс. 2006. С. 428.

представить, что Менгу-Тимур мог на ней жениться, живя в своем улусе в степях восточного Дешти-Кипчака. Скорее всего, он женился на ней в эпоху пребывания в Иране. Возвращение Менгу-Тимура на родину могло состояться в эпоху хана Джанибека.

2.7. Близкие сподвижники Узбек-хана. Можно выделить четверых карачибеков Узбек-хана.

1. Кутлук-Тимур, которого мы гипотетически относим к роду Кунгират¹⁰. Способствовал убийству Тук-Буги и воцарению Узбек-хана.

2. Исатай кият. Согласно Утемыш-хаджи был послан за Узбек-ханом с войском и стал его соратником. Почекаев Р.Ю. путает его с Исой уйшином¹¹, а самого Ису кията называет «основателем провинциальной династии Крыма». Но как мы видим из источников, в частности Утемыш-хаджи, ближайшим соратником Узбек-хана назван именно Исатай кият, а Иса уйшин не упомянут. Упоминается он (Иса уйшин) позже в эпоху хана Джанибека в связи с историей своего сына Амата и внука Салчена. Вполне можно предположить, что Исатай кият был приближенным Узбек-хана, а Иса уйшин был региональным правителем улуса Крым и братом Тулек-Тимура. Реконструкция же Мустакимова И.А. имени Исатая кията как Астая, нам кажется не обоснованной. Кроме того имя Исатай встречается и других первоисточниках, например Бузанчар кият в сочинении Таварихи Гузидаи Нусрат-наме назван как потомок Исатая кията (не Астая)¹².

3. Нангудай кият, по нашему мнению он относился к племени кунгират, скорее всего, он вырос вместе с Узбеком в вилайете черкесов (улус Джулат). Согласно нашему предположению он является сыном Ак-тайджи, внука Ногая по материнской линии¹³.

4. Алатай сиджиут. Согласно Утемыш-хаджи был послан за Узбек-ханом с войском и стал его соратником. Согласно Утемыш-хаджи ему в подчинении было отдано племя минг. В дальнейшем упоминания о нем минимальны

Другие существовавшие эмиры могли играть более мелкую роль.

Как видно из этого списка, на первые роли у Узбек-хана вышли кияты во главе с Исатаем и кунгираты. Видимо они смогли укрепить свою власть настолько, что во время начала смуты кияты играли большую роль как на востоке так и на западе улуса Джучи (Мамай и Тенгиз-Бука), в то время как кунгираты смогли в

¹⁰ *Сабитов Ж.М.* Кунгираты в восточном Дешти-Кипчаке в 13-15 веках// Вестник Евразийского национального университета. № 3(88). Астана. 2012. С.123.

¹¹ *Почекаев Р.Ю.* К вопросу о составе господствующего класса Золотой орды – династии сановников // Вопросы Истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П. Костюкова. Астрахань. Издательство «Астраханский университет». 2011. С. 149.

¹² Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата. Наука. 1969. С. 16.

¹³ *Сабитов Ж.М.* Кунгираты в восточном Дешти-Кипчаке в 13-15 веках// Вестник Евразийского национального университета. № 3(88). Астана. 2012. С.121.

союзе с Хызыром основать самостоятельное государство в Хорезме. Безусловно корни такого могущества были заложены еще в эпоху Узбек-хана.

Таким образом, в конце статьи можно подвести следующие итоги:

1. При Тохте-хане происходила централизация Золотой Орды, без изменения политической системы Золотой Орды. Власть хана Тохты институционально была похожа на власть хана Бату, так как базировалась на личной харизме. Узбек-хан усилил централизацию Золотой орды на основе реформы ее политических институтов власти (лишение Джучидов своих уделов, выдвижение родоплеменной знати вместо Джучидов, прямое подчинение улусов центру).

2. Реформа удалось в силу поддержки тремя слоями населения: оседлым податным населением, торговыми кругами (в основном мусульманами) и родоплеменной контрэлитой. Произошла смена элит и Джучиды отошли на второй план, на первый план помимо хана вышли такие рода как Кият и Кунгират.

3. Другим фактором успешности административной реформы стали неожиданные репрессии по отношению к Джучидам. Случились они, скорее всего, сразу же после избрания Узбека ханом Золотой Орды, когда Джучиды, участвовавшие в курултае еще не успели разъехаться по улусам. Фактором неожиданности и недоступностью больших воинских контингентов в подчинении у улусных правителей-Джучидов, объясняется успех репрессивных мер по отношению к Джучидам.

4. Административная реформа Узбек-хана по своему характеру была схожа с механизмом описанным Мансуром Олсоном, а именно трансформация «кочевого бандита» в «оседлого» со всеми вытекающими последствиями (большой экономический рост в силу обеспечения политической стабильности, расцвет культуры, строительство инфраструктуры и т.д.).

Список литературы:

1. *Olson M. Dictatorship, democracy, and development American Political Science Review, Vol. 87, No. 3 (Sep., 1993), pp. 567-576.*

2. История Казахстана в персидских источниках. Т. 3 (Муизз ал Ансаб). Алматы. Дайк-Пресс. 2006. 672 с.

3. История Казахстана в персидских источниках. Т. 4. Алматы. Дайк-Пресс. 2006. 620 с.

4. Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата. Наука. 1969. 650 с.

5. *Почекаев Р.Ю.* К вопросу о составе господствующего класса Золотой орды – династии сановников // Вопросы Истории и археологии средневековых

кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П. Костюкова. Астрахань. Издательство «Астраханский университет». 2011. С. 145-154

6. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. Евразия 2010. 408 с.

7. *Сабитов Ж.М.* Кунгираты в восточном Дешти-Кипчаке в 13-15 веках// Вестник Евразийского национального университета. № 3(88). Астана. 2012. С.121-124.

8. *Сабитов Ж.М.* Политическая система Золотой Орды: генезис основных политических институтов//Золотордынская Цивилизация. Выпуск 5. (в печати)

9. *Сабитов Ж.М.* Узбек-хан: проблема прихода к власти// Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А.Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 111-115.

10. *Утемыш-хаджи.* Чингиз-наме Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследования В.П. Юдина. Подготовила к изданию Ю.Г. Баранова, Комментарии, указатели М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата. Гылым. 1992.

Сведения об авторе:

Сабитов Жаксылык Муратович, Доцент, PhD.

Нур-Султан, Казахстан, Евразийский Национальный Университет.

Научные интересы: Политическая история улуса Джучи, Генеалогии джучидов, Этногенез тюркских народов.

Sabitov Zh.M.

Administrative reform of Uzbek-kKhan

This article examines the nature of the administrative reform Uzbek-khan and the main factors affecting its successful implementation. Identified three layers of the population interested in the administrative reform of Uzbek-khan. Also describes the general contrast of the political system before and after the Uzbek-khan. The main reasons for the successful repression of Juchids were described and analyzed

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА

Кушкумбаев А.К.

г. Нур-Султан, Казахстан

Abstract. Цель статьи показать, что исследование военного дела древнего и средневекового населения Казахстана и Центральной Азии представляет первостепенную значимость для понимания закономерностей появления и развития войн и военной деятельности в кочевых обществах и государствах. Изучение военного дела дает возможность получить информацию о политической, социально-экономической, культурной и этнической истории кочевников. Полученные данные позволяют лучше понимать особенности и закономерности в развитии военного дела граничивших с ними оседло-земледельческих государств и их влияние на военную область жизнедеятельности кочевого мира степей. Сейчас вполне очевидно, что военно-культурная традиция кочевых держав Евразийского континента является общим культурным достоянием степных этнополитических общностей – тюрко-монгольских народов и государств Древности, Средневековья и Нового времени.

Keywords: Военное дело, военная история, война, кочевники, оружие, вооружение, Казахстан, Центральная Азия

Introduction. Военная деятельность и войны всегда имели колоссальное значение в истории древних и средневековых народов евразийской степной зоны, составной историко-культурной частью которого является территория Казахстана. Кочевые народы создали самобытную и перманентно эволюционирующую военную систему, которая стала главным фактором их геостратегического доминирования в Евразии на протяжении достаточно длительной исторической эпохи. Традиционная военизация кочевого хозяйственно-культурного типа, пронизывавшая все звенья общественного и государственно-политического устройства, получила демонстрационное выражение в предметах военно-материальной культуры, устных и письменных источниках далекого прошлого, традиционном образе жизни и духовно-идеологических символах кочевников. В Казахстане и сопредельных странах зафиксировано множество наскальных изображений (*петроглифы, рисунки, силуэты*), наглядно представляющих «милитаристский дух» древних обществ и культур. Одним из ключевых художественно-канонических сюжетов этого прокламационного искусства был эпически-притягательный образ, буквально «до зубов» вооруженного воителя –

полководца, батыра, воина – обладающего полным боевым снаряжением и экипировкой.

Discussion. Военно-культурная традиция кочевых обществ древнего и средневекового Казахстана непосредственно входит в многогранную культуру страны, которая в свою очередь является частью историко-цивилизационного фундамента современной казахской государственности. Необходимость исследования военного фактора в развитии кочевого общества и казахов, в частности, связана также с исследовательскими установками для научных программ по истории и культуре Казахстана, принятыми в последние годы концепциями «Мәңгілік Ел» и «Рухани Жанғыру».

Более того, в условиях формирования Вооруженных сил РК интерес народа и широких слоев общественности к проблемам армии и ее истории довольно высок. В последние годы растет внимание не только общества, но и профессиональных военных, молодежи, любителей старины к военной истории кочевых народов. Наглядным подтверждением чему является издание обширной научно-популярной литературы и выпуск историко-художественных фильмов посвященных героической борьбе казахов с внешними врагами (кинофильмы: «Кочевник», «Жау жүрек мың бала», «Казахское ханство», «Томирис» и др.). Этот закономерный интерес должен получить адекватное и профессиональное отражение в исторической науке.

Тем не менее, в современной гуманитарной науке пока до сих пор нет специализированных комплексных военно-исторических исследований по отдельным историко-хронологическим периодам. Имеющиеся труды, за небольшим исключением, носят или обзорный характер или базируются на какой-то одной группе источников. Следствием такого положения дел в казахской исторической науке мало существенных научных исследований, итоговых теоретических и прикладных обобщений по военной истории, а также, что не маловажно, специальных пособий по военному искусству армий древних и средневековых государств для учебных заведений страны.

В Казахстане в целом успешно реализовывалась интересная и чрезвычайно необходимая для нашей страны большая культурная программа – «Мәдени мұра». Думается, сегодня есть потребность продолжения таких историко-гуманитарных проектов, а в рамках них выделения отдельного направления связанного с военно-культурным наследием прошлого.

Оружие и война в древнем Казахстане. Научное изучение военной предыстории нашего региона необходимо, по-видимому, начинать с древнейшего периода истории Казахстана – эпохи палеолита. Среди доисторических каменных орудий труда довольно затруднительно сейчас различить предметы оружия, которые, как правило, применялись как на охоте, так и в неизбежных межобщинных столкновениях людей.

Орудия охоты, использовавшиеся в добыче зверей и пернатой дичи, одновременно, позволяли древнему человеку вести борьбу с себе подобными, в неизбежных спорных ситуациях за природные ресурсы обитания. Вместе с тем, уже тогда, фиксируется появление специализированных предметов вооружения (*булавы, дубины*) ориентированные на боевые столкновения.

С развитием технологий и оснащением более совершенными средствами – топорами, копьями, ножами, пращами, луком со стрелами, развитием коллективных охот против опасных диких животных, вооруженная борьба становится постоянным спутником человеческой жизни. Тем самым, к числу первых продуктов трудовой человеческой деятельности относилось наступательное оружие. Появление такого опасного для жизни оружия напрямую, почти синхронно, обусловило создание адекватной верхней одежды с оборонительными признаками и защитными свойствами.

Огромным фактором, повлиявшим на становление облавной охоты и военной деятельности у скотоводческих народов, сыграло приручение и одомашнивание лошади, проходившей, по общему мнению специалистов, в эпоху позднего неолита-энеолита. Примечательно, что именно в рамках Ботайского ХКТ, существовавшего в 3700-3100 гг. до н.э., на территории Северного Казахстана, как уже доказано учеными, шел процесс доместикации лошади и коневодство становится важнейшей отраслью хозяйства в структуре многоотраслевого скотоводства. Освоение верховой езды и появление на этой основе такого феномена как «всадничество», имело революционное значение не только в экологическом познании среды обитания, но и позволило древним воинам-охотникам достичь необходимой маневренной мобильности и скорости ходе перманентного военного противостояния с противником.

В период развитой бронзы, примерно в середине – второй половине II тыс. до н.э. среди многочисленного извлекаемого археологического материала, добытого в ходе раскопок, обнаружено большое количество предметов вооружения: бронзовые наконечники стрел и копий, боевые ножи, кинжалы, которые позволяют уверенно относить их к формирующемуся оружейному комплексу, предназначенного для военной деятельности. Это свидетельствует о том, что рост подвижности и освоение новых территорий обусловил военные столкновения между древними племенами Казахстана и, соответственно, привел к расширению локальных боевых действий. Как показывают археологические данные, древнейшее население Западной Сибири и смежных районов центрально-азиатского культурного мегарегиона, приблизительно с середины II тысячелетия до н.э., в качестве защитного вооружения использовало специальные пластины из кожи, кости и дерева.

Возникновение войны – как широкого социального явления в среде древних обществ заметно ускорило процесс производства оружия как эффективного

средства вооруженной борьбы и напрямую способствовало созданию специальной военной структуры общества по организации защиты или нападения на соседей. Постепенно занятие военным делом становится одним из главных способов существования отдельных родоплеменных коллективов и привело к доминированию в окружающей среде военизированных обществ, что обусловило создание крупных военно-потестарных организаций и зарождение ранних форм государственности.

Вооружение и военное дело занимало важное место в процессе культурного и социального развития древних племен и народов Казахстана. Как повествуют письменные источники и свидетельствуют многочисленные археологические данные, история саков, савромато-сарматских племен, хунну, усуней, кангюйцев I тыс. до н.э. – первых веков I тыс. н.э. было тесно связана с войной. Комплекс вооружений и особенности военного дела скифов, савроматов, сарматов, алан Восточной Европы и Северного Кавказа успешно изучаются в рамках военной археологии оружиеведами РФ, Украины и специалистами дальнего зарубежья. Между тем по военной истории хронологически синхронных им древних культур насельников казахстанских степей фактически издана всего одна работа [1]. Такое исследование военного дела, например, тех же саков Казахстана, давно назрела, с учетом накопленного за эти годы материального фонда военных артефактов и хорошо апробированных практических методик и современных научно-теоретических разработок. Почти ежегодно казахские археологи находят останки захоронений древних воинов, обязательным атрибутом похоронного обряда которых было холодное оружие или детали защитного доспеха. Так, недавно южноказахстанские археологи нашли могилы трех воинов-номадов государства Кангюй (Канцзюй) и сопутствующий им оружейный инвентарь – наконечники стрел, ножи, луки и кинжалы.

Как видно, военно-политическая история кочевников Евразии постоянно привлекает внимание как исследователей, специально занимающихся разработками разносторонних аспектов военного дела, так и представителей общественности, интересующихся военным искусством прошлого.

Вооружение и военное дело Тюркских каганатов. Важнейшим этапом эволюции военного искусства кочевников Евразии является эпоха Тюркских каганатов. Комплекс вооружения, тактика, военная организация древних тюрков отражены в огромном количестве источников (вещественных, изобразительных, письменных), которые, что примечательно, ежегодно пополняются. Эпоха центрально-азиатского «рыцарства» – это блестящая воинская культура, распространение стремлян и сабель, полного доспеха для людей и лошадей, копейные поединки, грандиозные военные походы. Не удивительно, что в мире не угасает интерес к данной проблематике. Например, в России выходят десятки статей и монографий, посвященных различным аспектам военного искусства древних тюрков, кыргызов, уйгуров и др. [2]. Казалось бы, созданы все условия

для появления современных специальных комплексных исследований по военному искусству народов каганата и в Казахстане, который является одним из геополитических, исторических и этнокультурных наследников Древнетюркского каганата, но они отсутствуют.

Складывается впечатление, что вопрос под таким углом пока просто не ставится. Издательства предпочитают переиздавать классические труды XIX-XX вв., игнорируя новейшие научные открытия. Однако процесс компиляции работ западных авторов и советских исследователей 1980-1990-х гг. не может продолжаться бесконечно. Без сомнения, появление новых обобщающих исследований по военному искусству древних тюрков, основанных на комплексном анализе вещественных, изобразительных и письменных источников является важнейшим направлением деятельности ученых Казахстана. В этом хронологическом контексте следует обратить внимание на военное дело тюркских племен и народов раннего Средневековья: тюргеши, карлуки, огузы, кимаки, кыпчаки и т.д. VIII-XIII вв., которые непосредственно, так или иначе, входили в мегацивилизационный круг многовековой центрально-азиатской военно-культурной традиции.

Влияние военной культуры тюркских кочевников Центральной Азии и Казахстана, особенно в периоды раннего и развитого Средневековья, расширилось далеко за пределы их исконного местообитания фактически по всем географическим направлениям военной экспансии, что на долгие века предопределила военные традиции и милитаристский уклад государственно-политического устройства многих этнополитических общностей. Достаточно наглядно это видно на примере развития оружейного арсенала боевых средств, которые весьма быстро распространялись на огромных территориях, преодолевая любые искусственно созданные преграды и барьеры.

Комплекс вооружения (*оружие и доспехи*), несмотря на некоторый скептицизм отдельных историков, является одним из основных военно-технических источников при изучении истории военного дела. Реконструировав комплекс вооружения, можно уточнить (*а иногда и определить*) качественный состав и род войск, что позволит дополнить сведения письменных источников о тактике ведения боя, о диапазоне применения различных видов оружия, дать оценку выдающимся событиям военной истории, выяснить причины успеха или неудачи в конкретных сражениях или войнах. Кроме того, оружие служит источником для решения общеисторических проблем. Оно помогает выяснить каналы проникновения предметов вооружения и основное направление военных экспансий, определить хронологию археологических памятников, в которых отсутствуют другие датирующие предметы, распространение или сокращение ареала той или иной военно-культурной традиции. Оружие служит источником при изучении религиозных представлений и культов, при оценке уровня развития

железоделательного и кузнечного ремесла, определения социально-политической стратификации в рамках изучаемого общества. Отдельные предметы вооружения являются важным источником эпиграфии, которые отражают внутреннюю специфику военной культуры кочевых тюрко-монгольских народов Евразии.

Военное дело древних тюрков, сыграло заметную роль в эволюции военного искусства кочевников эпохи раннего Средневековья, и было объектом особого внимания со стороны соседних народов и государств, которые вступали с ними в контакт. Большой информационный потенциал по предметам вооружения содержат материальные артефакты (*остатки оружия, боевого снаряжения, наскальные изображения батальных сцен и т.д.*) найденные в ходе археологических изысканий [3].

Именно в эпоху господства древних племен на территории восточной части Центральной Азии появляется и получает широкое распространение среди кочевников, а затем и у оседло-земледельческих этносов, такое высокоэффективное оружие ближнего боя как сабля [4]. Его боевая результативность практически доказана всей историей конницы на протяжении более тысячи лет. Уже сейчас изученный комплекс вооружения позволяет говорить о наличии у тюрков тяжеловооруженной панцирной кавалерии – отряды «*бори*» («*волчезнаменные*») – спецподразделения, имеющие на вооружении необходимый набор средств рукопашной схватки. Древние тюрки и их преемники, опираясь на свою военную мощь, распространили сферу этнополитического влияния созданной кочевой империи на весь евразийский регион.

В историографии за казахскими степями недвусмысленно закрепилось (*отчасти справедливо*) обозначение как огромного «степного коридора» соединявшего Центральную Азию с Восточной Европой, хотя именно с территории Казахстана запускались (*или, вернее, инициировались*) практически все крупные военные инвазии и нашествия кочевников на близлежащие и отдаленные оседло-земледельческие области.

Располагаясь в географическом центре евразийского континента, территория Казахстана издревле была обширной культурно-контактной областью, в которой происходило взаимодействие народов различного этнокультурного происхождения. Не доходя до состояния кризисно-критической массы и внутреннего взрыва, группы кочевников-аутсайдеров, не выдержав конкуренции с другими более активными и воинственными соседями, формируя «*пассионарное*» (*дееспособное*) военно-миграционное ядро, уходили на поиск более свободных земель, сменяя на своем пути или включая в свой состав остатки политически разрозненных слабых племен. Это обстоятельство наложило отпечаток на формирование и специфику складывающейся военной культуры древних племен и народов Казахстана, а если шире, то и всего евразийского степного пояса в целом.

Грандиозные завоевания Чингизидов. Военная история периода трансконтинентальных монгольских завоеваний развитого Средневековья оставило заметный след во всемирно-исторической эволюции стратегии и тактики ведения войны, объектов вооружения, военной организации. Монгольская эпоха в истории Евразии – один из знаковых и поворотных этапов всемирной истории как восточных, так и западных стран начиная от Дальнего Востока и до Переднеазиатского и Восточно-европейского региона включительно [5]. Несмотря на обильный исторический материал и устойчивый интерес научного сообщества к этому рубежному периоду мировой истории, ускорившего развитие многосторонних связей между Западом и Востоком, эта тематика недостаточно осмыслена теоретически в контексте равномерного исследования истории военного дела евразийских кочевников Средневековья.

Формирование евразийской империи Чингиз-хана и его преемников считавшейся по праву самым большим государством в истории человечества было тесно связано с этническими предками ряда тюркских народов, проживающих сейчас в Казахстане, государствах Центральной Азии и автономных российских республиках, в частности Поволжско-Уральского региона и Северного Кавказа. Несмотря на обилие узкоспециализированных работ, комплексные исследования, посвященные военному искусству Золотой Орды в целом, только намечаются.

Следует отметить, что военное дело этого государства вызывает большой интерес, т.к. Улус Джучи появился в течение первой четверти XIII в. на территории Казахстана и сопредельных районов вследствие ошеломительных военных триумфов монгольских вторжений на запад Евразийского континента¹⁴. Именно фактор военного превосходства над другими государственными образованиями имел первостепенное значение в геополитическом господстве кочевников в западных и центральных районах Евразии в XIII-XV столетиях. Кроме того, серьезно отработанная военно-организационная структура монголов, привнесенная из Центральной Азии, как активно насаждалась завоевателями среди покоренного населения, так и заимствовалась их противниками, оказала сильное влияние на структуру и качество военной организации последних. В этой связи возможно концептуальное осмысление степени воздействия военного дела на социальную организацию, систему власти и динамику общественного развития и основных институтов евразийских кочевых обществ в целом.

Масштабные военные походы Чингизидов традиционно именуются в мировой научной литературе «Великими Монгольскими завоеваниями».

¹⁴ Показательно, например, что стратегия и тактика средневековых Чингизидских армий не только исследуется специалистами, но и является предметом преподавания в таких известных военно-учебных заведениях мира как французский Сен-Сир, американский Вест-Пойнт. Военное дело монголов внимательно анализируется современными американскими военными экспертами, которые пришли к такому мнению, что монгольская военная машина XIII в. – это была вооруженная сила не укладывающаяся в классическую военную стратегию стран Запада, но, которая в своем развитии оперативного искусства далеко опередила свое время.

Действительно чингизидские войска (*точнее кочевое население Монголии и Южной Сибири*) составляли ядро вооруженных сил «Потрясателя Вселенной» и его преемников, однако «в тени» остается тот факт, что основная масса знаменитой конницы Чингизидов состояла из тюркских кочевников Евразии и Восточного Дашт-и Кыпчака. В значительной мере грандиозные завоевания были сделаны руками тюркоязычных номадов кочевавших на территории Казахстана. Тюркские воинские соединения – предки современных казахов, ногаев, татар средневековых этнополитических объединений – «кочевых узбеков»¹⁵, могулов – воевали в Китае, Корее, Мавераннахре, Иране, Закавказье, Восточной и Центральной Европе. Армии Субэдэй-бахадур, Бату, Токтамыша, Едигея и др. знаменитых правителей и военачальников были в значительной степени укомплектованы кочевыми тюрками с территории нынешнего Казахстана и России. Из кыпчаков состоял и корпус гвардии, расквартированный в Пекине.

Казалось бы, эти факты должны были бы подвигнуть казахстанских историков заняться изучением роли тюркских кочевников Казахстана в военном искусстве Монгольской империи и Золотой Орды, однако эта тематика так и не стала объектом специального комплексного исследования в отечественной историографии.

Военное дело кочевников входит непосредственно как в общую военную историю средневековых тюрко-монгольских народов Евразии и Казахстана, так и является неразрывной частью военной системы: структура и состав вооруженных сил; военная стратегия и тактика ведения войны; комплекс вооружения, ремесленная технология изготовления оружия; приемы его использования; этнокультурного развития проживавших здесь народов. Военными наследниками Монгольской империи стали Ногайская Орда XV–XVII вв., кочевники Восточного Дашт-и Кыпчака (*государство Шейбанидов*) и Могулистана XV–XVI вв., Казахское ханство XV–XVIII вв., Сибирские ханства XV – начала XVII вв., башкиры и др. Военная история указанных тюркских государств требует дальнейшего углубленного исследования по ключевым разделам развития военного дела.

Оружие – один из главных элементов военно-материальной культуры любого общества. На протяжении тысячелетий логика развития военного искусства во многом определялось противоборством двух основных компонентов оружейного комплекса: средств защиты (*доспех*) и средств нападения (*наступательное оружие*). Совершенствование боевых средств поражения привело к трансформации защитного вооружения и наоборот.

Одним из интереснейших эпизодов этого процесса является эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени, когда к традиционным средствам нападения добавилось огнестрельное оружие. Эффективная возможность

¹⁵ Так называется в специальной востоковедческой литературе воинственное тюркоязычное кочевое население Восточного Дашт-и Кыпчака XV–XVI вв. проживавшее на территории современного Казахстана от Урала до Иртыша.

огнестрельного оружия поражать противника на большом расстоянии привело к кардинальной военной революции в тактической модели ведения боя и стратегии проведения отдельных (*локальных*) операций и крупных военных кампаний. Появление нового оружия сыграло роковую роль в военной истории кочевых народов Евразийского континента. Однако в силу целого ряда причин развитие огнестрельного оружия в Азии шло более медленными темпами, чем в Европе. Это дало шанс кочевым народам региона побороться за сохранения своего влияния во внутренних районах евразийского континента. Зафиксировать процесс «противоборства» обновленного комплекса оружия нападения и доспеха на азиатских материалах значительно сложнее, чем на европейских, так как военное искусство азиатских народов изучено крайне неравномерно.

Сегодня важно воссоздать индивидуальный комплекс вооружения воинов древнего и средневекового Казахстана, провести детально-комплексное изучение оружейного набора и сделать материальный военно-технический анализ боевого защитного костюма и его аксессуаров, что позволит осуществить реально-историческую художественно-графическую и предметную реконструкцию оборонительных доспехов и стандартного набора вооружения номадов Евразийских степей Древности и раннего Средневековья, Дашт-и Кыпчака развитого Средневековья и казахов позднего Средневековья и Нового времени.

Указанная целенаправленная работа предполагает:

– осуществить на основе систематизации собранного материала типологию наступательного и защитного вооружения, выявив хронологические рамки существования конкретных типов, их происхождение и развитие;

– на основе комплексного анализа источников реконструировать техническое устройство различных видов защитного вооружения, тактические возможности их применения в армиях кочевников;

– провести художественно-графическую реконструкцию защитного оборонительного вооружения и комплекса боевых средств степных воинов;

– сделать предметно-материальную реконструкцию защитных доспехов и личного оружия ближнего и дальнего боя воинов;

– создать классификацию и типологию оружейного комплекса номадов.

Такой вариант военно-материальных реконструкций украсит как с художественно-эстетической, так и культурно-исторической стороны любое научно-образовательное учреждение и станет достаточно наглядным и массово-доступным для всех посетителей и высоких гостей, будет способствовать формированию уважительного отношения к военному прошлому казахов и Казахстана и патриотическому воспитанию нового поколения казахстанцев. Более того, разработка данного направления военного дела будет носить как научно-практический, так и познавательный характер, т.к. на таком уровне подобная работа в Казахстане не проводилась.

Результаты такого исследования могут иметь следующее широкое применение: написание обобщающих трудов по военной и политической истории и археологии Казахстана, Центральной и Средней Азии; издание специальных военно-учебных пособий, работ научно-методического и концептуального характера; оборудование музейных экспозиций с помощью реконструированных военно-исторических материалов. Это позволит в дальнейшем практически внедрить разработанные методики исследования для последующего сопоставительного анализа эволюции военного дела других регионов, эпох и культур. Изготовленные предметные научно-исторические реконструкции из аутентичных материалов, а также авторские художественные научно-исторические реконструкции могут экспонироваться в специализированных музейно-экспонатных собраниях РК.

Осуществление таких исследовательских поисков позволит не только дать адекватную научно-историческую оценку развития и уровня военного дела кочевых государств и народов прошлого и казахов, в частности, но и даст возможность поставить перед исследователями дальнейшую ее перспективную разработку уже применительно к иным территориям, синхронному и предыдущим периодам. Опыт изучения военного дела казахов станет как теоретической, так и практической наглядной моделью для последующего сравнительного исследования военного дела тюркских народов Евразии: «кочевых узбеков», ногаев, башкир, татар и др.

Conclusion. Таким образом, военное дело – составная часть не только истории страны, но и неотъемлемый элемент экономики, материальной и духовной культуры, социальных и политических отношений и повседневного быта народа, которая оказывала разностороннее влияние на все стороны общественной жизни и в значительной степени на характер и специфику традиционных институтов государственности в прошлом.

Для отечественных историков одним из главных приоритетов исторического знания должно стать осмысление вклада кочевников в мировую цивилизацию, выявление роли многогранной кочевой культуры в истории Казахстана и изучение воинского искусства казахского народа. Это особый долг нынешнего поколения казахов перед теми известными и неизвестными воителями, которые отдали свои жизни в борьбе за родную землю.

Необходимо помнить, что сам факт сохранения казахского народа, как самостоятельного субъекта международных отношений на гигантском геополитическом поле Евразии, в значительной степени был обусловлен наличием эффективного военного искусства, позволившего отстоять собственное жизненное пространство от многочисленных внешних врагов, сохранить многовековую специфическую этническую культуру. Для наших современников нынешние политические, культурные и этнические границы Казахстана кажутся чем-то вечным и незыблемым, но профессиональному историку ясно, что

сегодняшнее положение страны в мире предопределено успешным противоборством предков современных казахов с другими конкурентами, претендовавшими на гегемонию в Великой Степи.

Список литературы

1. Чотбаев А. Вооружение древних кочевников казахских степей. Астана: Филиал института археологии им. А.Х. Маргулана в Астане, 2013 200 с.
2. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.; Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.; Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 256 с.; Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.; Худяков Ю.С. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 202 с.
3. Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алматы: Ғылым, 1992. 288 с.; Самашев З.С. Петроглифы Казахстана. Алматы, 2006. 200 с.
4. Бобров Л.А. Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–V вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сборник научных трудов / Под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 80–199.
5. Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех // Олон Улсын монголч Эрдэмтний III Их хурал. Улаанбаатар, 1979. Бот. III. С. 90–101.; Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 244–269; Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.; Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. 84 с.

Сведения об авторе: Айболат Кайрслямович Кушкумбаев – главный научный сотрудник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева,

доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведение (Нур-Султан, Казахстан); e mail: kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz

MARC BLOCH AND THE DEVELOPMENT OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF HISTORICAL SCIENCE

M. Y. Shaikhutdinov

Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract. The article scrutinizes the contribution of Marc Bloch, an outstanding French historian of the XX century, to the development of theoretical and methodological foundations of modern historical science, including the formation of a unique “Annales” school. Based on an analysis of the crucial historical and theoretical works of Bloch, main stages of formation of his views on the place, role and purpose of historical science in human culture and the system of social relations are identified. Special attention is paid to the scientific tools used by the French historian, as well as to his methods of research using various historical sources. The study concludes that representatives of subsequent generations of the “Annales” school did not always agree with the ideas of Bloch, but at the same time recognized his high scientific authority, as well as his courageous and principled civil position during the German occupation.

Keywords: new historical school, history of modernity, collective mentalities, epistemology, time of the researcher, historical time

Introduction. Forming the content and style of our journal, we pay special attention to various scientific schools, including the European schools of medieval studies, which have come a long way and laid the foundations of modern historical science. It is this factor that determines our close interest in the French school of “Annales”, as well as in one of its founders – Marc Bloch, who dedicated almost all his life to the history of the European Middle Ages, but at the same time paid great attention to the theory and methodology of historical knowledge.

Unlike his father - Gustave Bloch - a historian of the antiquity, Mark chose the path of a medieval historian. After graduating from the École Normale Supérieure (1904-1908), he devoted himself to teaching and research. An innovative approach to historical science was already evident in the first monographs of Bloch, among them – “Ile-de-France: the Country around Paris”, “Kings and Serfs - a Chapter in of the Capetian history” (“*Rois et Serfs, un Chapitre d’Histoire Capétienne*”), “The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England”. Already in these works one can notice a new approach of Bloch to the interpretation of historical sources, as well as his interest towards the medieval mentality.

In 1929, in close collaboration with Lucien Febvre, Marc Bloch founded the “Annales” school and gave a powerful impetus to the development of French and

world historical science. In 1931 he wrote a monograph called "Characteristic features of French agrarian history", and in 1939-1940 his fundamental work "Feudal society" was published.

The peak of Bloch's scientific creativity was the manuscript "Apologia of history or the craft of a historian", which he drafted during the difficult conditions of the German occupation. It should be noted that Bloch did not accept the role of an outside observer and in 1943 joined the French Resistance. In March 1944, the Gestapo captured him, and on June 16, he was executed near Lyon. Throughout his life and up until his death Marc Bloch demonstrated and proved an inextricable connection between history and modernity.

Discussion. The beginning of Bloch's scientific career is closely connected with social history and the history of medieval law. In particular, he published the article "**Forms of breaking the oath of allegiance to the Seigneur in the old feudal law**" (1912). Already in this work, the young scientist's interest in ethnography and comparative research is noticeable (*according to Le Goff, Bloch was influenced by the works of Ernst von Meller and Karl von Amira* [1]).

Under the influence of one of the founders of French geopolitics, Paul Vidal de La Blache, Bloch became interested in historical geography. For example, in "**Ile-de-France: the Country around Paris**" (1913), he studied in detail the activities of the kings to form the core of the French state. At the same time, as Jacques Le Goff notes, Bloch showed an interest in questions of methodology, as evidenced by his report "**Historical criticism and criticism of evidence**" (1914).

During the First World War Bloch's military career began, but at the same time he studied the psychology of soldiers and army units, which was reflected in the article "**Reflections of a historian on false wartime rumors**" (1921). According to Jacques Le Goff, during the war Bloch saw how modern society turns into a society 'almost medieval', returns back to a mentality 'barbaric and irrational' [2], and that 'ignorance of the past inevitably leads to a lack of understanding of the present', which means that the present can help us understand the past [3].

After the war Bloch became a lecturer of the University of Strasbourg, where, according to Jacques Le Goff, met with the constellation of brilliant scientists, among them Lucien Febvre, historian, Andre Piganiol, historian of antiquity, Georges Lefebvre, explorer of revolution of 1789-1794, Gabriel Le Bras, the founder of French sociology of religion, Henri Bolig, geographer, Ernest Hoepfner, philologist, Charles Blondel, the doctor and psychologist, and Marcel Halbwachs, sociologist [4]. In 1920 Bloch completed his work on the monograph "Kings and serfs – a Chapter from the history of the Capetian period".

In 1924 Bloch published a monograph "**The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England**", dedicated to the rite of healing the sick by laying hands. Justifying his research task Bloch notes: 'It was believed that the French and English kings could heal people with scrofula by a simple touch of the hand, performed

in accordance with a traditional ceremony. Since when did they get this wonderful ability? What prompted them to practice medicine? How did their subjects recognize this gift?' [5].

As part of his research Bloch used a variety of historical sources, including account books, administrative documents, political and theological writings, medical treatises, liturgical texts, monuments of fine art, and even playing cards [6]. Based on a critical analysis of sources Bloch comes to the following conclusion: 'The belief in a miracle arose because everyone expected this miracle. The belief in a miracle took on a long life for this reason, and also because subsequent generations believed the testimonies of previous ones, which they thought were based on experience and therefore seemed irrefutable. As for the cases – apparently quite numerous - when the majesties' fingers failed to banish the disease, they were soon forgotten. Such is the happy optimism of pious souls. So, it is difficult to see in the belief in the Royal miracle anything but the fruit of a collective delusion – however, much more harmless than all the other delusions that are so rich in the history of mankind' [7].

According to Le Goff, Bloch is rightfully considered as 'the founder of historical anthropology, which is actively developing in our days' [8], although the anticipation of the anthropological approach in "The Royal Touch" does not mean that Bloch 'has already established himself on this new path for historians. Bloch did not yet have - and, let's admit in his 20s could not have – a conceptual apparatus that would allow him to give an adequate assessment of such manifestations of mass psychology' [9]. A.Y. Gurevich notes: 'This work is often regarded as standing aside from the main line of interests of Bloch, since later he returns to the research of socio-economic subjects, and his refusal to continue the line of research that is outlined in "The Royal Touch" is explained by the fact that in the mid-20s, historians in the majority did not understand and did not accept this issue. Nevertheless, we can argue that Bloch did not deviate anywhere' [10]. Y.B. Khromova states: 'The ideas related to the study of rituals, images and gestures in various historical societies, considered by Bloch in this book, remain relevant to this day' [11].

A new stage in the scientific activity of Bloch began in 1929, when together with Febvre he founded the journal "**Annales d'histoire économique et sociale**" (*available in French and English from Cambridge University Press*), which made a real methodological revolution. From the 'History-Story', which narrated the events of the past and engaged in 'collecting facts', Bloch and Febvre moved to the 'History-Problem' [12]. As N.V. Trubnikova notes, original innovation of the "Annales" were themed issues – 'special topics, constituting the whole issue, notable for interesting formulations that do not coincide with established definitions of historical science' [13]. Y.A. Vasiliyev drew attention to the fact that the "Annales" school focused on the study of Medieval, Renaissance and early modern periods [14].

In this article the contribution of “Annales” school in the development of methods of historical research will not be covered in detail (*the idea of the multiplicity of temporal rhythms, the emphasis on the connection of history and modernity, the shift of focus from political history to socio-economic history, historical anthropology, interdisciplinary research, the study of the history of mentalities, of collective behavior in extreme situations, etc.*), while I'll focus on analyzing key works by Bloch published in the era of “Annales” that had the most significant impact on the subsequent development of world historical science.

Among the most symbolic works by Bloch is the monograph **“Characteristic features of French agrarian history”** (1931), which was published simultaneously in Oslo and in Paris. The scientific value of this work is not so much in the results obtained as in the research methodology. It is with the discussion of the method that Bloch's work begins: ‘our knowledge is scanty. I tried not to conceal anything: neither the gaps in the research in general, nor the insufficiency of my own documentation, based partly on primary sources, but obtained from case to case’ [15]. Perhaps, that is why Bloch calls his concept of the agrarian history of France not a theory, but a hypothesis [16]. At the same time, he notes: ‘in the development of science, there are times when one synthetic work, even if it seems premature, is more useful than a number of analytical studies, in other words, when it is much more important to formulate problems well than to try to solve them. The agrarian history of our country seems to have reached this stage’ [17].

Bloch was one of the first to realize that only those works that are limited to local limits can provide actual data for final solutions, but such works ‘are almost unable to ask big questions. This requires a broader perspective, where the main outlines are not in danger of being lost in the dark mass of small facts. Even the broad horizon of an entire nation is sometimes insufficient. How can we capture the development characteristics of individual regions without first looking at France as a whole? French development, in turn, acquires its true meaning only if it is considered in a pan-European plan’ [18]. Thus, Bloch again points out to his fellow historians the value and usefulness of comparative research [19].

An important methodological value for researchers of agricultural history (*regardless of the specific state*) is Bloch's thesis about the need to take into account regional features: ‘in their agrarian structure, the various regions that make up modern France are not similar to each other, and in the past they differed much more than each of them, taken separately, differed from the countries bordering France. It is true that little by little, over these fundamental differences, what may be called French rural society developed, but it developed slowly and through the absorption of many societies or parts of them that originally belonged to a foreign world’ [20]. No less valuable are his thoughts on the geographical factor: ‘the conditions imposed on human activity by nature, even if they are unable to explain the fundamental features of our

agrarian history, appear in their entirety force, when it is necessary to establish a distinction between districts' [21].

Bloch recognized the value of historicism principle, but did not interpret it as directly as other historians. According to him, history is 'first of all the science of change. In studying various problems, I have tried never to lose sight of this truth. However, I had to explain the very distant past, especially in relation to various economic regulations, in the light of much closer times to us' [22]. According to Bloch, there are cases when 'in order to interpret the past, we must first consider the present, or at least the past that is closer to the present. This is, in particular (*for reasons that will be discussed below*), the method to which we are forced to resort in the study of agricultural history due to the state of the sources' [23]. So, referring to the problem of so-called "open and long fields", widely spread in medieval England, Bloch notes that Fustel de Coulanges could not find traces of this agrarian type in historical sources in France, because 'he studied the documents only by themselves, and not in the light of a more recent past. Fascinated, like many other major scientists of that time, mainly by questions of origin, he forever remained faithful to the narrow chronological system that led him, step by step, from an older phenomenon to a later one' [24].

'A historian', states Bloch, 'is always a slave to his documents, and most of all one who has devoted himself to agricultural research; for fear of not understanding the incomprehensible past, he often has to read history in reverse order. But, this method of investigation, which is the opposite of the natural order, has its perils that are important to define precisely. Those who see a trap are less likely to fall into it' [25]. Thus, the old texts studied in a proper way 'give much more than could be expected from them at the first glance, especially the records of legal practice – resolutions, acts of judicial processes – the analysis of which, unfortunately, is so poorly implemented in the current state of our research apparatus. Still, they may not answer all the questions. Hence the temptation to draw more definite conclusions from the data of these stubborn sources than those for which there are grounds, and as a result – lots of errors in the interpretation of these sources' [26].

Bloch's research contains valuable observations about the ways of land development, the shortages of human resources at the turn of the XIII-XIV centuries, the impossibility of endless transformation of forests and wastelands into arable land, the economic role of forests, the evolution of land ownership. He notes that bread 'occupied most of the cultivated land. There was not a single village or farm that did not set aside its best fields for grain. Bread was cultivated even in those districts where nature seemed to prevent it: on the harsh Alpine slopes, on the continuously rain-drenched lands of the West and center, which did not absorb moisture well and which today seem to us intended exclusively for pastures' [27].

At the same time, since the XIII century, 'occasionally there are areas almost completely devoted to vineyards. This is due to the fact that wine, among other

products, was considered a very valuable commodity, convenient for transportation and sale in areas where it was not produced at all due to natural conditions, or was of very poor quality' [28]. 'Grain crops,' notes Bloch, 'predominating almost everywhere, did not, however, occupy all the land. There were some additional cultures around them. Some of them, such as some forage plants, especially vetch, and sometimes peas and beans, alternated with grain in the same fields' [29].

Bloch establishes *the relationship between agricultural regulations and the principles of social organization*: 'Let's start with the most unequivocal and consistent of all agricultural regulations: extended and mandatory open fields. Let's imagine a rural settlement, usually quite significant. This system is not at all incompatible with small group settlements! (*especially, in areas of recent ploughing*); it seems to be associated from the very beginning with a large rather than a small village. Around the houses – always surrounded by hedges gardens and vegetable gardens' [30].

Then Bloch turns to wide open arable fields: 'The boundaries between individual parcels, and often between separate groups of parcels, are at most a few boundary posts dug into the ground, sometimes an uncultivated furrow, and even more often borders exist only in the imagination – a very dangerous temptation for those whom the peasants emphatically called "furrow eaters" (*mangeurs de raies*)' [31].

Gradually, the field could increase significantly due to furrows that protrude slightly beyond the legal border. Bloch cites a popular legend about the parcel, the size of which has increased for over 60 years by more than a third in such way [32]. Nevertheless, 'the boundaries between individual possessions, although not marked, still existed. Their lines formed a strange double pattern' [33]. The described system, according to Bloch, was supplemented by 'two customs that touched the very depths of agricultural life: forced crop rotation and mandatory grazing' [34].

'Such an order,' Bloch believes, 'could only have arisen in conditions of great social cohesion and a pronounced communal worldview. First of all, the earth itself was a collective creation. There can be no doubt that individual cartiers were formed gradually, as the development of uncultivated land went on' [35]. In his opinion, the powerful influence of the collective was also felt in many other customs: 'nothing is more characteristic of long field than the right to collect straw (*droit d'eteule*); on the stubble, cattle was not allowed immediately; at first people collected straw (*in this sense one should realize the term droit d'eteule*), which was used for roofing, bedding for livestock, and sometimes for heating of hotbeds; the straw was collected on arable land, with no respect to boundaries, and that right was so honored, that the farmer was not allowed to act against it by cutting off the ears too close to the soil. The scythe is intended for meadows; on sown arable land, only a high-cutting sickle was allowed – parliaments were following this very closely in the eighteenth century. Consequently, in the numerous localities (*usually, with long fields*) where this easement was carried out, the crop did not belong entirely to the owner of the land: the ear went to him, the straw to everyone' [36].

Bloch concludes that the poor and rich participated in the use of communal easements, but not equally: 'Usually, each resident, no matter how small his land plot was, had the right to send several heads of cattle to the common herd, but the number of animals that any farmer could send to the common herd in excess of this minimum, recognized for everyone, was proportional to the size of the area he cultivated. Rural society consisted of classes that were sharply differentiated. However, the rich, as well as the poor, obeyed the traditional law of their group, which was the guardian of both a certain social balance and the relationship between various forms of land cultivation' [37].

There was also *an organization of open fields of irregular shape*: 'Let's imagine arable land devoid of hedges, similar in this respect to those already described. However, parcels are not long and narrow stripes, systematically grouped in a cartier of the same direction, but have a different shape, whereas the difference between length and width is small. Scattered as is, they are in a more or less bizarre mess' [38]. 'Basically,' admits Bloch 'this system was not a system of individualism at all. Its old forms included compulsory collective grazing (*in the legal language of the South it was called compascuite*) with all the natural consequences that followed: the prohibition of fences and, obviously, a certain unity of crop rotation. But these easements disappeared here – we will be able to see this - faster than in the areas of long fields' [39].

According to Bloch, the direct reason for the contrast between the two types of fields is 'the opposite of two types of agricultural machinery': 'Two types of ploughing tools divided ancient France. Similar in most of their features (*which in both types gradually became more complex as the single point of the primitive era was replaced by the double action of the cutter and the coulter, and the blade was attached to the cutting parts*), these tools, however, were radically different from each other. The first type is devoid of a movable front, and the animals simply drag it across the field, the second type is equipped with two wheels' [40]. A wheeled plough allowed for an equal team to loosen the ground much deeper than with a wheelless plough, but because of the wheels, this plough requires some space to turn. 'Turning after a furrow was a big problem both technically and legally in the areas of the wheel plough. This led to numerous lawsuits. The wheelless plow, on the contrary, brought the shape of the fields closer to the square, which allowed to vary the direction of the furrows and even cross them', explains Bloch [41].

Bloch rejected attempts of German historians to explain the opposite of various agrarian regulations using the concept of 'race' or 'people's spirit' (*Volksgeist*). He prefers to talk about 'types of civilization' and in this regard notes: 'just as language phenomena are not easily grouped into dialects (*the boundaries of various linguistic features do not exactly coincide with each other*), so the phenomena of agricultural life cannot be enclosed in such geographical frameworks that would be strictly the same for all categories of related phenomena' [42].

Bloch considers it possible to distinguish in France *three main types of agricultural civilization*, closely related to both natural conditions and the history of society. First of all, this type is common in areas of poor soil and poor land development, that is, *a system of fenced fields*. Then there are two types of agricultural civilization – “Northern” and “Southern”, which are characterized by more dense development of land and collective impact on arable land, that allowed ensuring a balance between arable land and pasture. As a result, both types did not have fences. The “Northern” type was characterized by a heavy wheeled plough and a particularly strong community cohesion; its outward sign was the widespread lengthening of fields and grouping them in parallel rows, as well as three fields. The “Southern” type combined fidelity to the ancient wheelless plough and the double-field; but it was characterized by a less strong communal spirit in land development and in agricultural life itself. Eventually, these ‘such sharp contrasts in the organization and way of thinking of old rural societies had a great impact on the development of the country as a whole’ ^[43].

In other chapters of his capital work, Bloch examines such topical issues as the history of the seignior, the history of the peasantry, the birth of capitalism in agriculture, the remnants of communal orders and the fate of large and small land ownership in Modern times. Detailed coverage of these subjects in a short article would be inappropriate, since it is important to first pay special attention to the methodological principles and attitudes characteristic of Bloch.

It should be noted that “Characteristic features of French agrarian history” has received recognition in both Western and Soviet historiography. For example, Febvre said: ‘During his lifetime, Mark Bloch had a firm intention to reissue it, he repeatedly told me about it. But he wasn't going to just reproduce his original text without changes. He knew better than anyone that a historian cannot stop time, and that even the best historical work must be revised in twenty years; otherwise, the historian did not achieve his goal without arousing a desire to check his main points and clarify them, to surpass his most daring concepts. Mark Bloch didn't have time to redo his big book the way he wanted. However, would he really have changed it?’ ^[44]. Knowing his friend and colleague well, Febvre suggests that, most likely, Bloch would prefer not to redo the manuscript of his work, but to start writing a new book.

A.D. Lublinskaya admits that Bloch's book was an epoch, because in ‘a time of extreme fascination with narrow local topics, the author ventured to review the agrarian system of the entire country’ and provided it against a broad comparative background of European feudalism as a whole, using the richest factual material for this purpose’ ^[45]. She believes that the main advantage of Bloch's book is ‘in his persistent desire to understand the essence of the studied problems, in a new approach to them’ ^[46]. According to A.D. Lublinskaya, ‘in many cases, Bloch was able to wittily note and explain important features of French agrarian history’ ^[47]. However, she notes that Bloch ‘did not have a complete concept of the problem’. It always seemed to him that he could not get to the bottom of the matter because of ‘the lack of elaboration of this or that

issue. Of course, in some cases, this lack of development did put serious obstacles in his way. But the main reason was something else: the limitations of the historical worldview of Bloch' ^[48].

Modern researchers, including A.N. Demyanenko, L.A. Dyatlova and V.N. Ukrainsky, note the contribution of Bloch to the development of spatial economy and emphasize that the ideas and views of the outstanding French historian are particularly relevant in Russia, which is implementing agricultural reform ^[49].

A special place in the scientific heritage of Bloch is occupied by the fundamental monograph "*Feudal society*" (1939-1940), which became the quintessence of his views on feudalism. Undoubtedly, this work retains its methodological value.

The term «*feudalism*» introduced by the Earl Boulainville according to Bloch 'is not entirely successful'. Boulainville and Montesquieu believed that 'the most striking feature of the middle ages seemed to be the fragmentation of power, divided between small princes and even rural lords. It seemed to them that the word "feudalism" expressed this particular feature. When they spoke of a feudatory, they meant either a land allotment or the power of a seigneur. But in fact, the power of the seigneur was not always associated with feudatory, and not all feudatories became principalities or seigniories' ^[50]. In this regard, Bloch notes that 'words are akin to coins: when they come into use, they are erased and lose their original meaning. In modern usage, "feudal" and "feudalism" denote a certain unity of the most heterogeneous phenomena, among which the feudatory is by no means paramount. Considering these names only labels on boxes whose contents are to be determined, the historian is entitled to use them without the slightest compunction, just as a physicist uses the word "atom" without feeling its Greek basis and doing his best to split it' ^[51].

Bloch also asks another important question: 'did social systems similar in their basic features to our Western feudalism exist in other times and in other countries, and, therefore, deserving the same name?' ^[52].

Finally Bloch notes that the need for the term "feudalism" speaks of 'the unquestionably perceived specificity of the period to which it belongs. Therefore, a book about feudal society can be considered an attempt to solve the problem presented in its title: what features this fragment of the past isolates it from its surroundings? In other words, this book is an attempt to analyze and explain a certain social structure and its connections. If the method works, one can use it to study other periods and other regions' ^[53].

Speaking about the formation of relations of dependence, Bloch states that feudalism was born 'in difficult and troubled times'. 'The troubles partly created it. And in part, the troubles themselves were caused by causes that had nothing to do with the internal evolution of European societies. The new Western civilization, which had been formed two centuries ago during the turbulent period of the German invasions, was at this time "a fortress under siege, or rather already half-conquered". It was besieged at

once from three sides: in the South by the Arabs or their subordinate peoples, committed to Islam, in the East – by the Hungarians, in the North – by the Scandinavians’ [54].

Describing cornerstones of early feudalism, Bloch formulates an important methodological principle: the structure of institutions governing society can only be truly explained by knowing its human environment as a whole. The illusory work that we do in transforming a creature of flesh and blood into various phantoms, such as homo oeconomicus, philosophicus, and judicus, is only useful to the extent that we do not succumb to its temptations’. [55] The historian concludes: ‘the Analysis of Economics or Psychology, the end points, from the point of view of research, otherwise oriented - the starting point for the historian of social structure’ [56].

According to Bloch, it would be a mistake to consider “feudal civilization” as something integral in time. He distinguishes between two “feudal” periods and tries to identify both common features and differences in these two phases [57].

The first feudal period is characterized by: ‘negligible density of the European population’, which also declined due to “uneven distribution” [58]; low grain yields (*on ‘finely ploughed’ and ‘poorly watered fields, the ears were thin and grew sparsely’*) [59]; primitive communication system ‘between dispersed groups of people’ (*ancient Roman roads were destroyed, ‘because they were not supported’*) [60]; anemic trade, ‘concentrated in a very thin network’, as well as scarce for trade with the East [61]; coin famine (*Bloch rejects the terms “natural economy” and “closed economy”*) [62]; the low role of wages due to the sluggishness of trade and monetary circulation, as well as the remuneration of employees with “grub” or a plot of land [63].

The second feudal period was marked not so much by the ‘disappearance of the old conditions as by their softening’ [64]: demographic growth is observed as well as “convergence of human groups” [65]; influential forces consolidated (*urban bourgeoisie, kings and dukes interested in the prosperity of trade*) [66]; protection of communications increased [67]; the nature of trade between the West and the East changed (*the West turned into a supplier of Handicrafts*) [68]; the minting of large silver coins, heavier than the denarius initiated [69]; there is a wider spread of mercenary labor [70]; a revaluation of social values began (*the class of artisans and merchants was firmly established in urban life*) [71], etc.

Being one of the first Bloch studies the attitude of medieval man to nature and time. According to him, ‘the man of both feudal periods stood much closer than we do to nature, which, in turn, was much less ordered and cleaned up’ [72]. Bloch highlights the harsh living conditions and various “bodily miseries” of medieval man. At the same time, he draws attention to the limitations of research tools: ‘it is very naive to try to understand people without knowing how they felt. But the data of the texts and, more importantly, the lack of precision of our research methods hopelessly limit us’ [73].

One of the consequences of harsh natural conditions was *high mortality*, especially among children: ‘very high infant mortality in feudal Europe blunted

feelings... As for the life of adults, even regardless of the influence of war, it was on average relatively short, at least if judged by crowned heads' [74]. Premature deaths were the result of epidemics and famine: 'combined with everyday violence, these catastrophes gave existence a permanent taste of mortality. This was probably one of the main reasons for the instability of feelings that was so characteristic of the psychology of the feudal era, especially in its first period' [75].

Bloch notes the high susceptibility of medieval people to "*supernatural phenomena*", which made them "follow with almost painful attention all kinds of signs, dreams and hallucinations... No psychoanalyst has ever delved into his dreams with such passion as the monks of the tenth or eleventh century. But the laity also contributed to the emotionality of civilization' [76]. Thus, 'the picture of the fate of man and the universe, which they drew for themselves, almost completely fit within the framework of Christian theology and eschatology of the Western sense' [77].

Collective intellectual baggage of the medieval era according to Bloch was dominated by *history*: 'in feudal society, much stimulated interest in the past. In religion sacred books were historical; religious holidays were memories of certain events, the most popular forms fueled the legends of the ancient saints; finally, claiming that humanity is close to destruction, religion eliminated the illusion that motivate in times of great hopes only interested in the present or the future' [78]. Although historical works written in Latin were available only to rather narrow elite, and 'the main historical books for those who could not read, but loved to listen, were epic stories in folk languages' [79].

Special attention should be paid to Bloch's arguments about the content and nature of the *intellectual Renaissance* in the second feudal period. He admits that the intellectual revolution was not total, yet the second feudal period has some new intellectual features: an abundance of translations of works by Greek and especially Arabic authors; the emergence of centers of a new culture (*Bologna, Chartres, Paris*) [80]; Gothic art as an example of exporting aesthetic forms; huge advances in education 'both in terms of level and prevalence in various social strata' [81]; the widespread emergence of literature in folk languages [82]; the emergence of new poetic forms (*novels, short lyric poems*) [83]; the growth of self-awareness associated with the great religious awakening (*Gregorian reform*) [84] and others.

Of certain interest are those chapters of «Feudal society» that deal with the relations between people in that era (*family solidarity, kinship relations*), as well as vassalage and feudatory (*the origin of personal dependence relations, household warriors, the formation of classical vassalage, benefices and feudal relations, relations of dependence in the lower classes*), etc. While analyzing these issues, Bloch makes extensive use of the comparative method to show the similarities and features of the same phenomena in France, Italy, Germany, England, etc.

The second volume of "Feudal society" focuses on the emergence of classes and the formation of systemically important institutions of government. Of particular scientific and methodological value are the chapters in which Bloch discusses the feudal system as a special type of social structure. He begins by listing what the feudal society did not have: 'there were no kindred clans as the basis of society. Family ties continued to play a significant role, but they were not the main ones. Feudal ties, in fact, arose precisely because blood ties weakened. The concept of state power remained, it was perceived as dominating many small authorities, but the state was extremely weakened and could not perform its functions, in particular, the functions of protection' [85]. At the same time one cannot argue that 'the feudal society was sharply different from a society built on kinship ties, or from a society governed by the state' Bloch adds, 'it was formed by such societies, and naturally retained their imprint' [86].

European feudalism, therefore, is 'the result of the collapse of older societies'. As a consequence of the German tribes incursions 'there was a forced combination of two societies located at different stages of development. The structures of both societies were destroyed, and the social habits and ways of thinking of ancient times reappeared on the surface. Feudalism was finally formed in the atmosphere of the last barbarian attacks. This society is characterized by a slowdown in social life, almost complete atrophy of monetary exchange, which made it impossible to function as a paid official, and the switching of consciousness to the sensory perception of the immediate close' [87].

Bloch continues his thought: 'Feudal society was a society of inequality rather than a society of hierarchy, a society of masters rather than aristocrats, of serfs rather than slaves. If slavery had continued to play a significant role in it, there would have been no form of actual feudal dependence as applied to the lower classes'. [88]. Meanwhile, the feudal regime implied the subjugation of many poor people to a small number of "haves": 'Having inherited the rudimentary seignoria in the form of villas from the Roman world, and the institute of elders from the German villages, this regime strengthened and expanded the exploitation of man by man, tightly linking the right to have income from land with the right to manage, as a result of which there were real seignoria. To the benefits of the oligarchy of the prelates and monks, obliged to seek the favor of heavenly forces. And most importantly, to the benefits of the military oligarchy' [89].

Based on the results of a comparative analysis of various European states, Bloch identifies a number of distinctive features of feudal society, among which – 'almost complete combination of the class of lords-seignoria with the class of professional soldiers, heavily armed knights on horseback' [90], as well as 'close connection of the subordinate with his immediate master' [91]. However, it was important to define the rights of the recipient of land for service: 'the solution to this problem is another original feature of Western feudalism, and perhaps even the most original. If the

servants of the Slavic princes received land as a gift from them, then the French vassals, after a certain period of uncertainty, began to receive them for life' [92].

Bloch concludes that 'feudal Europe has never been entirely feudal'. He argues that 'feudalism affected the countries in which we can observe it, to different degrees and existed in them at different times, none of the countries was completely feudalized. In no country has the rural population fallen entirely into a personal, inherited dependency. Almost everywhere – in one area more, in another less – preserved Allods, large or small. The concept of the state never disappeared, and where the state retained at least some power, people continued to call themselves free in the old sense of the word' [93].

At the end of the work Bloch again lists the main features of European feudalism: 'the dependence of the peasants; for lack of opportunities to pay for labor with money, remuneration for service with land, which, in essence, is a feudatory; the superiority of the warrior-knight class; the relationship of obedience and patronage that binds man to man in the military class, being a vassal relationship in the purest form; the dispersion of power that triggers turmoil; co-existence with other social structures in a weakened form: the state and kinship relations (*in the second period of feudalism, the state is again gaining strength*)' [94]. At the same time, Bloch comes to the fundamentally important conclusion that feudalism 'was not a phenomenon that arose only once in the world' [95].

The peak of Bloch's scientific research was his unfinished book "*Apology of history or the craft of the historian*" (1941-1942), which he created during the German occupation. Dedicating the main work of his life to his friend and colleague Lucien Febvre, Bloch wrote: 'Now, as I write this, our common cause is exposed to many dangers. It is not our fault. We are temporarily defeated by an unfair fate. Nevertheless, I am sure that the day will come when our cooperation will be able to fully resume, as in the past, openly and, as in the past, freely' [96].

In my opinion, "*Apology of history*" is not a strictly scientific monograph, but rather a book-essay, a book-reflection, a book-confession, a book-program. This is an attempt to explain why history is needed and what its place is in the conditions of the XX century. It is no accident that Bloch speaks about the crisis of scientific knowledge, about the revolution in physics and other natural sciences, etc. In this context, "*Apology of history*" is an attempt to justify the ways out of historical science from the methodological crisis, an attempt to rethink the scientific tools of a professional historian.

Bloch begins his arguments with a question asked by a young boy to his father, a historian: 'Dad, explain to me why history is needed?' [97]. According to Bloch, the problem posed 'with the baffling directness of childhood is neither more nor less – the problem of expediency, justification of historical science' [98]. Moreover, this problem

'affects our entire civilization' [99], since European civilization 'always expected a lot from its memory' [100].

Bloch constitutes that 'even if we consider that the story is not suitable for anything else, we should still say in its defense that it is fascinating' [101]. He believes that 'the undeniable charm of history is worthy of attracting our attention in itself' [102], and the charm of history 'does not fade when one undertakes methodical research with all the necessary rigor; then, on the contrary, – all true historians can confirm this – the pleasure becomes even more vivid and complete; there is absolutely nothing here that does not deserve the most intense mental work. History, however, has its own aesthetic joys' [103].

However, aesthetic justification alone is not enough: 'the endless details of historical erudition, capable of absorbing a whole life, should be condemned as absurd, almost criminal waste, if the result is only to embellish with crumbs of truth one of our amusements. Either we should recommend that people whose mental abilities can be more usefully applied in another field should not study history, or let history prove its scientific validity' [104].

Then Bloch clarifies: 'I hope that no one today will dare to assert, along with the strictest positivists, that the value of research – in any subject and for any subject – is measured by how much it can be practically used. Experience has taught us that it is not possible to decide in advance – the most abstract, at first glance, mental speculation may one day be surprisingly useful for practice' [105]. The problem of the usefulness of history 'should not be confused with the problem of its purely intellectual justification' [106].

History is 'not only a science in development. It is a science that survives childhood – like all sciences which subject is the human spirit, this belated guest in the field of rational knowledge' – an interesting generalization from French historian [107]. Bloch notes that sociologists of the Durkheim school have assigned a certain place to the word "history" – 'only further away, in a pitiful corner of the human sciences; something like a basement, where sociologists, reserving for their science everything that, in their opinion, can be rationally analyzed, dump the facts of human life that seem to them the most superficial and arbitrary' [108]. At the same time he also endorsed the Durkheim school: 'our science owes a lot to it. It has taught us to analyze more deeply, to limit problems more strictly, I would even say, to think less simplistically. We will speak of it here only with infinite gratitude and respect. And if today it already seems to be surpassed, then it is, sooner or later, the reckoning for all intellectual trends for their fruitfulness' [109].

Bloch concludes that 'we are now better prepared for the idea that a certain field of knowledge – where Euclidean proofs or unchangeable laws of repeatability do not have force - is, nevertheless, entitled to be scientific' [110]. In sum, Bloch believes that it is not necessary to hide the doubts of history from curious people: 'these doubts are our justification. Moreover, they give our science the freshness of youth' [111].

Scrutinizing the purpose of history Bloch reminds that the word "history" itself does not contain any credo – 'according to its original etymology, it obliges only to "research"' [112]. However, history will no longer be 'the same history that Hecataeus of Miletus wrote, just as the physics of Lord Kelvin or Langevin is not the physics of Aristotle' [113]. Bloch does not consider it necessary to give a dry and long definition of history: 'Are we the Guild Council of old to codify the kinds of work permitted to artisans?' [114]. However, he admits that 'in the face of a vast and chaotic reality, the historian is always forced to map out a site suitable for the application of his tools; then he must make a choice, which, obviously, will not coincide with the choice of the biologist, but will be the choice of the historian. This is the real problem of his activity' [115]. Bloch rejects the established definition of history as 'the science of the past'. For him, 'the idea that the past as such can be an object of science is absurd. How can we, without preliminary screening, make the subject of rational knowledge of phenomena that have only one thing in common, that they are not modern to us?' [116].

For Bloch, history is primarily *the Human Science*: 'Indeed, our great mentors, such as Michelet or Fustel de Coulanges, have long taught us this: the subject of history is Human. Let's say more precisely – People... Behind the visible outlines of the landscape, tools or machines, behind the most seemingly dry documents and institutions, history wants to see people. Those who have not learned this can, at most, become a handyman of erudition. A real historian is like a fairy-tale Ogre. Where there is a smell of human flesh, there, he knows, his prey is waiting for him' [117].

Bloch is convinced that history is not just a science about people, it is a science 'about people in time' [118], and for the natural sciences, time is a measure, while 'the time of history is a plasma in which phenomena float, it is like a medium in which they can be understood' [119]. According to Bloch, 'no historian will be satisfied with stating the fact that Caesar spent 8 years on the conquest of Gallia; that it took 15 years for Luther, an Erfurt Orthodox novice, to become a Wittenberg reformer. It is much more important for the historian to establish a specific chronological place for the conquest of Gallia in the destinies of European societies [120]. In the same fashion, historian will dare to describe Luther's spiritual crisis only after 'he has accurately determined this moment in the fate of the man himself, the hero of the incident, and the civilization that was the environment for such a crisis' [121]. 'This is a real time,' argues Bloch, 'a sort of continuum by its nature. It is also an incessant change. From the antithesis of these two attributes the great problems of historical research arise' [122].

As A.G. Podlevskikh notes, the epistemology of "Annales" is characterized by attention to the identification and formulation of problems [123]. Realizing a thin line between 'modern' and 'non-modern', Bloch distinguishes two ways of knowledge: 1) to understand the present with the help of the past (*for example, without knowledge of ancient history, it is impossible to explain the strange shapes of fields in the North of France*) [124]; 2) understand the past with the help of the present. 'Indeed,' writes Bloch, 'it would be a

serious error to assume that the order adopted by historians in their research must correspond to the order of events. Provided that history is then restored in its actual course, it is sometimes more profitable for historians to begin reading it, as Matland stated, 'in reverse'. Since it is natural for all research to be conducted from the more known to the more obscure' [125]. At the same time, every science is determined not only by its subject, but also by its inherent methods: 'It remains to be asked whether we should not adhere to radically different techniques of research, depending on whether we are approaching or moving away from the present moment. This is the problem of historical observation' [126].

Bloch acknowledges that quite often, the historian has to deal with *indirect supervision*: 'No Egyptologist has ever seen Ramses. No expert on the Napoleonic wars has ever heard the guns of Austerlitz' [127]. But many traces of the past are accessible to direct perception, for example, a huge amount of written and non-written evidence [128]. Thus, it is not true that the historian 'is doomed to learn about what is being done in his laboratory only from other people's words. Indeed, he appears only when the experiment is complete. But if the conditions are favorable, the result of the experiment is probably a precipitate that can be seen with your own eyes' [129]. At the same time, 'texts or archaeological finds, outwardly even the most clear and pliable, speak only when you know how to ask them. Flint tools abounded in the sediments of the Somme both before and after the Boucher de Pert. But there was no man who could ask, and there was no prehistoric time' [130].

Bloch divides all the historical sources (*testimonies*) into the three main types of:

- *unintentional evidence* is not intended to create a certain opinion among future historians [131]. For example, the formulas of the Egyptian papyri were created only 'to be read by the soul in danger and listened to by the gods alone' [132];

- *intentional testimonies* or, in other words, narrative sources, on the contrary, are 'stories deliberately intended to inform the reader' [133];

- *fakes* are intended to misinform their recipients, but misinformation 'is not intended specifically to deceive posterity' [134]. It is important though to distinguish between intentional inaccuracies and unintentional deception. However 'it is not enough to state the deception, it is still necessary to reveal its motives' [135]. In addition, 'a direct lie as such is also a kind of evidence. If we prove that the famous diploma of Charlemagne granted to the Church in Aachen is a forgery, we will get rid of the delusion, but we will not acquire any new knowledge. But if we can establish that the forgery was composed in the company of Friedrich Barbarossa and was intended to serve the great Imperial dreams, we will be able to take a new look at the vast historical horizons that have opened up before us» [136].

Bloch raises another important question concerning every historian: '*To judge or to understand?*'. Ranke's formula, according to which the task of the historian is only to describe events 'as they occurred', sounds ambiguous: 'it can be modestly deducted just the advice to be honest – this is undoubtedly the meaning put in it by Ranke. But also –

there is an advice to be passive. And we are faced with two problems at once: the problem of historical impartiality and the problem of historical science as an attempt to reproduce history (or as an attempt to analyze it)»^[137].

According to Bloch, there are two ways to be impartial – as a scientist and as a judge: ‘They have a common basis-conscientious submission to the truth’ [138], but there comes a time when their paths diverge: ‘If the scientist made an observation and gave an explanation, his task is completed. The judge has yet to pass judgment. If, after suppressing personal sympathies, he has passed it in accordance with the law, he considers himself impartial. And indeed it will be, according to the judges. But not for scientists. Since it is impossible to condemn or justify without being based on some scale of values that is no longer connected with any positive science. That one man killed another is a fact that can be proved. But to punish the killer, we must proceed from the thesis that murder is guilt, and this is in fact just an opinion about which not all civilizations were unanimous’^[139]. The historian ‘has long been reputed to be a judge of the underworld, bound to praise or stigmatize fallen heroes’ [140]. As a result, ‘the habit of judging eventually discourages the desire to explain’ [141].

‘Even while acting,’ Bloch admits ‘we too often condemn. It’s so easy to yell “To the gallows!”. We always don’t understand enough. Anyone who differs from us - a foreigner, a political opponent - is almost inevitably considered a bad person. We need to better understand the human soul, if only to fight the inevitable battles, and even more so to avoid them while there is still time’^[142].

Human nature should also be taken into account when it comes to historical time: ‘We are too willing to keep track of the centuries’ states Bloch [143]. However, in history, ‘there is no law according to which the years that end with the number 01 must coincide with critical points in the evolution of mankind’ [144]. Therefore he suggests: ‘Let’s not worship an idol of imaginary accuracy’^[145].

For Bloch the division into *generations* is more acceptable: ‘People born in the same social environment and about the same age are inevitably exposed, especially during their formation, to similar influences’ [146]. The boundaries of generations ‘are narrowing, then moving apart, depending on the more or less fast pace of the social movement. There have been long and short generations in the history’^[147]. However, generation is ‘a relatively short phase. The longer phases are called civilizations’ [148]. At the same time, Bloch admits, it is already difficult to talk about civilization ‘as a kind of ideal’, we have to state that there are ‘uncivilized civilizations’ [149]. In general, we can say that history is a process of changing civilizations.

Finally, Bloch draws a conclusion that ‘human time will always resist the strict uniformity and rigid division into segments that are characteristic of clocks. It needs units of measurement that are consistent with its own rhythm and defined by boundaries that are often – because reality demands it – border zones. Only with this

flexibility can history hope to adapt its classifications to 'the contours of reality itself', as Bergson put it, and this is, in fact, the ultimate goal of all science' [150].

Conclusion. Fundamental historical and theoretical works of Marc Bloch were included in the Hall of Fame of world history science. As M.I. Matyushevskaya notes, "Apology of history" was the response of non-classical science to the 'challenge' posed at the end of the XIX century by European historians-positivists (*L. Ranke, B. G. Niebuhr, J.-G. Droysen, E. Bernheim, S.-V. Langlois, S. Senobos, F. de Coulange, etc.*) [151]. In my opinion, the answers offered by Bloch to actual questions of historical knowledge are not exhaustive. Moreover, some of his ideas are quite controversial. It is not coincidental that representatives of the next generations of the "Annales" school sometimes distanced themselves from the views of Bloch (*this is convincingly stated in the work of N.V. Trubnikova*) [152]. Nevertheless, his scientific ideas contributed to the maturation of new theoretical and methodological approaches, as well as increased researchers' attention to socio-economic history, historical comparative studies, historical anthropology, spatial economic geography, collective psychology, and the history of mentalities [153] etc. The very fact of lively discussions about the significance of the Bloch's heritage proves that his works have not lost their scientific value and relevance. In conclusion, it should also be noted that Marc Bloch was an amazingly whole person, for whom the gap between theory and practice, word and deed, personal beliefs and real actions was unthinkable.

List of references

1. Bloch M. *The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England* / translated from French by V. A. Milchina. Preface by J.Le Goff. Scientific ed. and afterword by A.Ya. Gurevich. - Moscow: School «Languages of Russian culture», 1998. - p.14. (total-712 p.)
2. Bloch M. *The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England* / translated from French by V. A. Milchina. Preface by J.Le Goff. Scientific ed. and afterword by A.Ya. Gurevich. - Moscow: School «Languages of Russian culture», 1998. - p.17-18.
3. Bloch M. *The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England* / translated from French by V. A. Milchina. Preface by J.Le Goff. Scientific ed. and afterword by A.Ya. Gurevich. - Moscow: School «Languages of Russian culture», 1998. - p.19.
4. Bloch M. *The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England* / translated from French by V. A. Milchina. Preface by J.Le Goff. Scientific ed. and afterword by A.Ya. Gurevich. - Moscow: School «Languages of Russian culture», 1998. - p.20.
5. Bloch M. *The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England* / translated from French by V. A. Milchina. Preface by J.Le Goff. Scientific ed. and

afterword by A.Ya. Gurevich. - Moscow: School «Languages of Russian culture», 1998. - p. 94.

6. Bloch M. *The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England* / translated from French by V. A. Milchina. Preface by J.Le Goff. Scientific ed. and afterword by A.Ya. Gurevich. - Moscow: School «Languages of Russian culture», 1998. - p.88.

7. Bloch M. *The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England* / translated from French by V. A. Milchina. Preface by J.Le Goff. Scientific ed. and afterword by A.Ya. Gurevich. - Moscow: School «Languages of Russian culture», 1998. - p.578.

8. Bloch M. *The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England* / translated from French by V. A. Milchina. Preface by J.Le Goff. Scientific ed. and afterword by A.Ya. Gurevich. - Moscow: School «Languages of Russian culture», 1998. - p.53.

9. Bloch M. *The Royal Touch: Monarchy and Miracles in France and England* / translated from French by V. A. Milchina. Preface by J.Le Goff. Scientific ed. and afterword by A.Ya. Gurevich. - Moscow: School «Languages of Russian culture», 1998. - p.94.

10. Gurevich A. Ya. *Historical synthesis and the school of «Annales»*. - Moscow: Indrik, 1993. - p.91 (total-327 p.)

11. Khromova E. B. *Remembering Mark Bloch // Bulletin of the Perm national research Polytechnic University. Culture, history, philosophy, law. - 2015. – No.1. - p.32. (total-p.24-32.*

12. Pimenova L. A. *Annals of Economics. Societies. Civilizations // Thesis. - 1993. - No.1. – p.203 (total-p.203-213.)*

13. Trubnikova N. V. «*Annals of economic and social history*»: evolution of the research paradigm // *Proceedings of Tomsk Polytechnic University. Economy. Philosophy, sociology, and cultural studies. - 2010. - Vol. 317. - No.6. - p.179 (total: p.179-181).*

14. Vasiliev Yu. A. «*Crisis of history*» - the crisis of understanding history // *Knowledge. Understanding. Skill. - 2006. - No.1. - p.36. (total-p.35-40).*

15. Bloch M. *Characteristic features of French agrarian history*. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.30. (total-353 p.)

16. Bloch M. *Characteristic features of French agrarian history*. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.29.

17. Bloch M. *Characteristic features of French agrarian history*. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.29-30.

-
18. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.30.
 19. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.30.
 20. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.31.
 21. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.32.
 22. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.32.
 23. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.32.
 24. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.34.
 25. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.35.
 26. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.35.
 27. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.63.
 28. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.64.
 29. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.65.
 30. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.78.

31. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.79.
32. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.80.
33. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.80.
34. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.82.
35. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.87.
36. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.89.
37. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.90.
38. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.90-91.
39. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.91-92.
40. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.95.
41. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.103.
42. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.104.
43. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.23.

-
44. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.6.
45. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. - p.6.
46. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -p.6.
47. Bloch M. Characteristic features of French agrarian history. Translated from the French by I.I. Frolova. Editorial and Preface by prof. A.D. Lublinskaya. - Moscow: publishing house of foreign literature, 1957. -, p.21.
48. Demyanenko A.N., Dyatlova L.A., Ukrainskii V.N. School «Annales» and its contribution to the study of economic space // Oykumena. - 2011. - No.3. - p.55-72.
49. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-- p.6. (total - 504 s.)
50. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.6.
51. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.7.
52. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.9.
53. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.12.
54. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.64.
55. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.64.
56. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.65.
57. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.66.
58. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.66.
59. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.67.
60. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-71.
-

-
61. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-72.
 62. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.74.
 63. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.77.
 64. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.75.
 65. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.75.
 66. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.75.
 67. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.75.
 68. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.76-77.
 69. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.77.
 70. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.77.
 71. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.77.
 72. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.78.
 73. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.78.
 74. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.78.
 75. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.79.
 76. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.87.
 77. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.93.
 78. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.97.
 79. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.108.
 80. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.108.
-

-
81. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.109.
 82. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.110.
 83. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.111.
 84. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .- p.431.
 85. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.431.
 86. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.431.
 87. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.431.
 88. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.431-432.
 89. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.432.
 90. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.432.
 91. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.433.
 92. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.433.
 93. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.434.
 94. Bloch M. Feudal society. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova. - M.: Publishing House named after Sabashnikovs, 2003 .-p.434.
 95. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.5. (total-254 p.)
 96. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.6.
 97. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.6.
 98. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.6.

-
99. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.6.
 100. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.7.
 101. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.8.
 102. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.8.
 103. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.8.
 104. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.9.
 105. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.10.
 106. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.11.
 107. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.15.
 108. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.12.
 109. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.14.
 110. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.14.
 111. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.15.

-
112. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.15.
 113. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.15-16.
 114. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.16.
 115. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.16.
 116. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.17-18.
 117. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.18.
 118. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.18-19.
 119. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.19.
 120. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.19.
 121. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. Translated by Ye.M. Lysenko. Notes and article by A.Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.19.
 122. Podlevskikh L. G. Epistemology of the Annales: at the crossroads of ideas //Bulletin of Vyatka University for the Humanities. – 2011. – № 2(4). – p.31 (total p.30-32).
 123. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.25.
 124. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.28.

-
125. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.29.
 126. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.30.
 127. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.32.
 128. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.33.
 129. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.38.
 130. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.37.
 131. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.36.
 132. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.37.
 133. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.37.
 134. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.54.
 135. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.54.
 136. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.79.
 137. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.79.

-
138. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.79.
 139. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.79.
 140. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.80.
 141. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.802
 142. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.102.
 143. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.103.
 144. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.104.
 145. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.104.
 146. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.105.
 147. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.106.
 148. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.106.
 149. Bloch M. «Apology of history or craft of the historian». Second edition, updated. translated by E. M. Lysenko. Notes and article by A. Ya. Gurevich. - Moscow: «Nauka» publishing House, 1986. - p.107.
 150. Matyushevskaya M.I. «Apology of history» by M. Bloch in the context of a paradigm shift in historical science of the 20th - early 21st centuries // Uchenye Zapiski UShVGU named after P.M. Masherova. - 2015. - T. 20. - p.67. (total: pp.67-74.)

151. Trubnikova N.V. Mark Bloch: the image of the ideal historian and the challenges of modern France // Bulletin of Tomsk State University. Series: History. Local history. Ethnology. Archeology. - 2004. - No.281. - p.190-195.
152. Galkova O.V., Petrova I.A. The concept of mentality of M. Bloch // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. - 2016. - No.9-10. - p.174-180; Shenkao M.A. Mentality in the mirror of the «Annales» // Scientific sheets. Philosophy Series. Sociology. Right. - 2010. - No.20 (91). - p.45-54 and others.

UDC 93

LANDSCAPE OF MEDIEVAL EUROPE: RESEARCHER ABOUT THE ROLE OF WOOD IN THE INSTITUTION OF THE RUSSIAN CULTURE AND STATE SYSTEM

M.V. Shlyupikov, M.M. Shlyupikova

Karaganda, Kazakhstan

Moscow, Russia

Abstract The study of the influence of nature, the environment, its forms and the power of influence in the development of each nation, especially in the initial stages of formation, establishment of statehood, economic development of the territory, development and consolidation of cultural patterns of behavior is highly relevant. The article presents an analysis of the historiographic heritage: the contribution of the classics of the Russian historical thought of the XIX century by S.M. Solov'ev, N.Ya. Danilevsky, V.O. Klyuchevsky, N.I. Kostomarov to the study of the forest problem and its role in Russian history. The source base of the research is the various works of Russian historians of the XIX century, dedicated to the Russian history of the medieval period and the new time, the time of the ethnogenesis of the Russian people, the formation of economic foundations, culture and Russian statehood.

The research focuses on the scientific views of the 19th century Russian historians on the influence of forests, forests, geography of space on the development of Ancient and Medieval Russia, Moscow State and Russia. The historical concepts of S.M. Solovyov, N.Ya. Danilevsky, V.O. Klyuchevsky, N.I. Kostomarov of nature influenced the nature of the Russian northeast on the formation of the Russian nationality, the development of the economy, life, culture, spiritual world, political processes, international relations. An assessment is made of the degree of forest influence, as a multifactorial phenomenon, on the dynamics and direction of social processes, the predominance of regressive or progressive tendencies of the historical movement of the Russian people and state. The authors concluded that many important aspects of the multifunctional forestry of ancient and medieval Russia were touched upon in the works of famous nineteenth-century Russian historians. Without mastering this historiographic heritage, it is impossible to start writing a full-scale Russian forest history.

Keywords: S.M. Soloviev, N.Ya. Danilevsky, V.O. Klyuchevsky, N.I. Kostomarov, historiography, Russian forest, colonization, household and mode of life, wooden architecture, applied crafts, spirituality, political institutions.

Introduction.

In the development of each nation, especially in the initial stages of formation, establishment of statehood, economic development of the territory, development and consolidation of cultural patterns of behavior, nature, the environment, its forms and power of influence have a decisive influence.

European thinkers such as I.G. Herder, G. Lessing, Sh. L. Montesquieu have long noticed this feature, tried to establish the historical relationship of man and nature. Therefore, they distinguished marine, mountain, forest, steppe peoples, peoples of the Far North, arid semi-deserts and deserts, tropical forests.

Accordingly, the environment determined the type of economic development, methods of obtaining food, social interactions and political institutions, ethical standards and aesthetic patterns, religion, law, spiritual symbols, ways of communicating with each other and others, trade, aggressiveness or defense, expansion or autarky, density or the distraction of society, the strength or weakness of kindred ties, the intensive or extensive path of the historical movement, the methods and nature of urban planning, architecture, everyday life, writing methods, literary images, weapons and military tactics and strategy, the characteristics of military units and the army as a whole, ways of its acquisition, wealth and poverty of man and state, progress or lag, stagnation of civilization.

Russia and its peoples were destined to interact, grow, "grow up", and rise civilizational in the "world of the forest". The vast sea of forest is a kind of motherly bosom of Russian civilization. This is the soil; this is the roots, water and air of the emerging state. Forest - protection, the keeper of life and freedom in times of adversity, the forest - the breadwinner, generously giving his wealth to man in the form of wood, game, mushrooms and berries, nuts, honey, furs, skins and bones of wild animals.

Forest is a mysterious world of mysterious creatures, fairy-tale heroes, full of life, energy, forming the foundations of folk culture, endowing animals and birds, all inhabitants of the forest with human features, intelligence, strength, courage, cunning, kindness and antipodes of these features: anger, treachery, greed cowardice, stupidity, hypocrisy, etc.

The forest is the best friend of a Russian person; it is shelter, fire and heat, food, clothes and shoes, household utensils, tools and crafts, weapons.

Russia is a great forest country. Huge in length, diversity, and impact on the surrounding world, the Eurasian forests were an important factor in the life of Russian people. A complex community of living, mainly plant organisms mutually creating each other and constantly interacting with soil, climate and landscape - the forest in Russian history has long been transformed from an external factor into an internal one, forming Russian statehood and types of political structure, economic life and psychology, mentality and features of religious perception of the world.

The aggressive economic expansion of man into the forest in the 20th century, which has grown into a serious environmental hazard, poses the problems of the coexistence of man and the forest, the identification of historical trends in such coexistence, and the history of forests in Russia.

An important role in the reconstruction of historical retrospective will be played by the study of historiographic heritage: the contribution of the classics of Russian

historical thought of the 19th century to the study of the forest problem and its role in Russian history.

Russian historians of the 19th century intuitively felt this interconnection of folk life and the forest, not only searched for documentary evidence, but also visually observed the remnants of this historical coexistence of the people and the forest, as conscientious scientists, to the extent of their scientific and literary talent, tried to express their basic characteristics of this "forest world".

The sources, due to the specifics of historiographic work, were the various works of Russian historians of the 19th century devoted to the Russian history of the medieval period and the new time, the time of the ethno genesis of the Russian people, the formation of economic foundations, culture and Russian statehood.

Soloviev Sergey Mikhailovich (1820-1879), the largest historian of pre-revolutionary Russia. The main work is "The History of Russia from Ancient Times" (29 vols., 1851-1879), in which, based on a huge number of historical sources, the scientist substantiated a new concept of Russian history [61]. She explained her originality by three factors: "the nature of the country" (natural and geographical features), "the nature of the tribe" (ethno cultural identity of the Russian people) and the "course of external events" (foreign policy reasons). Recognized the common features of the historical path of Russia and Western Europe and the possibility of a comparative historical research method. He proved the historical regularity and preparedness of the reforms of Peter I, their need for the country to enter the path of "Europeanization". The attachment of peasants to the land and serfdom was seen as a necessary measure, caused by the "spread" of the peasantry over the vast territory of Russia and the military needs of the state. The historical concept of the scientist had a great influence on his students (V.O. Klyuchevsky and others) and on the whole domestic historical science of the XIX century. [51].

Kostomarov Nikolai Ivanovich (1818-1885), historian, publicist, public figure, corresponding member of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences, current state adviser, author of the multi-volume publication "Russian History in the Biographies of Its Most Important Figures" [39], researcher of socio-political and economic history of Russia. Kostomarov tried not only to reveal the conditions that led to the formation of the Russian political system, but also to determine closer the very nature of this system, its relation to the life that preceded it, and its influence on the masses. To find and catch the peculiarities of the national life of parts of the Russian state was the task of his studies in history. In connection with this main idea of Kostomarov's work, he had another idea about the need to study the tribal characteristics of each part of the people and create a regional history. He introduced and persistently carried out in all his works the idea of folk history. N.I. Kostomarov was interested in Slavic mythology [41], domestic life and customs of the Russian people [40], Zemsky Cathedrals [44], the Time of Troubles of the Moscow State [42],

schism [37], Cossacks [33], Russian foreigners [38], domination of the house Romanovs before the accession to the throne of Catherine II [36].

Vasily Osipovich Klyuchevsky (1841-1911), historian, professor at Moscow University, academician of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences on Russian history and antiquities, chairman of the Imperial Society of Russian History and Antiquities, secret adviser. Candidate dissertation: "Tales of foreigners about the Moscow state" (1866) [29], master's thesis: "Old Russian lives of saints as a historical source" (1871) [19], doctoral dissertation: "Boyar Duma of Ancient Russia" (1882). In the field of scientific interest V.O. Klyuchevskogo turned out to be the economic activity of the Solovetsky Monastery (1867), new studies on the history of ancient Russian monasteries (1869), the church in relation to the mental development of ancient Russia (1870), the origin of serfdom in Russia (1885), the poll tax and the abolition of slavery (1886), the composition of the representation at the zemsky cathedrals of ancient Russia (1890). His works were published in the USSR: "Works in nine volumes. The course of Russian history" [30], "Unpublished works" [23], "Historical portraits. Figures of historical thought" [20], and the real renaissance of the historical heritage of V.O. Klyuchevsky survived at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries: "A Brief Guide on Russian History" [21], "Russian History: A Full Course of Lectures: in Three Books" [26, 27], "Aphorisms. Historical portraits and studies. Diaries" [18], "On Morality and Russian Culture" [24], "Russian History" [28], "The Complete Course of Russian History" [25], "The Course of Russian History" [22]. Of course, we were primarily interested in stories related to the influence of the natural factor, the role of the forest in Russian history.

Nikolai Yakovlevich Danilevsky (1822-1885), Russian sociologist, culturologist, naturalist, geopolitician, one of the founders of the civilizational approach to history, the ideologist of pan-Slavism. The main work of N.Ya. Danilevsky "Russia and Europe" (1869) [5-8], in which he put forward the theory of isolated, local "cultural-historical types" (civilizations) that develop like living organisms. They are in a continuous struggle with each other and with the external environment, just like biological species, they go through the stages of maturation, decrepitude and inevitable death. The course of history is expressed in the change of cultural-historical types replacing each other. Danilevsky considers the "Slavic type" most fully expressed in the Russian people to be a qualitatively new, promising from the point of view of history type. Danilevsky's research interest was manifested in his attention to the population movement in Russia [10], the climate of the Vologda province (Danilevsky, 1853), Darwinism [3], and other political and economic problems [9].

In general, the source study base is sufficient to solve the tasks. The study is based on the general methodological principles of historical knowledge - historicism, scientific credibility, systematicity and objectivity. The method of structural-functional analysis was also used. It was used to study the socio-political concepts of Russian

scientists, in which society, economics, and forms of interaction with nature appear to be a complex dynamic system. In addition, special historical methods were used - historical-genetic (when revealing the evolution of views on the role of the forest in Russian history), comparative-historical (when determining the general and special in approaches to the problem of forest and man among Russian historians of the 19th century), historical system (in the course of a comprehensive analysis of different groups of sources).

Discussion.

The problem of studying the rich historical heritage of Russian historians of the 19th century S.M. Soloviev, N.I. Kostomarov, V.O. Klyuchevsky, N.Ya. Danilevsky is an actively developing topic in the study of Russian historiography. New sources are regularly introduced into circulation, especially documents of personal origin, journalism. A significant contribution to the study of the aforementioned topics was made by the monographs of N.L. Rubinstein [56], M.V. Nechkina [48], V.E. Illeritsky [15], Yu.A. Pinchuk [52], N.I. Tsimbaeva [62, 63], S.I. Bazhova [2], A.P. Shikman [58], B.P. Balueva [1], G.V. Vernadsky [64], M.Yu. Lachaeva [45], as well as collective works and general works "Essays on the history of historical science in the USSR" [50], "Historiography of the history of Russia until 1917" [16], "Encyclopedia of life and work of N.I. Kostomarov" [13] and others.

A huge number of special works and research articles on various subjects of the scientific work of Russian historians of the XIX century: K.N. Leontiev [46], A.A. Galaktionova and P.F. Nikandrova [14], A.M. Sakharov [57], V.A. Zamlin [65, 66], Yu.S. Pivovarov [53], O.A. Platonov [54], V.V. Kichurina [17], A.V. Efremova [11, 12], S.A. Nikolsky and V.P. Filimonova [49], Yu.A. Polyakova and N.V. Shcherban [55] and others. They analyzed the views of Russian scientists on the problems of the formation and development of Russian statehood, the economic structure, rural and urban life, everyday life, beliefs, religion and culture, Russian national character and self-awareness. Today, the questions of interpretations by Russian historians of the 19th century of the influence of natural factors (forests, river systems, climatic features, characteristics of the soils used, geographical location of the developed territories) on the development of the Russian world remain insufficiently studied. Attempts are just beginning to assimilate the historical heritage of classical Russian historiography related to the theme of "social geography" of medieval Russia and new-historical Russia. Much remains to be done for the scientific analysis of the problem: "historians on the role of forests in Russian history."

It should be noted that the interaction of man and nature in the Russian geographical space for a thousand years has been considered either within the narrow framework of local historical concepts, or individual topics and subjects have been studied outside their relationship with each other and outside the historical context. The first appeal to this problem was made by us more than twenty years ago, but only in the form of theses at a number of international conferences devoted to the history of the

forest [59]. Therefore, there was an urgent need to create a comprehensive study in which the main directions of the concepts of "forest history" of 19th-century Russian historians would be considered in interrelation. This study is an initial attempt to fill the indicated historiographic gap.

A steady account of the geographical factor, nature and the environment in which the history of Russia went was typical for S.M. Solovieva [60]. "Where, under what natural influences did the people act ... - here," writes S.M. Soloviev - the first questions in the history of every nation" [60, p.159].

His remarks on the role of forest spaces in the centralization of the Moscow state, which was primarily a forest state ("The Moscow state was primarily a forest state; to travelers, the whole country seemed to be a vast forest cleared for dwellings and arable land"), when parts of the population scattered over vast spaces, live a special life, are not connected by the division of occupations, when there are no big cities, when communications are difficult, there is no consciousness of common interests, then the parts fragmented in this way are brought into contact, pulled together by government centralization, which, in his opinion, is the stronger the weaker the internal connection. "Centralization makes up for the lack of internal communication, due to this lack," concludes S.M. Solovyov [60, p. 26].

Russian history took shape, in his opinion, in the long struggle between the "forest" and the "steppe", in the struggle against the invasions of the southeastern nomads and the state could establish itself, gain strength only far from the steppe, in the north, in the forest side, inaccessible, inconvenient for the nomad [60, p. 45].

The original interpretation of S.M. Solovyov's historical differences between Western and Eastern Europe: the first is stone, the second is wooden. The stone divided Western Europe into many states, delimited nationalities, protected freedom, gave strength and certainty to everything. A tree in the East created one state of unprecedented size, since people always move across a wide unlimited forest area: the lack of diversity did not make resettlement difficult, the fragility of dwellings - wooden huts, the cheapness of the material favored the population to leave invasions, taxes [60, p. 45-46]. Hence the desire of the government to "catch and attach" [60, p. 44]. "There are no solid dwellings with which it would be difficult to part, in which would have settled down for whole generations; cities consist of a pile of wooden huts, the first spark - and instead of them a pile of ash. The trouble, however, is small, driven so little that it is easy to take with you, to build a new house does not cost anything cheap material: from here with such ease the old Russian man left his home, his hometown or village; left the Tatar, from Lithuania, left the heavy tax, from the bad governor or clerk; there was nothing to wander about, for everywhere it was possible to find the same thing, everywhere Russia smelled. Hence the habit of spending in the population and the government's desire to catch, plant and attach" [60, p. 58].

The struggle of the state with the Cossacks during its inception, according to S.M. Solov'ev, there are relatively natural forms - the struggle of the forest side with the field, the steppe. Under these conditions, the forest more limited, determined, made a man settled. The stinginess of nature, which requires constant and hard work on the part of man, forms, believes S.M. Soloviev, such traits of his character as slowness, caution, consistency in achieving the goal, thoughtfulness, which are able to establish strong foundations of state life [60, p. 188-190].

At the same time, according to S.M. Solovyov's own disadvantageous aspects: it determined the severity of the climate, dampness, and the abundance of water and swamps, which made travel difficult in the summer and forced him to resort to the hard work of paving roads with wood [60, p. 46]. "Near the capital, travelers on summer nights had to lay fires to escape from myriads of mosquitoes and midges. Near this trouble there was danger, danger from a wild beast living in the forest, and even greater from a man who so conveniently hid his evil trade in the forest" [60].

In general, the movement of Russian history from the southwest to the northeast was a movement from the countries of the best to the worst, in more adverse conditions. Sad, harsh, monotonous nature could not, according to S.M. Solovyov's life-giving effect on the spirit of a person, to develop a sense of beauty in him, a desire to decorate life, to raise it above the daily, everyday monotony, to bring into a festive state, so necessary for the restoration of strength. The small population was scattered in vast desert spaces, which were constantly increasing without a corresponding increase in population. All this was poor and weak, without the possibility of independent life, without the possibility of protection when faced with any force.

"The Russian man appeared in the northeastern deserts seedless in all the sad meaning that this word had in our days. Lonely, abandoned into the world of barbarians, the last, the last of the European-Christian family, forgotten by his own and forgetting his remoteness, scattered from his siblings - these are the position of the Russian man in the northeast: and for centuries it was intended for him to move further and further further in the desert of the east, to live in alienation from the Western gatherings" [60].

The sad, harsh, monotonous nature, the Russian scientist believes, could not have a life-giving effect on the spirit of a person, develop a sense of beauty in him, a desire to decorate life, raise it above everyday monotony [60, p. 26].

According to another Russian historian of the XIX century N.Ya. Danilevsky in the early stages of the formation of the Russian nationality and statehood "nothing prevented the free resettlement of the Russian people," since "in this whole space there was no formed political body when the Russian people gradually began to leave tribal forms of life and adopt a state system. The whole country was either a desert or inhabited by semi-wild Finnish tribes and nomads", he "occupied wastelands" [5, p. 24-25]. For the most part, N.Ya. Danilevsky, it was "occupation of an empty place, perfect

... the resettlement of the Russian people almost without the assistance of the state" [5, p. 39].

"The expanse of forests, waters and steppes that Finnish hunters only roam: Zyryans, Vogulichi, Cheremis, Mordovians, the whole, measuring and Tatar nomads" allowed, according to the scientist, to make extensive resettlements almost without the participation of the government, adventurers and even robber chieftains [5, p. 63, 188-189].

According to N.Ya. Danilevsky, the forest has great cultural power, since only forests, representing a sufficient physical obstacle to the development of nomadic life, do not, however, constitute an insurmountable barrier to the founding of settled life, and, consequently, to the development of the original culture. An original culture, without any extraneous influence, could have arisen, in his opinion, only in a forest country [5, p. 230].

According to N.Ya. Danilevsky, Russians were not a nomadic people, attached to their homeland, to their climate, to their surrounding nature [5, p. 52]. Forest for the Eastern Slav, in his interpretation, is a poetic mood inspired by a mysterious thicket and twilight [5, p. 230].

The scientist is considering a method of resettlement in a forest country: from settlements - islands in the forest sea, to forest islands. "At first, individual settlements were scattered by rare islands in the forest sea. Settlements, farms, repairs occupy new places near their metropolis; small forest barriers separating them are cut down and a volost consisting of several villages is formed, between which there is no separating forest space. Small islands are grouped near this large settled island. The volosts themselves are separated by significant forest areas. The number of volosts is increasing, and the forest, in which rare villages were first interspersed, from the forest ocean takes the form of a network, all the threads of which are interconnected" [5, p. 230-231].

But vast swamps, according to N.Ya. Danilevsky, prevent this forest network from being evenly riddled with villages. Vast forest spaces remain - ditches that separate one group of villages (volosts, communities) from another. With an increase in population, N.Ya. Danilevsky, the network breaks in many places, the volosts merge with each other, merge, and finally they themselves form a continuous network in which "pieces of forest are scattered in separate groups, as before villages were scattered in the forest network" [5, p. 231]. These pieces of wood concludes N.Ya. Danilevsky, everything is decreasing, and there is a continuous sea or lake of villages in which "forest islands are scattered." These lakes do not merge, however, into one vast sea, remaining for a long time still separated by vast drags.

This course of resettlement in the forest should be followed by the course of development of the public, which explains, in his opinion, the federal structure of all

the peoples living in the forest country, whom history found during the ethnographic period of their life (as, for example, among the Germans and the Slavs) [5, p. 231].

The territorial dominance of the Russian forest indirectly softened, according to N. Ya. Danilevsky, the Tatar yoke, since the degree of culture, the way of life of settled Russian and Tatar nomads were different and any power of the latter over the former could not penetrate deeply, had to stay on one surface. This was promoted, according to the scientist, by the nature of the area, which allowed the conquerors to maintain their usual way of life in the Zadonsky and Zavolzhsky steppes [5, p. 257].

At the same time, the space and nature of the Russian region were, according to N. Ya. Danilevsky, the main obstacle to state unification, since there is no need to obey the harsh requirements of the state order, personal service, money payments, when forests represented impenetrable shelters [5, p. 258]. "Its vast forests and steppes made it possible for the rare population, still living in ethnographic forms of life, to evade the burdens imposed by the state, to elude them without active resistance" [5, p. 496].

N.Ya. Danilevsky singles out the so-called law of preserving the stock of historical forces when, at the beginning of the history of a people, part of it, being in favorable geographical conditions and in relations with neighboring nations that have reached a higher degree of culture, makes a breakthrough in progressive development. Meanwhile, the rest of the people under the protective cover of mighty nature (including forests) continues to lead a quiet life, not squandering, but accumulating, elements of future power [5, p. 437].

Forest factor, according to N.Ya. Danilevsky, will play an almost decisive role in the collection of Russian lands under the banner of Moscow after internal strife, the "Tatar pogrom", the invasions of Lithuania and the Polish government. "But in the northeast, in a dense forest country (emphasized by us - M.Sh.), Russian colonization, apart from active historical life, forms a strong reserve of Russian power, strengthens Finnish tribes and, having strengthened, is the restorer of the unity of Russia ..." [5, p. 439].

Massifs - swamps and forests - N.Ya. Danilevsky also took into account the important military-strategic factor of Russia's security in modern times. "The vast impassable swamps and forests," concludes the scientist, "cut the space along the western border of Russia into two completely separate theaters of war" [5, p. 375].

Indirectly forest spaces, swamps, impassability even serfdom in Russia did, according to N. Ya. Danilevsky, "an easy form of dependence", but only for the XVIII century. Given this geography, the weakness of economic ties, and trade, subsistence farming dominated, landowners were satisfied with the products and products of their estates, had stocks of bread, oats, smoked their wine, infused on forest berries and sweetened with honey from apiary trees [5, p. 261].

The forest also finds its place in N. Ya. Danilevsky spread of Christianity in Russia. If the new religion had to endure a strong fight against paganism, then how could the power contribute to the affirmation of Christianity against the will of the

people, with the then weakness of state power, with impassable forests, dividing the region from the region, volost from volost, the Russian scientist raises the question [5, p. 193].

In their size and architectural splendor, Russian churches could not compete with the Gothic cathedrals of Northern Europe or with the temples of Italy, N.Ya. Danilevsky, due to the lack of technical experience, material means for the construction of such huge buildings, and, most importantly, the material of manufacture - wood, which is cheap, malleable, convenient to use, but perishable [5, p. 272].

Secular architecture, ornamentation of houses and household utensils did not receive much development in Ancient Russia, according to N. Ya. Danilevsky, not only because of the simplicity of the then needs, but also because almost all the buildings were wooden [5, p. 273].

The image of the forest and Russian history are so merged, related in perception of N.Ya. Danilevsky, that he often, for the best, as it seemed to him, argumentation, used comparisons of soil, forest, a specific type of tree (for example, oak), its root system and certain socio-historical objects and phenomena of Russian, or Slavic, life in general. Here are just a few examples. In chapter III, "Is Russia Europe?" N.Ya. Danilevsky writes: "Is it possible that an organism that has been eating its juices that are pulled by its roots from its soil for so long, sticks to the other organism with its neighbors, let its roots dry and become alien from an independent plant? If the soil is lean, that is, if it lacks any components necessary for the full growth, it must be fertilized, these missing parts must be delivered, those that are already in it should be loosened with deep plowing, so that they are better and easier to assimilate, and not alien, leaving to dry their roots. (...) If not by birth, then by adoption, Russia has become Europe; the European shank is grafted to a wild game" [5, p. 60-61].

In chapter X, "Differences in the Course of Historical Education," N. Ya. Danilevsky, explaining the interaction of different peoples, again uses the image of a living tree. "If a tribe located at such a still inconscient stage of development is embraced by another, which has already begun its political growth, then the former is absorbed by the latter; for the tribe, more powerful and mature, cannot stop its growth because these tribal shortcomings meet on its way. If a foreign object is caught between a tree and its bark, the tree overgrows it and includes it in its mass. (...) Such was the fate of the Finnish tribes scattered throughout the space of Russia" [5, p. 223].

N.Ya. Danilevsky once again applies the image of the "tree" in his explanatory scheme for Peter's reforms in the first quarter of the 18th century. "Having become acquainted with Europe, he ... wanted by all means to make Russia Europe. Seeing the fruits that the European tree brought, he concluded that the plant itself, which brought them, was superior to the Russian fruitless wild game (not taking into account the age differences, not thinking that the fruiting season might not have come yet) and therefore wanted to cut down it at the very root and replace it with another" [5, p. 265].

In the story about Constantinople and "complaints about the too huge size of Russia", the possible expansion of the Russian state N. Ya. Danilevsky proposes the following dependence of size and growth "from the relation of the achieved growth to the internal expansive power of the growing. Oak and three girths thick and fifteen fathoms high cannot yet be called too large, outgrown its normal size! The state also cannot be considered to have reached its full growth, no matter how much it encloses square miles or miles, when about three million other compatriots live outside its borders ... "[5, p. 377].

Great attention was paid to the problem of the impact of forests on Russian history in his work V.O. Klyuchevsky. He considered the effect of settlement on tribal life [20, p. 38-39], the colonization of forest north-eastern region [20, p. 90], the features of household life, created under the influence of the nature of the country (dispersal of the population, insignificance of peasant plowing, mobile nature of tillage, development of forest land) [20, p. 102], various aspects of the psychology of Russian people (the struggle with nature alone, in the wilderness of the forest), formed in silent black work on the external nature, on the forest, and not on itself and society [20, p. 105].

The forest provided a variety of services to the Russian man — economic, political, and even moral: he built it with pine and oak, heated it with birch and aspen, lit it with a birch torch, shod it with his bast shoes, and equipped it with household utensils and a bast. For a long time and in the north, as before in the south, he fed the national economy with a fur-bearing animal and a forest bee. The forest served as the most reliable refuge from external enemies, replacing Russian mountains and castles. The state itself, whose first experience on the border with the steppe failed due to the fault of this neighborhood, could strengthen, according to V.O. Klyuchevsky, only in the north, far from Kiev, under the cover of forests from the steppe [22, ch. 4].

Analyzing the nature of the colonization of the regions of the Middle Oka and the upper Volga by Russian settlers V.O. Klyuchevsky emphasizes the geographical conditions for the development of the region. "Finnish tribes settled in the forests and swamps of central and northern Russia at a time when there was no noticeable trace of the presence of Slavs" [20, p. 41]. In his opinion, settlement took place, and not conquest of the region. The colonists themselves, according to the Russian scientist, "for the most part belonged to the peaceful rural population, who left the south-western Russia from the hardships there and sought among the forests of the North not safe harvests, but safe places for cultivation and crafts" [20, p. 43]. In addition, Russian immigrants, believes V.O. Klyuchevsky, the Finns did not invade the land by large masses, but seeped in thin streams, "occupying vast gaps that remained in the swamps and forests of the Finnish villages."

The Russian people, according to V.O. Klyuchevsky, this is a kind of economic system and even a special national character, and the nature of the country has worked hard on this system and on this character [20, p. 55]. The main features of the Upper

Volga region, which makes up the central region of Great Russia, are the abundance of forests and swamps, the predominance of loam in the soil and the spider web of rivers and streams running in different directions. According to V.O. Klyuchevsky, a deep imprint on both household life and the tribal character of Great Russia [20, p. 55].

Rural settlements here have gained a decisive advantage over the cities. Moreover, V.O. Klyuchevsky, and these settlements sharply differed in their character from the villages of southern Russia. In the latter, external dangers and lack of water in the open steppe forced the population to settle in large masses, to be crowded into huge villages. On the contrary, a settler in the north, V.O. Klyuchevsky, "in the midst of forests and swamps, he was struggling to find a dry place where he could put his foot with some safety and convenience and build a hut. Such dry places, open hillocks, were rare islands in the sea of forests and swamps" [20, p. 56]. On such islands one, two, maximum three peasant households could be put up. That is why a small village is, according to V.O. Klyuchevsky, the dominant form of settlement in northern Russia until the end of the XVII century. Around such small scattered villages, it was difficult to find a significant continuous space that could be conveniently plowed. Convenient places around the villages came across insignificant areas. These sites were cleared by the inhabitants of a small village. "It was an unusually difficult job: it was necessary, choosing a convenient dry place for arable land, to burn out the forest that covered it, to root out stumps, to raise virgin soil" [20, p. 56].

The then methods of cultivating the land were reported, according to V.O. Klyuchevsky, mobile, restless, nomadic nature of this cultivation. Burning the forest to *novi*, the peasant informed the loam of enhanced fertility and for several years removed an excellent crop from it, because ash serves as a strong fertilizer. But after six to seven years, the soil was depleted, and the peasant had to leave it for a long rest, to let it fall over. Then he notes V.O. Klyuchevsky, transferred his yard to another, often remote place, raised another *nov*, put a new "fix on the forest" [20, p. 57]. Thus exploiting the land, the Great Russian peasant moved from place to place in the direction of the northeast, until he reached the natural borders of the Russian plain, to the Urals and the White Sea.

In order to make up for the meager earnings from tilling on the Upper Volga loam, the peasant had to turn to crafts. "Forests, rivers, lakes, swamps provided him with many lands, the development of which could serve as an aid to meager agricultural income" [20, p. 57]. V.O. Klyuchevsky sees this as the source of that peculiarity that has distinguished since time immemorial the economic life of the Great Russian peasant, the reason for the development of local rural crafts, called handicrafts. Handicrafts, fishing, hunting, beekeeping (beekeeping in the hollows of trees), fishing, salt production, tarring, ironwork - each of these activities served as the basis for household life in whole districts.

According to Klyuchevsky, the features of the Great Russian economy that were created under the influence of the country's nature are "1) the dispersion of the population, the dominance of small towns, villages, 2) the insignificance of peasant plowing, the smallness of backyard arable plots, 3) the mobile nature of tillage, the dominance of portable or deciduous agriculture, and 4) finally, the development of small rural industries, the intensified development of forest, river and other lands" [20, p. 57].

Along with the influence of the country's nature on the national economy of Great Russia V.O. Klyuchevsky notes traces of its effect on the tribal character of Great Russia. Great Russia of the XIII-XV centuries with its forests, swamps and swamps at every step, the scientist notes, presented the settler with thousands of small dangers, unforeseen difficulties and troubles, which had to be fought every minute. This taught Great Russians, according to V.O. Klyuchevskogo, vigilantly follow nature, look at both, walk around looking around and feeling the soil, do not meddle in the water without looking for a ford, developed in him resourcefulness, a habit of patient struggle with hardships and deprivations. "In Europe there are no people less spoiled and pretentious, accustomed to expect less from nature and fate and more enduring" [20, p. 57].

By the very property of the region, each locality asked the settler a difficult economic riddle: he needed to study the place, all its conditions, in order to look out for the land. Hence, V.O. Klyuchevsky, this amazing observation, which opens in Russian folk signs. Here, all the characteristic phenomena of the annual turn of Great Russian nature are captured, its diverse climatic and economic accidents are noted [20, p. 58]. "Saints and holidays were his guides in this observation and study. ... He carried them out of the temple with him into the hut, in the field and in the forest, hanging their signs in their names ... In the signs of Great Russia, his meteorology, his business textbook, and his everyday autobiography" [20, p. 59-60]. The vernacular signs of Great Russia are wayward, Klyuchevsky believes, as the wayward nature reflected in them is willful. She often laughs at the most cautious calculations, the waywardness of the climate and soil deceive the most modest expectations of Great Russians. Contrasting the whim of nature with the whim of one's own courage, the tendency to tease happiness, play luck is, according to Klyuchevsky, the Russian "maybe".

The properties of the region determined, according to the Russian scientist, the order of resettlement of the Great Russians. Life remote from each other, secluded villages with a lack of communication could not teach Great Russians to act in large unions, friendly masses. Velikoross did not work in an open field, in front of everyone, like an inhabitant of southern Russia, he fought nature alone, in the wilderness of the forest with an ax in his hand. "It was a silent black work on the external nature, on a forest or a wild field, and not on oneself and society, not on one's feelings and attitudes towards people" [20, p. 61].

Despite all such services, the forest, according to V.O. Klyuchevsky was always difficult for a Russian person. "In the old days, when there were too many of them, he interrupted his paths and roads with his thicket, challenged the meadows and fields with difficulty in clearing thickets, and threatened livestock and cattle with a bear and a wolf. Robbery nests also twisted through the forests." The hard work of the ax and the flint, which started the forest cultivation on the pali, cleared from under the felled and burnt forest, according to V.O. Klyuchevsky, tired, annoyed. This can explain the unfriendly or careless attitude of a Russian person to the forest: he never loved his forest, concluded the Russian scientist [22, ch. 4]. Unaccountable timidity took hold of him when he stepped under his gloomy canopy. The sleepy, "dense" silence of the forest frightened him; in the dull, soundless noise of its age-old peaks, something ominous was sensed; every minute expectation of an unexpected, unpredictable danger strained my nerves, excited my imagination. And Old Russian people inhabited the forest with all kinds of fears. The forest is the dark kingdom of the one-eyed goblin, an evil spirit - a mischievous person who loves to fool around with a traveler wandering in his domain.

According to V. O. Klyuchevsky, the methods of land cultivation at that time gave a mobile, restless, nomadic character to this farming. Burning the forest in Novi, the farmer gave the loam increased fertility and for several years removed from it an excellent crop, because the ash is a strong fertilizer. But after six or seven years, the soil was exhausted, and the farmer had to leave it for a long rest, run into fallow. Then he, notes V. O. Klyuchevsky, moved his yard to another, often remote place, raised another virgin soil, put a new "fix on the forest" [20, p. 57]. Thus exploiting the land, the great Russian peasant moved from place to place in the direction of the North-East, until he reached the natural borders of the Russian plain, the Urals and the White sea.

In order to make up for the meagre earnings from farming in the upper Volga loam, the peasant had to turn to crafts. "Forests, rivers, lakes, swamps provided him with a lot of land, the development of which could serve as a help to poor agricultural earnings" [20, p. 57]. V. O. Klyuchevsky sees this as the source of the peculiarity that distinguishes the economic life of the great Russian peasant from time immemorial, the reason for the development of local rural crafts, called artisanal.

Handicrafts, fishing, hunting, beekeeping (forest beekeeping in tree hollows), fishing, salt production, tarring ironwork - of these occupations served as the basis of economic life of entire districts.

Features of the great Russian economy, created under the influence of the country's nature, according to Klyuchevsky, are "1) the dispersion of the population, the dominance of small towns, villages, 2) the insignificance of peasant plowing, the smallness of farmstead arable land, 3) the mobile nature of grain farming, the dominance of portable or shifting agriculture, and 4) finally, the development of small rural crafts, enhanced development of forest, river and other lands" [20, p. 57].

Along with the influence of the country's nature on the national economy of great Russia, V. O. Klyuchevsky notes traces of its action on the tribal character of great Russia. Great Russia of the XIII-XV centuries with its forests, swamps and swamps at every step, the scientist notes, presented the settler with thousands of small dangers, unforeseen difficulties and troubles that had to be constantly fought. This taught the great, according to V. O. Klyuchevsky's ability to keep a sharp eye on nature, to keep his eyes open, to look around and feel the ground, not to go into the water without looking for a ford, developed in him a quirkiness, a habit of patient struggle with adversity and privation. "In Europe, there is no people less pampered and pretentious, accustomed to expect less from nature and fate, and more resilient" [20, p. 57].

By the very nature of the region, each locality gave the settler a difficult economic riddle: he had to study the place, all its conditions, in order to look for land. Hence, V. O. Klyuchevsky believes, this amazing observation, which is revealed in Russian folk signs. Here all the characteristic phenomena of the annual turnover of the great Russian nature are captured, its various climatic and economic accidents are noted [20, p. 58]. "Saints and feasts were his guides in this observation and study. ...He took them out of the temple with him to the hut, in the field and forest, putting their names on their signs... In the signs of the great Russian and his meteorology, and his economic textbook, and his household autobiography" [20, p. 59-60]. Folk signs of the great Russian are wayward, Klyuchevsky believes, as the nature reflected in them is wayward. It often laughs at the most cautious calculations, the waywardness of the climate and soil deceive the most modest expectations of the great Russian. The opposition to the Caprice of nature to the Caprice of one's own courage, the tendency to tease happiness, to play at luck, is, according to Klyuchevsky, the Russian "maybe".

According to the Russian scientist, the properties of the region determined the order of settlement of the great Russians. Life remote from each other, isolated villages with a lack of communication could not teach the great Russian to act in large unions, friendly masses. The great Russian did not work in the open field, in front of everyone, like an inhabitant of southern Russia, he fought with nature alone, in the middle of the forest with an axe in his hand. "It was a silent black work on external nature, on the forest or wild field, and not on yourself and society, not on your feelings and attitudes to people" [20, p. 61].

Despite all such services, the forest, according to V. O. Klyuchevsky, has always been heavy for the Russian person. "In the old days, when there was too much of it, it interrupted the way-roads with its thicket, disputed the hard-cleared meadow and field with its importunate thickets, and threatened itself and livestock with bear and wolf. There were also nests of robbers in the woods." According to V. O. Klyuchevsky, hard work with an axe and flint, which started forest farming on the Pali cleared from under the felled and burned forest, tired and annoyed. Russian scientist concluded that this can explain the unfriendly or careless attitude of the Russian person to the forest: he never liked his forest [22, p. 4]. An unaccountable shyness took possession of

him when he entered its shadowy shade. The sleepy, " deep " silence of the forest frightened him; there was something ominous in the dull, soundless noise of its age-old peaks; every minute the expectation of an unexpected, unforeseen danger strained his nerves and excited his imagination. And the old Russian man populated the forest with all sorts of fears. The forest is the dark realm of the one-eyed Goblin, a mischievous evil spirit who likes to fool around with a traveler who wanders into his domain.

V. O. Klyuchevsky defines some features of the psychology of the Russian person as the features of the forest side: isolation, caution, lack of communication, self-doubt, difficulty in getting used to acting together, the habit of hesitating and maneuvering between the roughness of the path, the impression of not being straight, insincerity, going to the goal looking around. "Nature and fate led the great Russian so that they taught him to go out on a straight road by devious ways. The great Russian thinks and acts as he walks. Think you can come up with bendy and twisty great Russian country road? Just like a snake crawled" [20, p. 62].

The "geography of the forest" became the "geopolitics of the forest country". Russian suburbs suffered, according To V. O. Klyuchevsky, from external enemies, but the small middle Moscow Principality remained safe, and boyars and common people were drawn there from all the edges of the Russian land [20, p. 66].

V. O. Klyuchevsky also studied such a plot as "the forest and the Church", he analyzed the role of numerous forest monasteries that became strongholds of peasant colonization. The monks cleared the forest, planted gardens, plowed, mowed, as did the peasants. This is evidenced by numerous petitions to Moscow about the monastic structure. Permission to plough meant that the wild state forest surrounding the monastery was given to him for clearing for arable land. From the moment of the award, the partnership (monastery) turned into an institution and became legal entity.

Agricultural farming had to be started in the wild untouched forest, clearing it for arable land and vegetable gardens. Hermits followed the peasants or paved their way in the forests of the Volga. The deserted forest monastery served the needs of the settlers, religious and economic, and widely used their labor.

The forest served as a Russian hermit's Thebaid desert, a refuge from the temptations of the world. Since the end of the XIV century people in the desert silence looking for salvation of the soul, rushed to the forest wilds of the Northern Volga region, where only they could lay a path. But, fleeing from the world to the desert, these forest pioneers, according to V. O. Klyuchevsky, carried the world with them there. Farmers followed in their footsteps, and the numerous monasteries that arose there became strongholds of peasant settlement, serving as parish churches, lenders, and almshouses for new settlers in their old age. Thus, the forest gave a special character to the Northern Russian desert breeding, making it a kind of form of forest colonization [22, p. 4].

The forest cover gave the Russian people the opportunity to concentrate their spiritual and religious efforts and accumulate spiritual strength against the threat from the Steppe. According to Klyuchevsky, the forest helped the political and moral revival of the Russian land. "In the early 40s of the XIV century, a 20 – year-old seeker of the desert, the future monk Sergius, in a dense forest (highlighted by us-M. Sh.) ... put a small wooden cell with the same Church" [20, p.66]. "He began with himself and by a long seclusion, full of labor and privation among the dense forest (highlighted by us-M. Sh.), prepared to be the leader of other desolators" [20, p. 69]. Sergius, having begun to rule the assembled brethren, was for her a cook, a Baker, a Miller, a woodcutter, a tailor, a carpenter. Everything in the monastery was poor and meagre. "In the very fence of the monastery, the primeval forest rustled over the cells and in the autumn sprinkled their roofs with dead leaves and needles; around the Church there were fresh stumps and untidy trunks of felled trees; in a wooden Church for lack of candles smelled of kindling ... "[20, p. 70].

This was the beginning of the moral and then political revival of the Russian people. Old Russian monasticism, according to V. O. Klyuchevsky, was an accurate indicator of the moral state of its secular society. Until the middle of the XIV century, almost all monasteries in Russia appeared in cities or under their walls. Since that time, V. O. Klyuchevsky believes, " a decisive numerical advantage is given to monasteries that arose far from cities, in the forest wilderness, waiting for the axe and plow. Thus, the main goal of monasticism, in the fight against the shortcomings of the spiritual nature of man, was joined by a new struggle with the inconveniences of external nature; rather, this second goal became a new means to achieve the first" [20, p. 72].

According to V. O. Klyuchevsky, the colonies of the Sergiev monastery and the monasteries founded by the disciples made up almost a fourth of the total number of new monasteries in the second century of the Tatar yoke, and almost all of these colonies were deserted forest monasteries like their mother country [20, p. 73]. Until the middle of the XIV century, the scientist notes, the mass of the Russian population, shot down by the enemies in the interfluvium of the Oka and upper Volga, timidly huddled here on a few strips of convenient land cleared among the forest and swamps. The Tatars and Lithuania blocked the exit from this triangle to the West, South, and Southeast. The way to the North and northeast beyond the Volga remained open. But it was a remote, impenetrable land, occupied in some places by savage Finns. A Russian peasant with his family, writes V. O. Klyuchevsky, was afraid to venture into these roadless wilds. The monk is a hermit and went there as a brave scout. The vast majority of new monasteries from the middle of the XIV to the end of the XV centuries arose among the forests of Kostroma, Yaroslavl and Vologda Zavolzhye [20, p. 73].

Numerous forest monasteries, according to V. O. Klyuchevsky, became here the mainstays of peasant colonization. "The wandering population settled around the monasteries, like the roots of trees interlocking quicksand soil. For the sake of saving his soul, the monk fled from the world to the Zavolzhsy forest, and the layman clung to it

and with its help started a new Russian world in this forest" [20, p. 73-74]. Great Russia was created by the friendly efforts of a monk and a peasant. Guided by the blessing of the monk Sergius, the fighters went, some for the Oka against the Tatars, others to the North for the Volga to fight with the forest and swamp.

According To V. O. Klyuchevsky, the political order of separate princely possessions in the first centuries of the history of the Russian state was formed in close correlation with the geographical distribution of the population, and this distribution, in turn, was guided by the properties of the region and the course of its colonization.

Russian forest influence on the "history of the people", its way of life and customs in the XVI-XVII centuries was studied by the famous Russian historian of the XIX century N. I. Kostomarov [34, 43]. The role of the forest and its "derivatives": wood, animal skins and furs, meat and feathers of birds, berries, mushrooms, honey, nuts, its landscape features: cities, villages, settlements, villages and villages, were the focus of attention of the historical concept of N. I. Kostomarov. According to the scientist, home furniture and utensils, clothing, food and drink, the way of home life, leaving home and traveling, games and fun, holidays, home rituals and beliefs of the Russian people are closely connected with the forest and its products.

In the XV-XVI centuries, cities in Russia were mostly wooden, city walls and fortifications were also made of wood and earth. "In general, the countless cities that dotted the space of the Russian possessions," wrote N. I. Kostomarov, " were fortified with wooden or earthen walls, that is, with ramparts and a rear rampart. (...) For the most part, wooden fortifications were connected to earthen ones in different ways: for example, a rampart or talus was filled in, and a wooden wall or back was built on the talus; or the wall stood on flat ground, but the talus followed it; or the wooden walls were covered with gristle, that is, a pile of stones, sand and earth. Simple spears or Gables were made without scree, and their wooden walls were only protected by ditches. Often the city, surrounded by a wooden wall and a moat, was once again surrounded by a talus or wooden wall – the so-called Ostrog, and between the city and the Ostrog there was a settlement" [34, p. 1]. Some monasteries (they were generally strongholds in that century) had the same form of fortifications.

Very often, the walls of the city, N. I. Kostomarov notes, were double, triple and quarter. The space between the walls was filled with earth, or connected by cross logs. On top of them, roofs were made of planks or latticework, sometimes very high. In other places, water was carried into these ditches, and in others piles called particle were driven in. The moats themselves were protected by a special fence made of oak logs. There were several rows of such ditches behind the main wall or rampart of the city. From the ditches in the side outer walls drainage was performed and did a long series of fortifications, called Natalbany. These were posts of thick logs (usually oak), placed close together and forming a solid wall. They were double and triple, that is, in

two and three rows; these rows were connected between cross ties of logs at the top and presented the form of corridors [34, p. 1].

Sometimes, according to N. I. Kostomarov, the rows of needles went from the city for twenty versts or more and were bordered by ditches, and in places towers were arranged between them. Where it was necessary to make an exit, a gate with descending decks was arranged. From these places it was off to the side the ranks of the new dragon teeth. At their turns, the overhangs ended up in forest debris, that is, piles of felled and felled wood. The enemy, writes N. I. Kostomarov, approaching the city, had to first pass through these rubble, then get confused about the labyrinth of needles, destroy them and then reach the double and triple city fortifications [34, p. 1].

In addition to needles, according to N. I. Kostomarov, there were also fortifications called Taras, which consisted of longitudinal logs and laid on them transverse, and if they were in two rows, then covered with shingles on top. On the sides were arranged forest sites, consisting of piles of piled wood, surrounded by a moat. These sites were built, according to N. I. Kostomarov, mainly in forest areas. There was a serif clerk with a detachment who were supposed to send a message to the city in case of detection of the enemy. The southern part of Muscovy, with its sparsely populated area, was dotted with cities and jails with hollows in the surrounding area and was cut by earthen ramparts in different directions, with many forest patches and rubble [34, p. 1]. Private and state-owned siege yards and huts were built for the common people in case of war, which could accommodate up to two hundred people. The resulting inconveniences from crowding, encouraged residents, according to N. I. Kostomarov, to wander through the forests, being in danger of falling under the Tatar Lariat, rather than go under siege.

The forest was actively used for paving streets in Moscow and large cities. They were round logs, packed tightly together, one against the other. Where there was no pavement, where it was especially dirty, N. I. Kostomarov notes, planks were simply laid across the streets [34, p. 4]. Near the villages there was always left pasture land called meadow, if there were meadows, or hog, when forests surrounded the village. Due to the fact that the construction was dominated by wood, wood as the main material, there were frequent and devastating fires in the cities, destroying these cities to the ground. Measures against fires, according to N.I. Kostomarova's, they were mostly protective: they tried to make yards wider, ordered to put tubs with water on the roofs of buildings, it was forbidden to sit with fire at night and use soap dishes and even stoves in huts in the summer, and instead, residents had to cook their own food in gardens [34, p. 4].

Most of the buildings in the cities of the XVI century were made of wood. No one, according to N. I. Kostomarov, considered stone buildings more convenient than wooden ones for housing. Wealthy people began to build stone houses, but still retained the old belief that wooden houses are healthier to live in [34, p. 7]. Wooden houses were made of pine, sometimes oak solid beams, which were folded very tightly

without using a single nail, but fastened the bars, placed one above the other, by means of prongs in the lower and notches or recesses in the upper. Whole thick beams were tightly held together, and for warmth they were covered with moss, which was also placed on the doors and Windows. If a hut not covered with moss was sold, such a hut was called a log house [34, p 7].

N. I. Kostomarov noted that the ordinary roof of Russian houses was made of wood, plank, shingle or shingle. In the XVI and XVII centuries, it was customary to cover the roof with birch bark from dampness, and sometimes put earth and turf on the roof to protect it from fire. The yards are fenced by a fence, sometimes a sharp fence. Gardens with fruit trees (apples, pears, cherries) were almost everywhere found at the houses on the plantations. Forest trees, according to N. I. Kostomarov, were rarely planted and if they were found in gardens, they were mostly odorous (cherry), or especially elegant (Rowan, viburnum) [34, p. 7].

The furniture and utensils of Russian homes were mostly wooden. The main decoration of houses, according to N. I. Kostomarov, were images that were written on boards. Benches, benches, and stools served as seats, and chairs and stools were the luxury of the noble boyars, and were not used by the people at all. Tables were made of wood, mostly oak [34, p. 8].

For storage of household items, hiding places were used (a kind of dressers with drawers), chests, suitcases. The dishes were placed in the supply: these are columns laid on all sides by regiments. To store bulky household supplies in crates, barrels, cadis, and baskets of various sizes and volumes were used. For the mash of dough, wooden troughs and large vats were used; for washing clothes troughs, nights, beeches, buckets for water socks, kumgans, troughs. At the table, liquid food was poured into wooden bowls, jugs (for the poor) [34, p. 8].

Ordinary people, according to N.I. Kostomarova, was content with wooden vessels, which had the same shape as the precious ones, and bore the same names. Like utensils for food - mises, torrels, salt marshes, and drinking vessels - brothers, ladles, crusts, were made of wood in different places around the villages and sold in markets. These wooden products were decorated with carvings, which have long been the favorite decoration of things for the poor class. Noblemen did not shun wooden utensils, and burl vessels were used by the boyars and even kings and were considered luxury [34, p. 8].

Tree bark bast shoes are ancient shoes of the common people. In addition to bast shoes, worn shoes woven from twigs of the vine. Fur coats, according to N.I. Kostomarova, were the most elegant dress for the Russian, because the Russians, with the poverty of the nature of their fatherland, could only flaunt before others that furs. Many furs in the house were a sign of contentment and prosperity. The poor fur coats were sheepskin, or sheepskin coats, and hare, middle-aged people squirrel and cunny,

the rich - sables and foxes of different species: foxes, black-brown, black, gray. Fur coats from ermines were probably made, N.I. Kostomarov, only for panache [34, p 9].

In short, the forest fed, clothed, shod, warmed, protected from bad weather, and inextricably accompanied the Russian person in everyday life (furniture, utensils) and in travel (wooden saddles, carts in summer, sledges in winter, boats, ploughs and rooks on the water). Russian saddles were made of wood and dry veins, they were low, flat. The saddles were most often upholstered in Morocco with gold patterns, sometimes with velvet, and the bows were gilded. Winter men's sledges were covered with bearskin, and a Persian or Turkish carpet was placed on the back of the sledge. The horse's head was removed with chains, rings, colored feathers, and animal tails – Fox, wolf, or sable. The coachman waved a hare-skin hat with a saiga horn head [34, p. 15].

Russian road sledges, notes N. I. Kostomarov, were made mostly of tree bark or bast and preferred wooden ones for their lightness. They were covered with matting at the back, with skins on the sides, and covered with furs at the top. When going on the road, writes N. I. Kostomarov, the Russian dressed as warmly as possible: on his head he had a hat covered and lined with fur, on his hands warm mittens, on his feet fur buttons; on top he covered himself with a bearskin [34, p. 15].

They were more likely to travel along the rivers in boats, which could be found with oarsmen wherever the road adjoined the river. According to N. I. Kostomarov, it was possible to use state-owned ploughs and rowers with the state-owned Podorozhnaya. The size of the ploughs and the number of rowers on them were measured with the width of the river and the length of the path from one pier to another. The ploughs, on which many passengers were seated, were made wide, with one mast and usually with sixteen oars; cages and partitions were arranged under the deck for passengers and their Luggage. A huge canvas sail was tied to the mast, which was unfurled when the wind was fair. Instead of a rudder, a long and wide pole was used, lowered into the water [34, p. 15].

Both in winter and summer, the traveller took with him a large supply of bread, dried meat, fish, lard, honey, and other supplies collected from city to city.

The forest and its derivatives accompanied the Russian man in games, amusements, and amusements. The Russians had their own national instruments: harps, horns, snuffles, pipes, antimony (trumpets), domras, bagpipes, drums, copper horns [34, p. 18].

The favorite pastime of women in all classes, according to N. I. Kostomarov, were swings and boards. Swinging on the boards was like this: a Board was placed on a log, two women stood on the edges of it and, Bouncing, pumped one another [34, p. 18]. Skating on ice (wooden horseshoes with narrow iron bands), sledding in winter – the tree also played a primary role here.

According to N. I. Kostomarov, hunting was considered the most worthy sport of the upper class. In Russia, in his opinion, it was not only belonging to the upper classes, as in the West, because there were too many animals in the Russian forests [34, p. 18]. In

the XVI century, draught people had to go to the wolf, Fox and bear fields, which meant chasing the beast. Falconry and Gyrfalcon hunting have long been considered a noble sport of princes and tsars.

Russian society has played a very significant, if not decisive, role in the forest factor in the life of a Russian person in different periods of development. This situation is explained by the characteristics of the natural conditions of Russian communities living in the forest area. It was here that the economic life, the psychology of the forest dweller, and the main elements of complex forestry were formed.

Mastering the riches of the Russian forest region, forms of "forest exploitation" were in the sphere of research interest of famous historians of the XIX century, S. M. Solovyov, N. Ya. Danilevsky, V. O. Klyuchevsky, N. I. Kostomarov, etc. The review of their concept of Russian forestry will help to clarify the attitude of the scientific circles of the Russian society of the XIX century to the "forest factor", some aspects of the tsarist forest policy, which is a necessary basic element of the historiographical picture of the history of Russian forestry.

Settling on the plain, the Eastern Slavs occupied mainly the forest side of it. In this desolate, wooded region, the researchers noted, the newcomers engaged in fur trapping, forest beekeeping, and grain farming. The spaces convenient for these trades did not run in vast continuous strips: among the forests and swamps, it was necessary to find more open and dry places and clear them for arable land, or to make in the forest certain devices for hunting and beekeeping. Such places were remote from one another among the Islands of the sea, forests and swamps. It was on these Islands that the settlers set up their lonely courtyards, dug them out, and cleared fields for arable land in the vicinity, making borti and traps in the forest.

The nature of forestry and agriculture destroyed the idea of the indivisibility of ancestral property. The forest was adapted to fishing by the efforts of individual courtyards, the field was cleared by the labor of individual families. Such forest and field plots, according to Russian historians, should have received the meaning of private family property early.

Conclusions

Thus, the works of famous Russian historians of the XIX century touched on many important aspects of multifunctional forestry in ancient and medieval Russia. Without mastering this historiographical heritage, it is impossible to start writing a full-scale Russian forest history. Russian historical thought's contribution to the development of the forest problem and its role in Russian history will help to determine the formation of scientific and public opinion on this problem in Russia of the XIX century, to determine the historiographical heritage of forest history in the USSR and modern Russia.

In recent decades, forest history has focused on the evolution of the forest environment in connection with social and economic development. However, aspects

such as the need for and market for forests, agriculture and pastoralism, and the evolution of forest technology have had different impacts on forest ecosystems according to the processes, systems, and practices involved in these activities.

Therefore, more attention should be paid to the scale of research. A local scale that takes specific forests allows for the use of different sources (written documents, iconography, investigative materials, oral interviews, etc.), but this may be possible when integrating different research levels that also address common issues. Along this path of historical analysis of the environment, social and political factors that affect the forest – in time and space – much can be achieved in the effective management and development of forest resources.

References

1. Baluev B.P. Spory o sud'bakh Rossii: N.YA.Danilevskiy i yego kniga «Rossiya i Yevropa». [Disputes about the fate of Russia: N.Ya. Danilevsky and his book "Russia and Europe"]. M.: Editorial URSS. 1999. 280 p. [in Russian].
2. Bazhov S.I. Filosofiya N.YA.Danilevskogo [Philosophy N.Ya.Danilevsky]. M: RAS Institute of Philosophy. 1997. 216 p. [in Russian].
3. Danilevsky N.Ya. Darwinizm. [Darwinism]. T.1-2. SPb. 1885-1889. [in Russian].
4. Danilevsky N.Ya. Klimat Vologodskoy gubernii. [Climate of the Vologda province]. SPb: Type. Imperial Academy of Sciences. 1853. 226 p. [in Russian].
5. Danilevsky N.Ya. Rossiya i Yevropa. [Russia and Europe]. M: Kniga. 1991. 576 p. [in Russian].
6. Danilevsky N.Ya. Rossiya i Yevropa: Vzglyad na kul'turnyye i politicheskiye otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu / sostavleniye, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii A.A.Galaktionova. [Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romanesque / drafting, introductory article and comments by A. A. Galaktionov]. SPb: Publishing house "Glagol". 1995. 552 p. [in Russian].
7. Danilevsky N.Ya. Rossiya i Yevropa, [Russia and Europe]. M: ITS «Drevneye i sovremennoye». 2002. 550 p. [in Russian].
8. Danilevsky N.Ya. Rossiya i Yevropa / Sostavleniye i kommentarii YU.A.Belova / Otv. red. O.Platonov. Izd. 2-ye. [Russia and Europe / Compilation and Comments of Yu.A. Belova / Ed. ed. O.Platonov. Ed. 2nd.]. M: Institut russkoy tsivilizatsii, Blagosloveniye. 2011. 816 p. [in Russian].
9. Danilevsky N.Ya. Sbornik politicheskikh i ekonomicheskikh statey. [Collection of political and economic articles]. SPb: Type. brother. Panteleev. 1890. 684 p. [in Russian].

-
10. Danilevsky N.Ya. Statisticheskiye issledovaniya o raspredelenii i dvizhenii narodonaseleniya v Rossii za 1846 god. [Statistical studies on the distribution and movement of population in Russia for 1846]. SPb: Type. MIA. 1851. 447 p. [in Russian].
 11. Efremov A.V. Bor'ba za istoriyu. Kontseptsiya N.Ya. Danilevskogo v otsenke sovremennikov. [The fight for the story. The concept of N.Ya. Danilevsky in the evaluation of contemporaries]. M: Pashkov dom. 2006. 165 p. [in Russian].
 12. Efremov A.V. (2005). Bor'ba za istoriyu. VI.Solov'yov kak kritik N.Danilevskogo. [The fight for the story. VI.Solovyov as a critic of N. Danilevsky]. *Nash sovremennik*. 2005. №6. pp. 205-215. [in Russian].
 13. Entsiklopediya zhizni i tvorchestva N.I.Kostomarov (1817-1885). [Encyclopedia of the life and work of N.I. Kostomarov (1817-1885)]. Kiyev, Donetsk: Yugo-Vostok. 2001. 570 p. [in Russian].
 14. Galaktionov A.A., Nikandrov P.F. Slavyanofil'stvo, yego natsional'nyye istochniki i mesto v istorii russkoy mysli. [Slavophilism, its national sources and place in the history of Russian thought]. *Voprosy filosofii*. 1996. №6. pp. 120-130. [in Russian].
 15. Illeritsky V.E. S.M.Solov'yov. [S.M. Solovyov]. Otv.red. A.A.Preobrazhenskiy. M: Nauka. 1980. 192 p. [in Russian].
 16. Istoriografiya istorii Rossii do 1917 goda [Historiography of the history of Russia before 1917]. Ucheb.dlya stud.vyssh.ucheb.zav-y: v 2 t. / Pod red. M.YU.Lachayevoy. M: Vysshaya shkola. 2003. [in Russian].
 17. Kichurin V.V. S.M.Solov'yov: khristianin i uchonyy. [S.M. Solovyov: Christian and scholar]. SPb: Petropolis. 2001. 116 p. [in Russian].
 18. Klyuchevsky V.O. (1993a). Aforizmy. Istoricheskiye portrety i etyudy. Dnevnik. [Aphorisms. Historical portraits and sketches. Diaries]. M: Mysl'. 1993. 415 p. [in Russian].
 19. Klyuchevsky V.O. Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik. [Old Russian Lives of the Saints as a historical source]. M: AST, Astrel'. 2003. 395 p. [in Russian].
 20. Klyuchevsky V.O. (1991a). Etnograficheskiye sledstviya russkoy kolonizatsii Verkhnego Povolzh'ya. Vliyaniye prirody Verkhnego Povolzh'ya na narodnoye khozyaystvo Velikorossii i na plemennoy kharakter velikorossa. [Ethnographic consequences of the Russian colonization of the Upper Volga region. The influence of the nature of the Upper Volga region on the national economy of Great Russia and on the tribal nature of the Great Russian]. Klyuchevskiy V.O. Istoricheskiye portrety. Deyateli istoricheskoy mysli. M: Pravda. 1991. 623 p. [in Russian].
 21. Klyuchevsky V.O. Kratkoye posobiye po russkoy istorii. [Brief guide on Russian history]. M: Rassvet. 1992. 192 p. [in Russian].
-

-
22. Klyuchevsky V.O. Kurs russkoy istorii. [The course of Russian history]. M: Al'fa-kniga. 2017. 1197 p. [in Russian].
 23. Klyuchevsky V.O. Neopublikovannyye proizvedeniya. [Unpublished works]. M: Nauka. 1983. 416 p. [in Russian].
 24. Klyuchevsky V.O. O npravstvennosti i russkoy kul'ture. 2-ye izd. ispr. i dop. [On morality and Russian culture. 2nd ed. corrected and add.]. M: Drofa. 2006. 301 p. [in Russian].
 25. Klyuchevsky V.O. Polnyy kurs russkoy istorii. [Full course of Russian history]. M: AST, Astrel'-SPb. 2010. 544 p. [in Russian].
 26. Klyuchevsky V.O. (1993 $\bar{6}$). Russkaya istoriya: polnyy kurs lektsiy: v 3 kn. [Russian history: a full course of lectures: in 3 books]. M: Mysl'. 1993. [in Russian].
 27. Klyuchevsky V.O. Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy. [Russian history. Full course of lectures]. M: OLMA-PRESS Obrazovaniye. 2004. 831 p. [in Russian].
 28. Klyuchevsky V.O. Russkaya istoriya. [Russian history]. M: Eksmo. 2009. 912 p. [in Russian].
 29. Klyuchevsky V.O. Skazaniya inostrantsev o moskovskom gosudarstve. [Legends of foreigners about the Moscow state]. M: Prometey. 1991. 335 p. [in Russian].
 30. Klyuchevsky V.O. Sochineniya v devyati tomakh. [Works in nine volumes]. Pod red. V.L.Yanina. M: Mysl'. 1987-1990. [in Russian].
 31. Kostomarov N.I. (1996c). Gosudari i buntari. Gospodstvo doma Romanovykh do vstupleniya na prestol Yekateriny II: sb. monogr. I issled. [Sovereigns and rebels. The rule of the house of Romanov before accession to the throne of Catherine II: Sat. monograph and explored]. M: Charli. 1996. 480 p. [in Russian].
 32. Kostomarov N.I. Istoricheskiye proizvedeniya. Avtobiografiya. [Historical works. Autobiography]. Kiyev: Izd-vo pri KGU. 1989. 438 p. [in Russian].
 33. Kostomarov N.I. (1995 $\bar{6}$). Kazaki: sb. monogr. i issled. [Cossacks: Sat. monograph and research]. M: Charli. 1995. 608 p. [in Russian].
 34. Kostomarov N.I. Ocherk domashney zhizni i npravov velikorussskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh. [Essay on the domestic life and customs of the Great Russian people in the XVI and XVII centuries]. SPb: Tip. Karla Vul'fa. 1860. 215 p. [in Russian].
 35. Kostomarov N.I. Ocherk domashney zhizni i npravov velikorussskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh. [Essay on the domestic life and customs of the Great Russian people in the XVI and XVII centuries]. M: Respublika. 1992. 301 p. [in Russian].
 36. Kostomarov N.I. (1996 $\bar{6}$). Okno v Yevropu. Gospodstvo doma Romanovykh do vstupleniya na prestol Yekateriny II: sb. monogr. i issled. [Window to Europe. The rule of the house of Romanov before accession to the throne of Catherine II: Sat. monograph and research]. M: Charli. 1996. 624 p. [in Russian].
-

-
37. Kostomarov N.I. (1994c). *Raskol: Istoricheskiye monografii i issledovaniya*. [Split: Historical monographs and studies]. M: Charli. 1994. 608 p. [in Russian].
38. Kostomarov N.I. (1996a). *Russkiye inorodtsy: sb. monogr. i issled.* [Russian foreigners: Sat. monograph and research]. M: Charli. 1996. 608 p. [in Russian].
39. Kostomarov N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh yeyo glavneyshikh deyateley*. [Russian history in the biographies of its main figures]. M: Eksmo. 2011. 1024 p. [in Russian].
40. Kostomarov N.I. *Russkiye nrawy. Domashnyaya zhizn' i nrawy velikorusskogo naroda: sb. monogr. i issled.* [Russian customs. Home life and customs of the Great Russian people: Sat. monograph and research]. M: Charli. 1995. 656 p. [in Russian].
41. Kostomarov N.I. *Slavyanskaya mifologiya: sb. monogr. i issled.* [Slavic mythology: Sat. monograph and research]. M: Charli. 1994. 688 p. [in Russian].
42. Kostomarov N.I. (1994b). *Smutnoye vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya*. [Time of Troubles of the Moscow State at the beginning of the XVII century]. M: Charli. 1994. 800 p. [in Russian].
43. Kostomarov N.I. *Sobraniye sochineniy. Istoricheskiye monografii i issledovaniya*. [Collected Works. Historical monographs and studies]. SPb: Tipografiya M.M.Stasyulevicha. Kn.8, T.19. 1904. pp. 3-175. [in Russian].
44. Kostomarov N.I. (1995a). *Zemskie sobory: sb. monogr. i issled.* [Zemsky Cathedrals: Sat. monograph and research]. M: Charli. 1995. 640 p. [in Russian].
45. Lachaeva M.Yu. *Istoriya istoricheskoy nauki Rossii (dorevolutsionnyy period)*. [History of historical science of Russia (pre-revolutionary period)]. Uchebnik. M: Prometey. 2018. 646 p. [in Russian].
46. Leontyev K.N. *Vladimir Solov'yov protiv Danilevskogo*. [Vladimir Solovyov against Danilevsky]. *Slavyanofil'stvo i gryadushchiye sud'by Rossii*. M: Institut russkoy tsivilizatsii. 2010. pp. 813-913. [in Russian].
47. Litvak B.G. *Nikolay Ivanovich Kostomarov. Ocherk zhizni i tvorchestva*. [Nikolai Ivanovich Kostomarov. Essay on life and work]. *Kostomarov N.I. Ocherk domashney zhizni i nrayov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh*. M: Respublika. 1992. pp. 6-106. [in Russian].
48. Nechkina M.V. *Vasiliy Osipovich Klyuchevskiy: Istoriya zhizni i tvorchestva*. [Vasily Osipovich Klyuchevsky: The Story of Life and Creativity]. M: Nauka. 1974. 640 p. [in Russian].
49. Nikolsky S.A., Filimonov V.P. *Russkoye mirovozzreniye: Smysly i tsennosti rossiyskoy zhizni v otechestvennoy literature i filosofii XVIII-serediny XIX stoletiya*. [Russian worldview: The meanings and values of Russian life in Russian literature and

philosophy of the XVIII-mid XIX century]. M: Progress-Traditsiya. 2008. 416 p. [in Russian].

50. Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR. [Essays on the history of historical science in the USSR]. V 5 t. Pod red. M.V.Nechkinoy. M: Izd-vo AN SSSR. 1960. T.2. [in Russian].

51. Orlov A.S., Georgieva N.G., Georgiev V.A. Istoricheskiy slovar'. [Historical dictionary]. 2-ye izd. M: Prospekt. Moskva Moskva. 2012. 592 p. [in Russian].

52. Pinchuk Yu.A. Nikolay Ivanovich Kostomarov kak istorik. [Nikolai Ivanovich Kostomarov as a historian]. Kiyev: Naukova dumka. 1984. 190 p. [in Russian].

53. Pivovarov Yu.S. Nikolay Danilevskiy: v russkoy kul'ture i v mirovoy nauke. [Nikolay Danilevsky: in Russian culture and in world science]. *Mir Rossii*. 1992. T.1. №1. pp. 163-212. [in Russian].

54. Platonov O.A. Russkaya tsivilizatsiya. Istoriya i ideologiya russkogo naroda. [Russian civilization. History and ideology of the Russian people]. M: Algoritm. 2010. 944 p. [in Russian].

55. Polyakov Yu.A., Scherban N.V. Istoriya i politika: suzhdeniya V.O.Klyuchevskogo. [History and politics: the judgments of V.O. Klyuchevsky]. *Rossiyskaya istoriya*. 2013. №3. pp. 137-155. [in Russian].

56. Rubinstein N.L. Russkaya istoriografiya. [Russian historiography]. M: Gospolitizdat. 1941. 659 p. [in Russian].

57. Sakharov A.M. Istoriya Rossii v trudakh S.M.Solov'yova. [History of Russia in the works of S.M. Solovyov]. *Vestnik MGU*. 1971. Ser.9. Istoriya. №3. pp. 73-87. [in Russian].

58. Shikman A.P. Deyateli otechestvennoy istorii. Biograficheskiy slovar'-spravochnik. [Figures of national history. Biographical dictionary reference]. M: AST. 1997. 896 p. [in Russian].

59. Shlyupikov M.V. Russian wood and Russian history: researchers about the role wood in the institution of the Russian state system // International Conference on advances in forest and woodland History. University of Nottingham, UK, 2-6 September 1996. Program. P. 6. ; *Shlyupikov M.V.* Wood household in Russia in period of the antiquity and the middle ages in researches of the historians // Multiple forestry from the past to present times. Symposium, organized by abject Group S 6.07. Forest History and Worked Party History in the Austrian Forest Society 2-4 May 1996, Forstliche Ausbildungsstätte Ort, Gmunden / Ostrich. Program. P. 4. ; *Shlyupikov M.V.* Russian wood and forest resources in Russian historical thought // International Conference «History and forest resources», Florence, 20-23 May, 1998. International

Union of forestry research organization Italian Academy of forestry science. Programs. P. 3.

60. Solovyov S.M. (1993). *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen*. [The history of Russia since ancient times]. T1. M: Nauka. 1993. [in Russian].

61. Solovyov S.M. *Sochineniya*. [Works]. V 18 knigakh. M: Golos; Kolokol-Press. 1993-1998. [in Russian].

62. Tsimbaev N.I. *Sergey Solov'yov*. [Sergey Solovyov]. M: Molodaya gvardiya. 1990. 367 p. [in Russian].

63. Tsimbaev N.I. *Slavyanofil'stvo: Iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX v.* [Slavophilism: from the history of Russian socio-political thought of the XIX century]. M: Izd-vo MGU. 1986. 269 p. [in Russian].

64. Vernadsky G.V. *Russkaya istoriografiya*. [Russian historiography]. M: Agraf. 2000. 448 p. [in Russian].

65. Zamlinsky V.A. *Nikolay Ivanovich Kostomarov istorik*. [Nikolai Ivanovich Kostomarov historian]. *Kostomarov N.I. Istoricheskiye proizvedeniya. Avtobiografiya*. Kiev: Izd-vo Kiyev.gos.un-ta. 1989. pp.652-670. [in Russian].

66. Zamlinsky V.A. *Zhizn' i tvorchestvo N.I.Kostomarova*. [Life and creativity N. And. Kostomarov]. *Voprosy istorii*. 1991. №1. pp. 234-242. [in Russian].

Information about the authors

Lupikov Mikhail Vladimirovich, candidate of historical Sciences, associate Professor of world history and international relations of the Karagandy state University. Named after E. A. Buketov, Karagandy, Republic of Kazakhstan, ShlyupikovM@mail.ru

Chlapikova Maria M., bachelor of ecology and environmental management (MSU M. V. Lomonosova), a master's student in ecology and nature management, Russian University of peoples ' friendship (RUDN University) masha.97sh@gmail.com Moscow, Russian Federation

РЕЦЕНЗИИ

Уикхем К. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА: ОТ ПАДЕНИЯ РИМА ДО РЕФОРМАЦИИ / КРИС УИКХЕМ; ПЕР. С АНГЛ. – М.: Альпина-нон-фикшн, 2019. – 536 с.

Крис Уикхем по праву считается одним из самых авторитетных британских медиевистов. Его отличают широта взглядов, открытость к дискуссии (в том числе в отношении марксизма), критический взгляд на устоявшиеся в исторической науке догмы. В этом контексте представляет значительный авторитет выход на русском языке его монографии «Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации». Остановимся лишь на некоторых важнейших положениях этой фундаментальной работы.

Уже в первой главе своей книги К. Уикхем наносит жёсткий удар по традиционным подходам. Он считает, что многих авторов трудов о Средневековье «заботит в первую очередь происхождение нынешних государств и другие аспекты «современности» в их понимании, поэтому для них смысл средневекового периода заключен именно в результатах и итогах» (с.21.). К.Уикхем считает подобный подход в корне ошибочным: «История лишена целесообразности, историческое развитие не стремится к чему-то, а отталкивается от чего-то. Более того, с моей точки зрения, бурный период Средневековья представляет самостоятельный интерес и его не обязательно рассматривать через призму последующих событий» (с.21.). На наш взгляд, в исторической науке все жанры хороши, кроме скучного. Нет ничего ошибочного ни в изучении происхождения государств, ни в поиске причинно-следственных связей, ни в рассмотрении Средневековья в более широком историческом контексте. Не случайно К.Уикхем уточняет свою позицию: «Это отнюдь не означает, что средневековая история Европы представляет собой водоворот событий, не имеющих никакой логической связи, кроме принадлежности к произвольно выбранному тысячелетнему временному отрезку. Вовсе нет. Средние века размечены четко обозначенными переломными моментами, из которых и складывается этот исторический период» (с.21-22).

К «переломным моментам» К. Уикхем относит: падение Западной Римской империи в V в.; кризис Восточной Римской империи, столкнувшейся с подъемом ислама в VII веке; экспериментальный проект Каролингов по созданию высокочувствительного государства на рубеже VII-IX вв.; распространение христианства в Северной и Восточной Европе в X в.; радикальную децентрализацию политической власти на Западе в XI в.; демографический и экономический рост с X по XIII век; восстановление политической и религиозной власти на Западе в XII-XIII вв.; закат Византии в тот же период; черную смерть и развитие государственных органов в XIV в.; вовлечение более широких слоёв населения в публичную сферу на рубеже XIV-XV вв. (с.22.). К. Уикхем полагает, что эти переломные вехи связаны между собой чередой структурных изменений, в числе которых: «упадок и последующее возрождение понятий общественной власти, переход от налогообложения в качестве основного источника государственных ресурсов к землевладению и обратно, влияние письменности и грамоты на политическую культуру, развитие во второй половине Средневековья законодательно закрепленных и четко очерченных моделей местного управления и самоопределения, под влиянием которого изменились взаимоотношения правителей и подданных» (с.22).

По мнению К. Уикхема, есть два распространенных подхода к Средневековью (*автор и в этом случае не называет конкретных имён*): «представлять людей того времени «такими же, как мы», просто живущими в технологически менее развитом мире (мечи, лошади, пергамент и никакого центрального отопления), – или показывать их бесконечно далекими от нас, носителями совершенно непостижимых ценностей и мировоззрения, часто неприемлемых для нас и требующих значительной перестройки сознания, чтобы посмотреть на происходившее с точки зрения средневековой логики и мотивов» (с.29-30). Первый подход чреват «скатыванием в банальность или морализаторство», второй – «увлеченностью на грани умиления» (с.30.). К. Уикхем пытается осторожно совместить оба вышеназванные подходы.

В главе «Рим и его западные преемники. 500-750 гг.» К. Уикхем ставит вопрос: «Почему пала Римская империя?» и даёт на него свой ответ: «Если коротко – она не пала» (с.53.). Он отмечает, что восточная часть Римской империи (*нынешние Балканы, Турция, Египет и страны Леванта*), «благополучно пережила раскол и завоевание западной части (нынешней Франции, Испании, Италии, севера Африки, Британии) иноземцами, происшедшие в V веке» (с.53.). К. Уикхем

утверждает, что Восточная империя продержалась ещё тысячу лет, пока не покорилась османам: «Те, переняв у Византии (Рима) ряд основополагающих принципов финансового и административного устройства, принялись строить собственную империю со столицей в бывшем Константинополе, ныне Стамбуле. Таким образом, в определенном смысле Римская империя просуществовала до Первой мировой войны, когда рухнуло и Османское государство» (с.53.).

Что касается Западной Римской империи, то она пала под ударом «варваров», хотя возникает резонный вопрос, насколько «варварскими» были на самом деле германские народы? К. Уикхем напоминает: «Почти все они (за исключением франков), прежде чем основать независимые королевства, какое-то время провели в римских провинциях, зачастую носили военизированную римскую одежду, а также перенимали другие римские особенности. Разные группы готов, в частности, вполне можно рассматривать как вышедшие из повиновения римские войска, в составе которых имелось достаточно неготов, в том числе, несомненно, римского происхождения» (с.59.). «Почти все предводители «варваров», – констатирует К. Уикхем, – женились на представительницах римской знати, а римские военачальники (включая Рицимера и Одоакра), нередко сами происходили из «варваров» (с.59.). Наконец, все эти правители, кроме правителей самых северных провинций, исповедовали христианство.

В то же время, по мнению К. Уикхема, при всей «романизации» варварских королевств в первое столетие их существования начались необратимые изменения. *Первая перемена* заключалась в том, что «германские народы уже не называли себя римлянами», а «римляне начинали воспринимать себя готами и франками» (с.61.), то есть «менялась самоидентификация, и звание римлянина, столетиями выступавшее надежным показателем положения и культуры, это свойство утрачивало» (с.61.). *Вторая перемена* заключалась в том, что «прежнее единство Запада, от Адрианова вала до Сахары, исчезло безвозвратно. Даже Юстиниану – а тем более никому после него – не удалось завоевать Средиземноморье целиком» (с.61.). *Третья перемена* была самой важной: «Римской империей управлял разветвленный чиновничий аппарат, финансируемый за счет развитой налоговой системы» (с.62.), однако, «когда западная часть империи начала дробиться на королевства, резко оборвалось перераспределение налоговых поступлений» (с.63.).

К. Уикхем считает, что интересы новой германской элиты не совпадали с интересами её предшественников – римских военачальников-бунтарей: «Те гнались в основном за деньгами, которые давала политическая власть, а сменившим их германцам нужно было другое – владеть землей, как владела ею та самая провинциальная знать, с которой они теперь соседствовали и над которой властвовали. Это вполне римское желание имело самые неблагоприятные для Рима последствия: постепенно исчезала необходимость содержать осевшую на землю армию. Отпадала потребность в налогообложении, а поскольку сбор налогов и так вызывал трудности и неприятие, рано или поздно власти от него отказывались. Впрочем, «варварские» короли собирали налоги до тех пор, пока им это удавалось» (с.63.). Как результат, к VIII веку модели управления в новых королевствах стали намного примитивнее: «у них формировались собственные отличительные черты: во Франкском государстве – собрания, определявшие политику государства, а также эффективная и, как правило, имевшая регулярную основу военная машина; в Испании – сильная морализация верховной власти и приверженность церемониям; в Италии – тип «всепроницающего» правления, для которого характерны внимание в детали, действие на опережение и быстрая ответная реакция» (с.83-84). Все эти принципы, отмечает К. Уикхем, позже были взяты на вооружение Каролингами (с.84.).

Рассматривая кризис и реформы на Востоке (500-850/1000 гг.), К. Уикхем отмечает, что если бывшая Западная Римская империя в начале VI в. пребывала в неопределенности, то Восточная переживала подъём, особенно при Юстиниане: «По торговым путям, расчертившим все Восточное Средиземноморье и Эгейское море, в Константинополь и другие крупные города поступало вино из Газы, оливковое масло из Сирии и Анатолии, египетское зерно и папирус, египетский и сирийский лён, керамика с Кипра и островов Эгейского моря» (с.84). В основе этого товарообмена лежала «система податей, в рамках которой продовольственную и другую везли на север, в Константинополь и к военной границе на Балканах, а также на восток, к персидской границе по Евфрату» (с.85-86.). При этом величайшие богатства Византии «сосредотачивались вне её европейской территории, преимущественно в Египте и странах Леванта» (с.86.). Налоговая система Юстиниана не могла выдержать несколько войн одновременно, но «правление этого императора бесспорно демонстрирует возможности, которые целеустремленный властитель мог рассматривать и частично воплощать в жизнь» (с.87.).

Характеризуя эпоху арабских завоеваний, К.Уикхем констатирует: «За восемь лет Римская империя уступила две трети своей территории и три четверти ресурсов, а оставшуюся часть обороняла от богатого и опасного врага. Чтобы выстоять, нужно было меняться, и она менялась» (с.91.). В первую очередь пришлось организовать оборону гораздо дальше Центральной Анатолии, за Таврскими горами, создав военные округа (*фемы*) в Западной Анатолии, где войска кормились с земли, на которую были посажены в качестве компенсации за урезанное жалованье. Последним крупным посягательством на Византию стала великая осада Константинополя арабами в 717-718 гг. «К 700 году, – резюмирует К.Уикхем, – Византийская империя сильно отличалась от империи образца 600 года. Центр тяжести к этому времени сместился на запад, политическое «сердце» теперь находилось на Эгейском море, к которому имел выход Константинополь» (с.93). Подлинное владычество Византии ограничивалось восточной кромкой греческого побережья и несколькими отдельными городами на западной стороне и на Адриатике (с.93). Главенствующее положение обретали «западные области империи – ось Равенна – Рим – Неаполь, а также Сицилия и север Африки. Все они, за исключением Северной Африки, были меньше подвержены арабской угрозе» (с.94).

По мнению К. Уикхема, западная историография смотрит на арабские завоевания и на падение Западной Римской империи «через призму морализаторства, рассуждая о крахе цивилизации и имперских амбиций, а также о триумфе варварства. И в том и в другом случае это лишено смысла, но, учитывая высокое развитие Халифата, применительно к нему это бессмысленно вдвойне. Смотрели на них и сквозь ориенталистскую призму: в этот период Восточное и Южное Средиземноморье перестало быть частью той же цивилизации, что и северное побережье, и стало чужеземьем» (с.100). Это тоже ошибочный подход, но более коварный, ибо тут есть доля истины: «арабоязычная культура была действительно непроницаема для латино- и грекоязычной Европы, за исключением одной-двух точек соприкосновения – Аль-Андалуса, затем Сицилии, а позже – великих итальянских торговых городов, которым необходимо было налаживать взаимодействие с богатыми областями Средиземноморья. Кроме того, – уточняет К. Уикхем, – христианским государствам слишком легко было увидеть в мусульманах экзистенциальную угрозу – и иногда именно этим они руководствовались в своих действиях, самым драматичным примером чего служат крестовые походы» (с.100-101).

Особое внимание К.Уикхем уделяет «*каролингскому эксперименту*» (750-1000 гг.). По его словам, Франкская империя Карла Великого и Людовика Благочестивого «существенно превосходила размерами любое другое политическое образование средневековой Европы, поскольку включала в себя территории современной Франции, Германии и Нидерландов, частично захватывая северную Италию, Каталонию и Австрию» (с.111). Это, однако, не означает, что каролингские правители осознавали, к чему ведут их действия: «Свою задачу они видели в основном как нравственную, даже теологическую» (с.111.). Любой политический манёвр «получал подчеркнуто нравственно-религиозное воплощение и выражался в программных текстах» (с.129.). Говоря о *методах контроля* над империей Каролингов, К.Уикхем отмечает, что одним из таких методов было *гибкое единство*: «над каждой областью стоял граф, аристократ, зачастую присланный из других мест, который вершил правосудие и командовал войсками (а это, как мы знаем, два «кита» государственного управления. На границах создавались более военизированные провинции – марки. На местных судебных собраниях (*placita*) распространённой практикой стало избирать скабинов, представителей местной верхушки, которые вершили суд от имени графа. Правда, нововведением это не назовешь: такие представители существовали повсюду и прежде, это было, скорее, упорядочение. Графы определенно выделялись проводниками королевской власти» (с.123.).

Рассматривая процесс *расширения границ христианской Европы* (500-1100 гг.), К. Уикхем отмечает: «Первой, в V-VI веках, крещение приняла Ирландия, затем пиктская часть Шотландии, Англия и центральная Германия – в VII веке, Саксония – насильно, как мы уже видели, – после завоевания Карла Великого, в VIII столетии, Болгария, Хорватия и Моравия – в IX веке, Польша, Русь (куда входили земли европейской части России и Украины) и Дания – в конце X века, Норвегия, Исландия и Венгрия – на рубеже X-XI веков, Швеция – более медленными темпами в течение XI века» (с.142). По словам К. Уикхема, пять разных территорий дают пять примеров воздействия христианизации: в *Ирландии* Церковь «быстро встроилась в децентрализованную структуру ирландских королевств и ввела дополнительный усложняющий фактор в их взаимодействие» (с.164); в *Англии* Церковь с самого начала «служила связующим звеном и во многом способствовала приобщению мерсийских, а затем западносаксонских правителей к общей западноевропейской (то есть франкской) политической и даже морально-политической парадигме» (с.164); в *Дании* политическая система

«во вкладе Церкви нуждалась мало» (с.164); в *Норвегии* Церковь «служила существенной опорой, пусть и слабому, владычеству правителей над изолированными и часть нежелающими подчиняться областями» (с.164); в *Польше* Церковь «связующего воздействия не оказывала и верховная власть дробилась» (с.164). Таким образом, заключает К. Уикхем, «общих моделей развития у нас почти не наблюдается» (с.164.), но были общие черты в развитии регионов. *Во-первых*, «каждому из этих государств христианизация прививала привычку к более систематической опоре на письменность» (с.165). *Во-вторых*, наблюдалось постепенное ослабление «крестьянской независимости во всех северных землях» (с.165.). *В-третьих*, наблюдалось постепенное сближение новых христианских государств «с франкским и постфранкским пространством Западной Европы» (с.166.).

К. Уикхем детально рассматривает *передел Западной Европы (1000-1150 гг.)*. По его словам, в XI в. политическая власть стала более локализованной и четче разграниченной: «Её проводниками, – пишет К. Уикхем, – часто выступали фигуры настолько мелкие, что каролингская знать не признала бы их равней. В утверждении своей власти сеньоры – и города – были достаточно изобретательны, присваивая права изначально незаконными способами, которые, стоило сеньору утвердиться, возводились в ранг закона. Это была новая структура власти; она сохраняла достаточную преемственность с прежней (в частности, в кодексе аристократических принципов и ценностей, которые почти не изменились), однако с этого времени практическая власть требовала знать и учитывать подробно прописанные права и поземельные отношения. Могущество королевской власти, разумеется, восстанавливали, и зачастую довольно быстро – и Рожер II на Сицилии в 1120-1140-х годах, и Генрих II в Англии в 1150-116-х, и Фридрих Барбаросса в Германии, а также (с меньшим успехом) в северной Италии с 1150-1170-х, и папы от Иннокентия II до Иннокентия III во второй половине того же века, а затем Филипп II во Франции в 1200-1210-х годах» (с.199-200). «Но, – развивает свою мысль К. Уикхем, – восстанавливая верховное могущество, и эти правители, и другие опирались на ячеистую структуру фактической власти, а не на прежний уклад и королевскую идеологию (разве что в совсем незначительной степени)» (с.199). Кроме того, публичность, унаследованная Каролингами и Оттонами от Римской империи, «исчезла почти повсюду, и ее приходилось возрождать – на разной основе» (с.200).

Говоря о *долгом экономическом подъёме*, К. Уикхем отмечает: «В промежутке с 950 по 1300 год население Европы увеличилось в три раза; чтобы накормить его, проводилась обширная расчистка земель со сведением лесов и распашкой некультуренных пастбищ; по всему континенту появлялись новые и развивались уже существующие города, в которых товары (прежде всего металлические изделия и текстиль) производились теперь на профессиональной ремесленной основе, гораздо менее распространенной прежде. А рынок сбыта стал шире» (с.201), причём «люди и товары повсеместно перемещались на более далёкие расстояния, особенно начиная с 1150 года; многообразие товарного обмена, характерного для запада и юга Европы, постепенно распространялось и на север. По средневековым меркам это был экономический бум» (с.201). При этом К. Уикхем считает неверным мнение, что для активного товарообмена необходимы монеты: «Это не так. Почти для любой системы обмена, как сейчас, так и в прежние времена, крайне важен кредит, а кредитные соглашения, даже достаточно сложные, могут строиться и на безналичном расчете» (с.213.). По мнению К. Уикхема, демографическая экспансия также имела место, но её масштабы определить сложно (с.202).

В этот период усилился также *гнёт со стороны землевладельцев* (с.207), причём, по словам К. Уикхема, политико-административные права сеньора – право взимать плату за правосудие, право на пастбища, лесные угодья пользование мельницей, право забирать рабочую силу для транспортировки, строительства и охраны замков, а также вводить ситуативные и иногда достаточно крупные отчисления – могли разрастаться до достаточно обременительных поборов в дополнение к ренте (с.209). При этом поборы всё чаще взимались в денежной форме (с.212). Что касается *урбанизации*, то её доля в классическом Средневековье была невелика (с.214.). Города действовали на двух разных экономических и географических уровнях. Первый уровень – простой обмен между городом и селом (с.221.). Второй уровень – дальняя торговля (с.222). Наконец, в XII-XIII веках наметилась ещё одна тенденция, которая в долгосрочной перспективе связала сельскую и городскую экономики, – это аграрная специализация (с.225.). Постепенно целые области начали специализироваться в производстве на экспорт (с.226.).

К. Уикхем отмечает *неоднозначность восстановления централизованной власти* в 1150-1300 гг. Так, по всей латинской Европе централизованная власть после сокращения вновь начала разрастаться и/или становиться более могущественной.

Среди достижений этого периода – «более широкое использование письменности, развитие представлений об отчетности, развитие законодательства, постепенное расширение возможностей решения проблем» (с.232.), но эти процессы протекали по-разному в различных странах:

– так, *Франция* даёт пример политической унификации при Филиппе II, который удвоил свои ресурсы и вчетверо увеличил территорию королевского домена (с.232-233). При Филиппе IV королевская власть упрочилась почти во всей Франции (с.233.);

– особенность *Англии* заключалась в том, что «высшая аристократия не стремилась к утверждению независимой власти на местах, а воспринимала государственное управление как обязанность и прерогативу не только королевскую, но и свою» (с.235). В XIII веке английское государственное управление продолжало совершенствоваться, но усиливалась и власть аристократии», поскольку «возрождённое королями налогообложение требовало согласия королевских собраний баронов и рыцарей (а к концу столетия и представителей городов, которые к 1230-м стали называться парламентами)» (с.235);

– у *Кастилии* отправная точка была иной: «Ни одно из крошечных королевств северной Испании начала XI века не располагало достаточно развитой инфраструктурой – даже крупнейшее из них, Леон, ставшее частью королевства Леон и Кастилия» (с.236). Однако вскоре «кастильские короли перешли, как во Франции и Англии, к делегированию управления и правосудия на местах сменяемым чиновникам» (с.237);

– *Венгрия* начала перенимать у франков инфраструктуру, превращая наследственную власть над бывшими вождями-кочевниками в нечто более организованное» (с.238);

– крепла централизованная власть и на юге Италии, где Рожер II «объединил все нормандские княжества, и папа Анаклет II признал его в 1130 году королем» (с.239).

Но почему же переход к централизованной власти не произошёл в Германии? По мнению К. Уикхема, спрашивать, почему в Германии не складывалось единое государство, неправомерно: «На самом деле усиление политической власти все же имело место, но не уровне верховной королевской. Оно шло в княжествах, графствах, небольших сеньориях, епархиях и независимых городах» (с.244.).

Таким образом, констатирует К. Уикхем, Западная Европа XII-XIII вв. двигалась «по пути усиления централизации власти на основе ячеистой структуры XI века. Право давало больше возможностей для контроля, методы коммуникации и отчетности делали этот контроль более оперативным, но ячейки, то есть местные сеньории и городские или сельские общины, в основном никуда не исчезали» (с.272).

В своём основательном труде К. Уикхем отдаёт дань популярной сегодня *гендерной тематике*. В частности, он считает, что в позднесредневековой культуре наблюдалось несколько четких тенденций: «внутренняя противоречивость возникавших у женщин возможностей, появление все большего количества свидетельств (часто в форме художественного повествования) о культурных установках и обычаях ширящегося круга социальных групп, рост внутреннего единства социальных слоев и более четкое установление общественных границ, сопровождающееся усилением тревожности и потенциальной враждебности к аутсайдерам» (с.330). Подоплекой этих тенденций служили более общие процессы: «развитие экономики, что обусловило как расширение, так и сужение возможностей для притязаний женщин на ведущие роли» (с.330); «устойчивое распространение грамотности, которое одновременно демонстрировало и обостряло растущее расслоение; а также противоречия и двойственность, связанные с укреплением централизованной и местной власти» (с.330).

К. Уикхем обозначает *три важнейшие вехи*, оказавшие существенное влияние на европейскую историю в эпоху Позднего Средневековья: пандемия чумы (1347-1352 гг.), Столетняя война между Англией и Францией (1337-1453 гг.) и Великая Папская схизма (1378-1417 гг.). Он констатирует, что к концу XV века самым богатым и могущественным государством Европы оказалась Османская империя, опиравшаяся на фискальные модели Византии и Халифата (с.368). Богатейшим государством на Западе была Франция. На третьем месте находились Англия и Кастилия. За ними следовали Венгрия, Неаполь/Сицилия, Арагон и некоторые германские города. «Должен подчеркнуть, – резюмирует К. Уикхем, – что в вышесказанном нет никакой этической оценки, исключительно структурные выводы» (с.368).

В целом, полемически заострённая работа К. Уикхема стала ценным вкладом в современную медиевистику. Широкое использование сравнительного метода позволило британскому историку выстроить оригинальную концепцию Средневековья, учитывающую как наработки различных научных школ, так и

современные тренды. Не со всеми тезисами К. Уикхема можно согласиться, но это нисколько не умаляет научной значимости и новизны его фундаментального труда, который заслуживает самого внимательного прочтения и тщательного анализа.

М.Е. Шайхутдинов

IRSTI 94.456.1

NEW SOURCE ON THE HISTORY OF JUCHID DYNASTIES

Halit Eren, Ashirbek Muminov, Selahaddin Uygur

Research Centre for Islamic History, Art and Culture (IRCICA), Istanbul, Organization of Islamic Cooperation

Abstract. The article aims to introduce into scholarly circles the new source entitled “Fadhlakat aqwal al-akhyar” by the Ottoman historian and bibliographer Katib Çelebi (1609–1657). His book on the world history had been preserved in a single, unique copy and was not been published until now. Among others, it contains a special section entitled “Branches of Chingizids,” which outlines the history and provides genealogies of the Juchid dynasties.

The significance of “Fadhlakat aqwal al-akhyar” for the study of the history of the Golden Horde, its sources, and the methods of Katib Çelebi in interpreting data from various sources are determined. The annex presents the original typed texts in Arabic, Persian, and Turkish, genealogical schemes of the Juchid rulers, and photo illustrations from a unique manuscript.

Keywords. Ottoman historiography, Juchids, history of ruling, genealogy, Ottoman view on the history of Juchid rulers.

Introduction. In order to broaden the research on the history and culture of the Golden Horde, further findings of new sources has great importance. One of these little-known written works is the book “Fadhlakat aqwal al-akhyar fi ‘ilm at-ta’rikh wa-l-akhbar” by the medieval Ottoman encyclopedic scholar and historian Mustafa ibn ‘Abdallah al-Qunstantini, known as Katib Çelebi (1609–1657). His unique book on the world history has been preserved in a single autograph manuscript [1] and has not yet been fully published [2]. This publication aims to contribute to the scientific research with a section on the history of the Juchid rulers from this historical work [1, f. 185ᵒ-187a]. The above mentioned section provides a brief historical background on the Juchid rulers and their genealogy. Two subsections (shu’ba) are highlighted in it: 1) “Great Steppe” (ad-Dasht); 2) “Shaybekids” (Shaybekiya). Inside the Great Steppe there are three sections: a) Blue Horde (Kök Orda); b) White Horde (Aq Orda); c) “Rulers of Khorezm” (Salatin Khwarazm).

Life and Achievements of the Author

Mustafa ibn ‘Abdallah al-Qunstantini was born in Istanbul in 1017/1609. His father ‘Abdallah Efendi, a graduate of the palace school of officials (Enderun), served in the Topkapı Palace (Divan-i Humayun) in the account department for Anatolia (Anadolu Divan Muhasebeciliği Kalemi) as a “palace squire” (silahdar). When Mustafa was 14 years old in 1623, he began to serve the sultan as an assistant to his father

(şagird). However, in 1628, he lost his father and after that at the very same year his uncle passed away. In 1629, Mustafa received a commission in the Topkapı Palace, Department of Cavalry Affairs (Süvari Mukabelesi Kalemî). In 1645, he had to resign after a 20-year of service due to a conflict with his boss (Mukabele başhalifesi) related to the problems in promoting his career.

After leaving the public service, he completely devoted his life to science. He pursued his studies in science, became interested in reading books, and expanded his private library. Due to his social position and scientific activity, he became famous in society under two pseudonyms: among the 'ulama' as "Katib Çelebi", and among officials of the Sultan's Palace – "Hajji Khalifa" [3, p. 36-40].

Literary Achievements

Katib Çelebi is the author of more than 20 works. He composed works on various branches of science such as geography, literature, jurisprudence, theology, bibliography and history [4, p. 96]. These works have not yet been studied and published adequately.

The geographical views and scientific interests of Katib Çelebi are evidenced by his geographical and astronomical writings: "Cihan-numa," "Lavami' al-nur fi zulumat-i Atlas Minur," "Ilham al-muqaddas min fayd al-Aqdas" and others. His works on the history of non-Muslim peoples of Europe, compiled on the basis of translated works (from Latin and Greek): "Tarjuma-yi ta'rikh-i Frengin", "Ta'rikh-i Qunstantiniya wa-qayasira", "Irshad al-khiyara ila ta'rikh al-Yunan wa-r-Rum wa-n-nasara." Experts think that Katib Çelebi's interest in Western sources is related to an awareness of the military strength and technical supremacy of the West. Educated Ottoman Turks were well aware of the reasons behind the success of Europeans in gradually establishing control on the seas and land – which had to do with a sound knowledge of geography and the availability of technology for the production of advanced weapons [5].

Katib Çelebi was a patriot and very loyal towards his country. He believed that the condition of longevity and prosperity of the state relies on the implementation of balanced politics (siyasa). He distinguishes two types of policies: rational (siyasa 'aqliya), which is based on reason, and Shari'a (siyasa shar'iya), which is based on the laws derived from the Qur'an and Muslim tradition (Sunna). All affairs in the Islamic state are decided in line with Shari'a policy, because, as Katib Çelebi writes, it is better than a policy based only on reason, and the rulers of Islamic states that implementing Shari'a law, will be happy with the happiness of two worlds – this world and the other world. He outlines his stance regarding the Islamic sciences in his following writings: "Dustur al-'amal li-islah al-halal", "Rajm ar-rajim bi-s-sin wa-l-jim", "Sharh tafsir al-Baydawi", "Husn al-hidaya fi sharh al-risala al-muhammadiyya", "Jami' al-mutun min jall al-funun."

His caliber as an encyclopedic scholar is clearly manifested in such works as the encyclopedic dictionary "Tuhfat al-akhyar fi-l-hikam wa-l-amthal wa-l-ash'ar", "Durar-i muntashira wa ghurara-i muntashira", etc. In his encyclopedic dictionary, he collected

philosophical and literary stories, useful and entertaining information of various kinds, verses, wise words, proverbs, sayings and etc. from essays in Arabic, Persian, and Turkish. The German scholar Gustav Flügel considered Katib Çelebi as one of those who influenced the formation of the ideas of the Islamic encyclopedia [6, Volume 1, p. 44].

In the Western scholarship, Katib Çelebi became famous primarily for his biographical and bibliographic work “Kashf az-zunun ‘an asami al-kutub wa-l-funun”. The German orientalist Franz Babinger (1891–1967) called him the “Greatest scholar of the Ottomans” (der größte Polyhistor der Osmanen) [7, p. 196]. Some scholars called him as “as-Suyuti of the Ottoman Turks”, offering, therefore, a comparison between his talent and the unusual versatility of the Egyptian Muslim scholar Jalal ad-din as-Suyuti (1445-1505) [4, p. 96].

Katib Çelebi as a Historian

His first and voluminous work on history was “Fadhlakat aqwal al-akhyar fi ‘ilm at-ta’rikh wa-l-akhbar” (other names: “Fadhlakat at-tawarikh”, “Ta’rikh-i kabir”, Arabic “Fadhlaka”) composed in 1641 in Arabic. A year after the completion of its draft (musawwada), the author resumes his work, as the colophon of the manuscript indicates the date of Rabi’ II 1052/July-August 1642 [1, folio 313a]. This work by Katib Çelebi was written in the genre of “world histories” (Universal History) and covers the period from the creation of the world to the events unfolded in the year mentioned above. It encompasses the history of 150 states and 1,500 rulers [7, p. 196].

His second historical work “Taqwim at-tawarikh” corresponds to “Fadhlakat aqwal al-akhyar” in content. It is a kind of chronological table of the author’s first historical work, and resembles a re-arrangement of it. It was completed in 1648 in two months [9, volume 3, p. 86; 7, p. 196].

His next work on the history of the Ottomans from 1591 to 1655 (1000–1065 hijri) was “Ta’rikh-i Fadhlaka” (Other name: “Turkish Fadhlaka”, “Ta’rikh-i saghir”) written in Turkish [7, p. 196; 12, p. 541-542]. The fourth work of Katib Çelebi on the history of the Ottomans’ sea battles “Tuhfat al-kibar fi asfar al-bihar” was completed in 1656.

The main goal of Katib Çelebi as a historian was to outline a general history in order to derive a lesson for modernity. In addition to his excellent proficiency in Arabic and Persian, he also mastered ancient Greek and Latin.

Katib Çelebi was engaged in a systematic historical research and conducted analyses of the reasons behind the development of human civilization and the states. He took the position of the great Arab-Muslim historian Ibn Khaldun (1332–1406) on the need to follow a critical method in the field of the science of history. Katib Çelebi believed that the goal of historical science is to discover the universal laws of the development of society and the state. Unlike Ibn Khaldun, he believed that even if the government is in the state of decline, it can be saved from destruction with the help of energetic efforts of wise rulers.

Katib Çelebi's views on history were influenced by the humoral theories of Hippocrates and Galenos – ancient medical scientists, by the socio-political concept of the medieval Muslim philosopher Abu Nasr al-Farabi and especially by the social teaching of Ibn Khaldun, who is considered to be the founder of the philosophy of history [4, c. 97].

Katib Çelebi also develops the doctrine of human society as an organic whole and provides methods for saving the Ottoman state from decline and death. Katib Çelebi's ideas on the nature of power, state and civilization aimed at developing ways to recover the Ottoman Empire from the state of decline. In this regard, modern scholars place him among the reformers of the middle Ages [5].

Manuscript of “Fadhlakat aqwal al-akhyar”

As is known, two years after the author's death, all his books were sold out. As a result, his private library was shattered [8, p. 6]. A significant part of it, along with autographs of the works by Katib Çelebi, fell into the hands of 'Izzeti Mehmed Efendi [3, p. 36-37].

The work has been preserved in a single manuscript, which entered into the Beyazit Devlet Kütüphanesi library and received the number 10318. The manuscript is an autograph. It consists of seven flyleaf sheets with some notices [1, f. 0I, I–VI] and the text of the composition [1, f. 1b–313a]. In several places of the manuscript there are inserted pages without any pagination. In the text of the composition on Folios 2–25 there is a gap where the author was going to mention the titles of 1300 historical works.

Indeed, on the forehand of the manuscript there are marks of several owners and readers:

- Caption (Inscription): “Tarikh-i Fadhlaka”, in Arabic, a composition by Katib Çelebi [written] in his handwriting [1, f. 1a]:

- “from among the books of the insignificant servant of God, Mustafa ibn Ahmad Mansuri-zada” [1, f. 1a];

- This insignificant translator of “Qamus-i ‘Asim”, took part in the joint reading (mutala’a) of this book (mudawwan) by the late Katib Çelebi “Fadhlaka-yi tamm ta’rih” on the date 1225/1810-1811 [1, f. 1a];

- From the books of Badr's property (tarika), left after his death [1, f. 0Ia];

- Print of the owner's seal – Ahmad Diya' ad-din al-Husayni, dated 1265/1848-1849 [1, f. 1a].

Work's Structure

In the introduction, the author states that the composition would consist of an introduction (muqaddima), three chapters (asl) and a conclusion (khatima) [1, f. 2b–3a]. As conceived by the compiler, each chapter was to be divided into two parts (qism). In turn, each part had to be divided into three sections (fasl).

However, the composition itself has a slightly different structure. In fact, the composition consists of introduction, first chapter and conclusion. The redesigned book

structure is set forth in the table of contents (Fihrist), compiled by the author himself and placed on the flyleaf sheets of the manuscript [1, p. Ib–IVa].

The existing introduction has four sections (fasl). The first section sets out the table of contents of the subdivisions and subsections (Fihrist al-fusul wa-l-abwab); the second section is about the meaning of history and its subject; the third section contains listing of works compiled in the field of science of history; the fourth section is about the foundations and principles of science that a historian should bear in mind.

The main chapter (al-asl) consists of three sections (fasl):

- 1) On the prophets and pre-Islamic rulers (muluk qabl al-Islam);
- 2) On the Islamic rulers. The section consists of ten subsections covering the period from the first century of the Hijra (Muslim era) to the tenth century. In the subsection “The Seventh Century of the Hijra” (al-Qarn as-sabi’), the Chingizid dynasties were described [1, a. 178a].

A significant part of the seventh century of the Hijra was the era of the Ottoman state from its foundation until 1051/1641 [1, f. 197a–250b]. This part was published in 2009 in Ankara by “Türk Tarih Kurumu”, prepared by Sayyid Muhammad al-Sayyid [2].

- 3) On the unrighteous rulers of the Islamic era comprising false prophets, invaders and rebels.

The book ends with the sub-section “Tatimma fi alqab al-muluk wa-d-duwal ‘ala-l-huruf” (Final subsection in the names of possessions and states is in alphabetical order). It is the final part of the composition.

The word “Fadhlaka” in the title of the composition plays a key role in understanding the contents of the composition. As the author himself states in the book, this term is taken from the lexicon of accountants (muhasibun) and means “generalization,” “deriving a general rule” (jumla) of everything that follows from the completion of accounting work with numbers [1, f. IVb, VIb].

The main source of Katib Çelebi was Abu Muhammad Mustafa Efendi ibn Hasan ibn Sinan al-Hashimi al-Jannabi’s (died in 1590-1591) “al-‘Aylam az-zahir fi ahwal al-awa’il wa-l-awakhir”. Al-Jannabi’s text was rewritten in the middle of the page in rectangular frames, word for word or in an abbreviated form. Katib Çelebi increased the number of dynasties from 82 (that were indicated by al-Jannabi) to 150 [7, p. 196]. This increase was mainly due to the excerpts from other sources, which were written down in wide glosses in the margins of the main text.

Katib Çelebi kept the languages of his sources unchanged (in Arabic, Persian and Turkish). The essence of his interventions in the texts of the sources was as follows: 1) he summarizes the information provided by preserving the informative part; 2) the Persian word “hala” (“at the present moment”) is replaced by the compiler on the exact date; 3) he replaces ideological expressions from his Shiite sources, such as “ghazi” – “fighter for faith”, with neutral words and phrases.

Based on its nature, this work can be classified as ta'lif (composition) [10, p. 410–443]. The original character is the classification by the author of materials on dynasties, the giving of serial numbers to biographies of rulers. At the beginning of his work, Katib Çelebi, as it can be seen from the “introduction” (muqaddima), had the intention to compose a completed new book (tasnif). However, he was only able to complete the purely historical part. In it, all world history is presented in the form of the accession of various dynasties, their development, decline and change. Katib Çelebi decided to confine himself to the introduction, the main part in three sections and a brief conclusion (tatimma). The work remained unfortunately in the draft version (musawwada).

What prevented Katib Çelebi from writing the analytical parts (Chapter 2 – “Asl Thani” and Chapter 3 – “Asl Thalith”) and realizing his idea completely? Firstly, it's known that Katib Çelebi responded without enthusiasm to the proposal of Shaykh al-Islam of the Ottoman Empire Zakariya-zada Yahya Efendi (1622–1623; 1625–1632; 1634–1644) to rewrite the draft of the composition (musawwada) into a clean copy (bayad) to present his book to the attention of Sultan Mehmed IV (1648–1687) [13, p. 543]. Secondly, according to some experts, Katib Çelebi decided to implement the idea of “Fadhlaka” in another independent work – “Taqwim al-tawarikh”, completed six years after the completion of the draft of “Fadhlaka” [14, p. 93-100]. It is known that “Taqwim at-tawarikh”, after its completion, was presented to the attention of Sadrazam Koca Mehmed Pasha (1648–1649) through the mediation of Shaykh al-Islam ‘Abd ar-Rahim Efendi (1647–1649). As a result, both of these people played a positive role in Katib Çelebi's return in 1648 to his previous department (Süvarî Mukabelesi) as an official (ikinci khalifelik) at the Sultan's service [7, p. 195; 8, p. 2-3].

History of Chingizids

The main source of Katib Çelebi on the part of the history of Chingizids was “al-‘Aylam al-zahir fi ahwal al-awa'il wa-l-awakhir” by Abu Muhammad Mustafa Efendi ibn Hasan ibn Sinan al-Hashimi al-Jannabi. Our studies show that these data were supplemented with the information from “Ta'rikh-i Jahan-ara” by Qadi Ahmad Ghaffari Qazwini (died in 1567–1568) and “Habib as-siyar fi afraad ahbar-i-bashar” by Ghiyath ad-din Khwandemir (1475–1536) in Arabic. For us, the Arabic translator of “Habib as-siyar” remains unknown.

In the introduction of the book, the author announces his plan to present the history of the Chingizid dynasties “Collection [of information] on the branches of Chingizids” (“Majmu' shu'ab min al-Jingiziya”), dividing them into five branches: 1) Chingizids in Qaraqorum (Ulugh Yurt); 1206–1368; 2) a branch of them in Turan; 1227–1370; 3) a branch of them in Iran (al-'Iraq) and Khorasan, 1256–1353; 4) a branch of them in Dasht-i Qipchaq, 1226–1502; 5) a branch of them, which is called Uzbakiya (Shaybekiya), in Mavarannahr, 1500–1598 [1, f. 2a]. Further, in the text of the book on the insert, which gives an extensive and detailed genealogical diagram of the Chingizid

rulers, the number of rulers for each of the branches is indicated: 1) Qaraqorum or Ulugh Yurt – six rulers; 2) Turan – from the 7th number to the 34th number; 3) Iran (Iraq) and Khorasan – from the 35th to the 50th number; 4) Dasht-i Qipchaq – from the 51st to the 94th number; 5) Mawarannahr – from the 95th to the 104th number [1, insert folio between folios 178-179]. When presenting the history of the rulers of each dynasty in the text of the composition, they are assigned autonomous numbering, starting with one. For example, 46 Dasht-i Qipchaq rulers were given serial numbers. Here it is noteworthy to indicate that the Crimean khans (1428–1792) are represented as successors of the main line of the Juchids, rulers of the Golden Horde (1227–1502). For the rulers of the Shaybekid (Uzbek) dynasty, 15 numbers are given.

In the section “Dasht-i Qipchaq”, when setting out the three branches “Kök Orda”, “Aq Orda” and “Sultans of Khorezm”, the internal numbering of the rulers is not affixed. It is completely absent. In the index of the book (Fihrist) compiled after its completion, of these three branches, only one branch, “Salatin Khwarazm” is indicated [1, f. IIIa].

Principles for Preparing the Original Text for Publication

The following text was typed from the manuscript and all the special characters of the author were taken into account. Genealogical tables of rulers are of independent importance. Therefore, we decided to give their photo illustrations along with the typed text. The immediate ancestors of some Juchids remained obscure to the author [Urus Khan, 1361–1375; Tuqtamish Khan, 1376–1395]. To approximate the origin of such branches, Katib Çelebi organized special subsections: “Kök Horde”, “Ak Orda” and “Sultans of Khorezm”.

When typing, quotes from other sources were compared with the existing editions and manuscripts [16; 17; 18].

The annex to this publication contains original typed texts in Arabic, Persian, and Turkish, genealogical schemes of the Juchid rulers, as well as several photo illustrations that were taken from the unique manuscript.

Cited Sources and Literature:

1. Kâtib Çelebi. Fezleketü akvâli'l-ahyâr, Bayezid Umumi Ktp., nr. 10318. – 315 f. خليفة حاجي، القسطنطيني الله عبد بن مصطفى، چلبى كاتب والأخبار التاريخ علم في الأخير أقوال فذلكة
2. Kâtib Çelebi. Fezleketü Akvâli'l-Ahyâr fî 'İlmi't-Târih ve'l-Ahbâr (Fezleketü't-Tevârîh). Târîhu mülûki Âl-i 'Osman / Edited by Sayyid Muhammad al-Sayyid. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2009. – 563 p.
3. Gökyay, Orhan Şaik. Kâtib Çelebi, Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi, Cilt 25, p. 36–40 (in Turkish).
4. Nasyrov, Il'shat R. Vzgliady Katiba Chelebi (Khadzhi Khalifa) na obshchestvo i gosudarstvo [The views of Katib Çelebi (Haji Khalifa) on society and the state], in: Islam v sovremennom mire, tom 14, No. 2 (2018), p. 95–110 (in Russian).

5. Karliga, Bekir. The Horizon of Katip Çelebi's Thought [Electronic resource] // URL: http://muslimheritage.com/article/horizon-katip-celebi%E2%80%99s-thought#sec_6 (date of the application: 11.04.2020).
6. Lexicon bibliographicum et encyclopædicum a Mustafa Ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum... Gustavus Fluegel, Leipzig, 1835, volume I, p. 31–48.
7. Babinger, Franz. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1927. – 477 p.
8. Müjgân Cumbur. Kâtip Çelebi Hayatı ve Eserleri // Türk kütüphaneciler derneği bülteni, Cilt VII, Sayı 1-2, 1958, p. 1–6 (in Turkish).
9. Bursalı Mehmed Tâhir Bey. Osmanlı müellifleri. 3. Cild. Hazırlayan İsmail Özen. İstanbul Yaylacık Matbaası 1975. – 320 p. (in Turkish)
10. Khismatulin A.A. Vidy musul'manskoi nauchnoi literatury v X-XV vv.: sochineniia (tasnif) i kompiliatsii (talif) [Types of Muslim scholarly literature in the 10th-15th centuries: compositions (tasnif) and compilation (ta'lif)], in: Sbornik statei v chest' 70-letii R.R. Rakhimova – "Rakhmat-name". Ed. by M.E. Rezvan. Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i ètnologii Rossiiskoi akademii nauk, 2008, p. 410-443 (in Russian).
11. Aycibin Zeynep. Katip Çelebi. Fezleke: Tahlil ve Metin [The Text and Analysis of Katip Çelebi's History]. PhD Diss. İstanbul: Mimar Sinan Fine Arts University, 2007. – 1115 p. (in Turkish)
12. Kütükoğlu, Bekir. Fezleke, Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi, XII, İstanbul 1995, p. 541-542 (in Turkish).
13. Özcan, Abdülkadir. "Fezleketü't-tevârîh", Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi, XII, İstanbul 1995, p. 542-544.
14. Mükrimin Halil Yinanç, "Fezleket Ekvâl el-Ahyâr Hakkında", Katip Çelebi: Hayatı ve Eserleri Hakkında incelemeler, Ankara 1985, p. 93-100.
15. Kâtip Çelebi, Takvimü't-tevârîh: in 2 volumes. İstanbul 1146.
16. قاضي أحمد غفاري قزويني تاريخ جهان آرا
تهران
17. غياث الدين بن همام الدين حسيني خواندمير حبيب السير في أخبار أفراد بشر
18. الدرر الكامنة في أعيان المائة الثامنة
أبو الفضل أحمد بن علي بن محمد بن أحمد بن حجر العسقلاني (المتوفى: 852هـ)
مراقبة / محمد عبد المعيد ضان
مجلس دائرة المعارف العثمانية - صيدر اباد/ الهند
الطبعة: الثانية، 1392هـ/ 1972م
عدد الأجزاء: 6